

ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ

*HISTORY
OF EVERYDAY LIFE*

№ 4 (28)

2023

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

научный журнал

ISSN 2542-2375

Учредитель, издатель:
**Ленинградский государственный
университет имени А. С. Пушкина**

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612 от 04.03.2016 г.
Журнал издается с 2016 года
Периодичность: ежеквартально

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой
степени кандидата наук, на соискание
ученой степени доктора наук

Главный редактор

В. А. Веременко, доктор исторических наук, профессор, Россия

Заместитель главного редактора

В. Н. Шайдуров, доктор исторических наук, доцент, Россия

Ответственный секретарь

О. А. Семёнова, кандидат исторических наук, Россия

Технический секретарь

А. Е. Жукова, кандидат исторических наук, Россия

Редакционная коллегия

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке
оформляются в соответствии с требованиями
для авторов, установленными редакцией.
Редакция не вступает в переписку с авторами
статей, получившими мотивированный отказ
в опубликовании. Статьи, оформленные
не по правилам, редакцией не рассматриваются.

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

scientific journal

ISSN 2542-2375

Founder, Publisher:
Pushkin Leningrad State University

The certificate of the mass media registration III № ФС77-68612,
March 04, 2016

The journal is issued since 2016
Quarterly, 4 issues per year

The journal is included into
the list of reviewed academic journals
and periodicals recommended
for publishing in corresponding series basic
research thesis results for a PhD Candidate
or Doctorate Degree

Chief editor

V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia

Deputy Chief editor

V. N. Shaidurov, Doctor of History, Associate Professor, Russia

Executive editor

O. A. Semenova, Candidate of History, Russia

Technical secretary

A. E. Zhukova, Candidate of History, Russia

Editorial Board

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia

O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia

L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova

S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan

V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia

S. V. Liubichankovskiy, Doctor of History, Full Professor, Russia

K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan

N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia

D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA

M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia

L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China

T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board. The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board.

СОДЕРЖАНИЕ

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

- Н. В. Тихомиров** [8]
Повседневность Горного Алтая в условиях советской модернизации 1920-х гг. (по материалам газеты «Ойротский край»)
- В. Шмидт** [28]
Региональная пресса Веймарской Германии как источник по исследованию вопросов эмиграции меннонитов и немецкого крестьянства в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Хроника событий
- О. А. Валькова** [45]
Борьба с семейственностью в Физическом институте им. П. Н. Лебедева АН СССР в начале 50-х гг. XX в.

ИСТОРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ

- В. Ю. Шевелёв** [69]
Социальный портрет учителя в отечественной педагогической периодической печати в 1860–1880-е гг.
- И. С. Тряхов** [85]
Деятельность детских домов во Владимирской и Ивановской областях в годы Великой Отечественной войны
- П. П. Фантров, А. Н. Дубровина** [106]
Практики социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в первые послевоенные годы (на примере Сталинградской области)

ИСТОРИОГРАФИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

- А. Д. Попова** [126]
Путеводители рубежа XIX–XX вв. как исторический источник о повседневной жизни

Л. А. Болокина

«Кажется, что хоть немножко, а поговорил с тобою, моя дорогая, и с ребятками». Письма Ш. З. Голубкина к жене и детям как исторический источник

[145]

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

М. О. Акишин

Выбор Петра Великого и начало государственной деятельности В. де Геннина

[163]

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

И. А. Шадрина

Возрождение «Артиллерийского журнала» в разные периоды отечественной истории и в настоящее время как необходимая государственная мера для популяризации военной науки и образования

[176]

CONTENTS

POWER AND SOCIETY

- Nikita V. Tikhomirov** [8]
Everyday Life of the Altai Mountains in the Conditions
of Soviet Modernization of the 1920s
(Based on the Newspaper "Oiroi Region" Materials)
- Waldemar Schmidt** [28]
Regional Press of Weimar Germany as a Source for Study
of the Emigration of Mennonites and German Peasantry
in the late 1920s – early 30s. Chronicle of Events
- Olga A. Valkova** [45]
The Fight with "Semejstvennost'" at the P. N. Lebedev
Physical Institute of the USSR Academy of Sciences
in the Early 50s of the 20th Century

HISTORY OF EDUCATION

- Vitaly Yu. Shevelev** [69]
Social Portrait of a Teacher in the National Pedagogical
Periodicals of 1860–1880s
- Ilja S. Tryakhov** [85]
Activities of Orphanages in the Vladimir and Ivanovo
Regions During the Great Patriotic War
- Pavel P. Fantrov, Anastasia N. Dubrovina** [106]
Welfare Practices of Social Security of Orphans and Children
Left Without Parental Care in the First Post-war Years
(on the Example of Stalingrad Region)

HISTORIOGRAPHY AND SOURCE STUDY

- Anna D. Popova** [126]
Guidebooks of the Turn of the 19th – 20th Centuries
as a Source of Historical Data on Everyday Life

Lyubov A. Bolokina

[145]

"It Seems That at Least a Little Bit, but I Talked With You, my Dear, and With the Guys". Letters of Sh. Z. Golubkin to his Wife and Children as a Historical Source

PERSONALITY IN THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

Mikhail O. Akishin

[163]

The Choice of Peter the Great and the Beginning of V. de Gennin's State Activity

REVIEWS AND SURVEYS

Irina A. Shadrina

[176]

The Revival of "The Artillery Journal" in Different Periods of Russian History and at Present as a Necessary State Action for the Popularization of Military Science and Education

Повседневность Горного Алтая в условиях советской модернизации 1920-х гг. (по материалам газеты «Ойротский край»)

Н. В. Тихомиров

В статье отражены результаты изысканий о повседневной жизни Горного Алтая 1920-х гг. по материалам региональной периодической печати. Проанализированы выпуски газеты «Ойротский край» за указанный период. Рассмотрены разные стороны сельской повседневности, связанные с домашним бытом, семейными отношениями, досугом, обеспечением здоровья, духовно-нравственными представлениями, общественной работой, хозяйственной и управленческой деятельностью. Выявлены поведенческие и мировоззренческие особенности местного населения, отражена динамика их изменений в условиях ускоренной советской модернизации. Показана степень охваченности «культурным обновлением» различных категорий населения. Прослежены предпосылки связанных с этим конфликтов и противоречий, особенности их проявления в повседневной жизни. В основу работы положены принципы историко-антропологического исследования. Полученные выводы призваны расширить научные представления о повседневности Горного Алтая в рассматриваемый период, углубить понимание специфики протекания культурной революции на окраинах советской России, полнее раскрыть познавательные возможности советской периодической печати как ценного исторического источника.

Ключевые слова: Горный Алтай, история повседневности, обыденное сознание, Ойротия, периодическая печать, советские газеты.

Для цитирования: Тихомиров Н. В. Повседневность Горного Алтая в условиях советской модернизации 1920-х гг. (по материалам газеты «Ойротский край») // История повседневности. – 2023. – № 4. – С. 8–27. DOI: 10.35231/25422375_2023_4_8. EDN: GIVMNZ

Введение

Объектом исследования является повседневность Горного Алтая в первое послереволюционное десятилетие. Предметом изучения служат особенности бытового поведения и обыденного сознания жителей региона в условиях начального этапа советской культурной революции 1920-х гг. Источниковую базу составили номера газеты «Ойротский край» за соответствующий период.

Политическая и социально-культурная история Горного Алтая основательно освещена в советской [1; 2] и современной научной литературе [3–9]. В трудах исследователей затронуты проблемы крестьянского быта Алтая в XX в. [10], коренного кочевого населения Ойротии¹ [11], становления и развития местной периодической печати [12; 13]. В историографии новейшего периода получили проработку вопросы повседневной жизни региона [14; 15]. Рассмотрены вопросы привлечения периодической печати как источника для историко-антропологического изучения Горного Алтая [16; 17].

Задачи исследования состоят в расширении и уточнении представлений об особенностях жизнеустройства, ценностных установках и повседневном мышлении жителей Горного Алтая 1920-х гг. В основу работы положены методы системного и структурного анализа газетных публикаций, широко использован описательно-повествовательный метод. Формат статьи не позволяет приложить к обширному массиву материала всего комплекса актуальных исследовательских практик, включая методы дискурсивного и контент-анализа, историко-типологического метода и т. д. Сознвая ограниченность объёма публикации, мы делаем упор на выявлении и характеристике структур повседневности, нашедших конкретное отражение в материалах периодической печати. Выражаем уверенность, что проделанная работа будет полезна для дальнейших изысканий, призванных расширить данный первоначальный опыт.

Публикации «Ойротского края» ценны как известия о повседневной жизни, полученные из первых рук. Авторы большинства заметок, сельские корреспонденты – деятельные обыватели, оповещавшие редакцию о текущих событиях и происшествиях.

¹ Понятие, использовавшееся в 1922–1948 гг. для обозначения Ойротской автономной области РСФСР (с 1948 – Горно-Алтайская автономная область; ныне – Республика Алтай в составе РФ).

Это документы эпохи, отобразившие наличную действительность региона в многообразии частных обстоятельств.

Некоторые материалы близки этнографическим очеркам, они изображают хозяйственный уклад, привычки, обычаи и суеверия, создавшие своеобразие социально-культурной среды сельских сообществ. Авторы воспринимали описываемые явления как данность, не вызывающую познавательного любопытства. Для историка же, вооружённого антропологической оптикой, в этой череде небольших сообщений открывается широкое поле для проблемных изысканий. Если человек 1920-х гг. писал о чертах своего окружения, чтобы способствовать их скорейшему искоренению, то современный исследователь вчитывается в те же строки, дабы восстановить по ним обычную систему повседневности отдалённого прошлого.

Результаты

Советский культпоход по сёлам Алтая преобразил бытовой уклад местного населения. Наиболее революционными оказывались перемены в жизни алтайцев, которые впервые осваивали бытовые навыки, хорошо известные русскому населению региона. В 1928 г. женщины-делегатки Онгудайского аймака указывали, что начинают купать детей, заводят корыта для стирки белья, обставляют юрты столами и скамейкам. Алтайки урочища Улита взяли обыкновение умываться, что раньше не считали нужным. Одна из них делилась опытом: «Посуду я мою каждый день, мету пол, мою его. Теперь в баню вся семья ходит». Нехитрые новшества давались порой нелегко. Делегатка от урочища Кулада рассказывала: «Трудно сначала было. Как мыть пол, не знала» [18, с. 2]. Подспорье в овладении бытовыми навыками оказывали работники юрт-передвижек, помогавшие на местах организовать пункты ликвидации безграмотности и курсы домоводства [19, с. 2].

Важную часть бытового благополучия составляли вопросы охраны здоровья, с чем имелись трудности, обусловленные обычаями и традиционными практиками. Например, летом каждая деревня нанимала пастуха, который поочерёдно кормился в каждом дворе по нескольку дней, принимая пищу вместе с семьёй хозяина из общей посуды, пользуясь часто хозяйским бельём. В итоге он становился разносчиком заразных болезней,

в частности сифилиса [20, с. 5]. Оказание врачебной помощи населению затруднялось деятельностью знахарок, священников и алтайских шаманов (камов). Несведущие люди по привычке тянулись к народным целителям, неся материальные издержки и подрывая здоровье. В 1929 г. священник села Чепош посоветовал женщине, у ребёнка которой загноились глаза, заварить густой чай, напустить в него мыла и таким составом промыть ребёнку глаза; другой гражданке он велел прикладывать к ране солёную селёдку [21, с. 4].

Распространение полезных знаний и навыков требовало надлежащей организации свободного времени селян. В области досуга и развлечений новаторы вели борьбу с праздностью, пошлостью и пьянством. Последнее имело подчас губительные последствия. Народные гуляния, неизменно сопряжённые с выпивкой, нередко оборачивались настоящим бедствием. Особые бесчинства приходились на дни больших церковных праздников, как это было в 1928 г. на Христово Воскресение: «То там до полусмерти избили, то в другом месте несколько ребер с места вышибли»; «Зайди в больницу – вот лежит тихая парочка. Это хозяин и гость: один вилами проткнут, у другого ребра нет» [22, с. 4].

Противодействие пьянству силами местного партактива нередко было фиктивным. Партийная ячейка одного из аймаков постановляла: «не пить», «бороться с пьянством», «не останавливаться даже перед такими мерами, как исключение из рядов партии». Но сами партийцы пили «до бесчувствия», забывая о собственных постановлениях [23, с. 2]. Молодые политработники осваивали риторику, требуемую для формальной отчётности, менять же собственное поведение не считали нужным. Торжественные сводки об успехах общественных мероприятий оставляют иной раз противоречивые ощущения. В 1924 г. селькор одного из районов писал: «... основное то, чтобы вся ячейка решила не пить» [24, с. 2]. В этом сообщении примечательно невольное признание поражённостью пьянством местного партрактива.

Борьба с изъятиями общественной нравственности велась также по линии культпросвета и шла с переменным успехом. С одной стороны, публичные лекции, театральные постановки и показы с использованием волшебного фонаря притягивали обывателей. С другой – скудость материальных возможностей зачастую не позволяла развернуть полезную деятельность на по-

стояннoй oснoвe. Сeльсoветы и аймачные испoлкoмы пoдчac нe мoгли oбeспeчить рaбoту прoсвeщeнцeв нa мeстax, oтчeгo eдвa сoздaнные избь-читaльны стoяли в зaпустeнии. Мeстнoe нaсeлeниe при всeм сoчувствии к дeлу кoльтурнoгo oбнoвлeния нe oблaдaлo пoнимaниeм тoгo, кaк нaлaдить тaкую рaбoту. В итoгe прeжним фoрмaм дoсугa нeчeгo былo прoтивoпoстaвить.

Пeрвeйшaя прoблeмa кoльтурнoгo aктивa нa мeстax свoдилась к умeнию увлeчь нaсeлeниe нoвизнoй, чтo пoрoй успeшнo дoстигaлoсь. В фeврaлe 1924 г. кoмсoмoльцы Усть-Кaнa пoстaвили пьeсу «Сивoлaпинскaя кoмeдия», кoтoрaя сoбрaлa дo 200 чeлoвeк и прoшлa oчeнь живo. Пo нaблюдeнию сeлькoрa, нeкoтoрoe врeмя спустя сeлянe пoвтoряли «нaибoлee мeткие вырaжeния из пьeсы», чтo свидeтeльствует o сильнoм впeчaтлeнии, кaкoe прoизвeлa нa них пoстaнoвкa [25, с. 2].

Oгрoмнoe знaчeниe здeсь имeли нaвыки мaссoвoй рaбoты. Нo для члeнoв мeстных ячeeк, выдвинутых из крeстьянскoй срeды, тaкaя дeятeльнoсть былa чуждoй. При дoлжнoм урoвнe грaждaнскoй сoзнaтeльнoсти им пoпрoсту нeoткудa былo взять нужные знaния и oпыт. В 1928 г. сeлькoр крoтикoвaл кoмсoмoльскую ячeйку сeлa Тьргaнa зa нeспoсoбнoсть нaлaдить кoльтурнo-мaссoвую рaбoту. Пoлезные нaчинaния свoдись к плясaм: «Пoстaвили спeктaкль. Кoнчили, чтo дeлaть дaльшe? Прeдлaгaют игрy рoкoвoдитeли вeчeрa. Мoлoдeжь oткaзывается, нaчинaет тaнцeвaть. Тaк в тaнцax вeсь вeчeр прoшeл. В aпрeлe жe был устрoен вeчeр вoспoминаний. Пoслe кoрoтeнькoгo дoклaдaкa oпять прoинялись зa тaнцy» [26, с. 4]. Пoхoжим oбрaзoм oбстoяли дeлa в ячeйкe ВЛКСМ сeлa Мaнжeрoк. Сeлькoр, пoсeтивший тaм мoлoдeжнoe сoбрaниe, тaк oписaл увидeннoe: «Сeкрeтaрь срeди кучи мoлoдeжи жмeтся гдe-тo у стeнки и нe знaет, кaк приступить к oткрытию сoбрaния. Пoвeстки никaкoй нe рaзрaбoтaнo, a вoпрoс eсть и дoвoльнo сeрьeзный – рaсшaтaлaсь ячeйкa. Цeлый мeсяц нe былo сoбрaний. Дисциплинa пaлa. Из дeвяти члeнoв ячeйки eлe-eлe нaсчитaл пять, дa и тo oдин кудa-тo скрылся, oстaлoсь чeтырe <...> нe сoбрaниe, a бaрaхoлкa». Мeрoпрoиятиe тaкжe зaвeршилoсь гуляниeм, вызвaвшим рaздрaжeниe сeлькoрa: «Ничeгo сoдeржaтeльнoгo, дaющeгo пищи для умa» [27, с. 2].

Нeрeдкo сущнoсть нoвых oбщeствeннo-пoлитeских oргaнизaций oстaвaлaсь нeпoятнa oбывaтeлю. Привносимые

свыше модели общественного устройства люди наитием пытались подладить к издавна освоенным навыкам поведения. В итоге советское строительство на низовом уровне было современным по внешности, но глубоко традиционным по содержанию. Так, в январе 1927 г. селькор бранил председателя одного из сельсоветов за то, что тот, получая казённое жалование, не мог перестроить управленческую работу, ведя дела по старинке: «Чуть что, скорей за сельским исполнителем да народ сзывать на сходку». Избранный глава сельсовета действовал, по сути, как сельский староста прежнего времени. Не желая вдаваться в содержание насущных вопросов, он перекладывал ответственность за их решение на крестьянский мир, выхолащивая функцию сельсовета как управленческого органа. «Выходит, что свою Советскую власть мы избрали, а она – в кусты» [28, с. 2], – огорчился автор заметки.

В 1927 г. житель посёлка Тырга по личной просьбе получил место под пасеку у населенно пункта Куманак. Сельсовет выдвинул условие, чтобы тот «каждый год до отказа поил их пивом», что пасечник исправно делал, однако члену сельсовета показалось мало, и он стал требовать больше под угрозой изъятия земельного участка. Со слов селькора, граждане «не хотят верить, что это советский работник, они говорят: “Это прежний староста”» [29, с. 4]. Эти и многие подобные примеры высвечивают коренную проблему новых институций в послеволюционной России: их внедрение *de jure* часто не сопрягалось с перестройкой обыденного сознания. Люди воспроизводили строй прежней жизни посредством новых учреждений, которые, по задумке реформаторов, должны были его ломать.

Деревенские обыватели выказывали непонимание даже самих понятий социалистической модернизации, через которые она укреплялась в культуре. Слова «коммунизм» и «коммунист» оставались для них наполненными зловещими смыслами. Так, в селе Соузге летом 1923 г. с трудом был создан культурно-просветительский кружок, куда записались лишь 18 человек из молодёжи. Прочие, особенно девушки, опасались: «не в коммунисты ли нас хотят заудить». Селяне отказались помогать кружку помещением, дровами, керосином и прочим: «Умней отцов захотели быть, стариков учить задумали» [30, с. 2]. В селе

не завели ещё ни школы, ни избы-читальни, то есть систематической работы по просвещению налажено не было.

Пассивное противление просветительскому почину сохранялось и там, где новые институты заработали. В селе Салганде в 1924 г. имелись отделение культпросвета, изба-читальня и драматический кружок, действовала ячейка РКП(б). Однако селяне уклонялись от культурных начинаний, отговариваясь тем, что «своих дыр много починять приходится». Старшее поколение старалось оградить подростков от нововведений: «Сейчас-де в культпросвет, а оттуда в комсомол выдумаете, а там на всеобуч. Вот тут-то хлопоты и чистый убыток – разорение!» Родительской воле в основном подчинялись. По замечанию селькора, сознательных граждан в селе было «один-два и обчелся». Зато к местному съезжому престольному празднику здесь не жалели «ни средств, ни время, ни хлопот» [31, с. 4].

Коммунизм как иную, наступающую, действительность воспринимали наитием. Признаки новой жизни сталкивались со старыми устоями, что вызывало тревожность у сельских жителей, особенно если дело доходило до ниспровержения того, что виделось основой жизненного строя: церкви, патриархальной семейственности и т. д. Для части общества отказ от прежних ценностей был сравнительно лёгок, поскольку сопровождался приобретением ранее не доступных благ в виде образования, свободы общения и улучшения хозяйственного состояния. Однако для поколений отцов и дедов из числа состоятельных граждан эти вещи не были привлекательны, поскольку в них не испытывали потребности и не видели возможной пользы. В насаждаемых преобразованиях они видели порушение привычных устоев, служивших им залогом житейского благополучия. В 1925 г. «Ойротский край» рассказывал о семье некоего Кузнецова из села Чемал, чья жена была активной делегаткой, сын – деятельным членом в отряде юных пионеров. Сам Кузнецов по неназванному поводу долго отсутствовал, вернувшись, погнал обоих из дома, поскольку те «стали на коммунистический путь». Чтобы заслужить прощение отца семейства, обоим следовало «отречься» от организаций, в которых они состояли, вернуться к богопочитанию, посещению церкви [32, с. 5].

Культовая символика и обрядовые навыки принадлежат наиболее устойчивой части ядра традиционной культуры. Потому

отрицание модернизаторами бога и церкви служило одной из главных причин раздора в деревенских сообществах. При этом религиозное поведение в быту не было сопряжено со строгим следованием духовному учению, которое к тому же не было в достаточной мере доступно рядовым селянам. Христианский этикет воспринимался через призму традиционных представлений, ценность которых определялась исторической глубиной традиции, но не была подкреплена надлежащим идейным основанием. Приверженность к такого рода практикам являлась, по сути, укоренённой привычкой, поддерживаемой воздействием общественного окружения. Человек, получавший возможность преодолеть внешнюю ограниченность сельского быта путём взаимодействия с носителями новых культурных идеалов, сравнительно просто отказывался от прежних установок. Пропагандистские мероприятия и причастность к просвещённому кругу общения обеспечивали нравственное подкрепление и легитимацию нерелигиозных форм повседневности. Прежде всего это касалось молодёжи, не завершившей первичной социализации, имевшей возможность критического восприятия старины. Старшее поколение, замкнутое в условиях прежнего быта, выказывало стойкую враждебность наступлению светского модерна. Кое-где ещё крепок был старый уклад жизни: «Бабушки и кумушки собираются кучками, ведут разговоры об антихристе, о последних временах, о коммунистах <...> которые мешают жить по-дедовски» [33, с. 2].

В Чемале в 1924 г. произошла распря между родителями и дочерью на почве религиозного отступничества последней. Пятнадцатилетняя девушка была послана на школьное обучение в Улалу, где, «почувствовав себя свободной от родительского влияния, она сразу же вступила членом в школьную ячейку Комсомола». Приехав домой на каникулы, школьница тут же выказала забвение прежних устоев: при входе в комнату не перекрестилась на красный угол. Обновление нравственного облика дочери родители встретили гневно: «Мало того, что переучилась, бога забыла, молиться отучилась, ещё и антихристову печать на грудь прицепила» [34, с. 4]. Для вразумления молодую комсомолку отправили в церковь к заутрене. Противиться родителям она не посмела, но за всё время службы сознательно ни разу не перекрестилась.

Иной случай имел место в 1925 г. в Улаганском аймаке, где «малограмотный теленгит», член местного исполкома, проникся идеей о равноправии женщин. Своей дочери, по обычаю сосватанной ещё младенцем, он предоставил свободу выбора супруга и вернул семье первого жениха полученный ранее «калым». Этот поступок произвёл «сильное впечатление на граждан, в особенности на женщин и девушек-алтаек» [35, с. 3].

Раскрепощению нравов способствовало и устранение институтов, обеспечивавших устойчивость традиций, прежде всего – церкви. Удар, нанесённый ей реформаторами, пошатнул её статус как аттрактора социально-культурного развития. Борцы с религией на местах подчас довольно тонко понимали важность мягкого воздействия на сознание селян в борьбе с церковностью и суевериями. Опыт показал просветителям, во-первых, стойкость мистических убеждений в народной среде; во-вторых, отторжение обывателями приёмов грубого богоборчества. Так, накануне Рождества 1926 г. «Ойротский край» наставлял: «В вопросе проведения антирождественской пропаганды мы должны соблюдать строжайший такт и осторожность, не допуская резких выпадов против религиозных чувств верующих» [36, с. 4].

Истребление религиозности происходило в попытках заместить формы церковного поведения светской обрядовостью. Повсеместно получили распространение «октябрины» – коммунистический аналог крестин. Примеры изобретательности при подборе революционного имени были разнообразны. Иногда сочинители, не слишком умствуя, могли наречь новорожденного «Лениным» [37, с. 3]. Порой творческие находки бывали затейливы: «Сейчас у нас проходит перестройка всего народного хозяйства: рационализация, электрификация, машинизация и индустриализация. В честь этого имя ребёнку дали Рэми» [38, с. 2]. Об укоренении новой практики свидетельствуют стихи о прогульщике, напечатанные в газете в 1926 г.:

«В понедельник я напился,

Вторник – сына октябрил...» [39, с. 2].

В борьбе за умы имел значение каждый шаг: при бездеятельности просветителей люди легко возвращались в русло прежних порядков. Селькор из Александровки сообщал: «Вот пришла пасха, в церкви поднялся трезвон, а избач ничего в из-

бе-читальне не устроил – молодёжь и пошла к заутрене» [40, с. 4]. Духовенство прилагало усилия для сохранения паствы. Так, в Русском Камлаке священник организовал крестный ход первого мая, «чтобы сорвать праздник» [41, с. 1].

Впрочем, религиозные воззрения неуклонно расшатывались, ярким проявлением чего стали выступления бывших служителей культа, публично порывавших с былыми занятиями. Таково, например, письмо в редакцию «Ойротского края» одного из местных шаманов, признававшегося: «Не веря в богов, я всё же продолжал камлать из-за заработка, из-за почёта, который нам оказывали и до сих пор оказывают тёмные алтайцы». Автор призывал камов и «русских попов»: «... бросьте дурачить народ, зарабатывайте кусок хлеба честным путём» [42, с. 1]. Ему вторил другой кам: «Перед всем населением области открыто заявляю, что отрекаюсь от своего камства» [43, с. 2].

Те же настроения прослеживались в среде православного духовенства. Бывший начетник на страницах газеты признавался, что служил, не разбираясь в том, к какому вреду ведёт его деятельность: «Теперь я понял, что всё это ведёт только к заблуждению, к обману, а поэтому отказываюсь от обязанностей наставника» [44, с. 2]. Другой гражданин жаловался, что его как сына священника «многие считают пристрастным к религиозным воззрениям». Он, хоть и получил религиозное воспитание, резко отвергал «религиозные предрассудки», будучи верным «заветам наших вождей» [45, с. 4]. Это письмо по-своему показательное. В местных малочисленных сообществах слухи пускались легко и распространялись быстро, отчего в короткий срок могли дурно сказаться на жизни конкретного человека. Обращение в газету оставалось порой для жертвы народной молвы последней возможностью защитить личную честь и достоинство. Примечательно в этой связи письмо жителя Улалы, трудившегося членом-консультантом и секретарём областного планового отдела. Его беспокоили слухи о его мнимой принадлежности к партии эсеров: «Последнее время эти сведения из области милой шутки переходят в область серьёзных обвинений, почему я и решил публично ответить» [46, с. 2].

Роль авангарда модернизации на низовом уровне советское руководство отводило комсомольцам, кружковцам, избачам и прочим представителям просвещенческого актива, ждало от них

гражданской сознательности, распространения социалистической культуры. Однако попадание селян во вновь учреждаемые организации не всегда было следствием осознанного, идейно подкреплённого выбора. В комсомольские ячейки по классовому основанию мобилизовали самых разных людей. Рабочих задач этой структуры они могли не понимать в силу невежества, а собственное членство в ней воспринимали как одну из повинностей, к исполнению коих были приучены жизненным опытом. В итоге комсомольцы по званию оставались дремучими деревенскими подростками, чьи житейские установки никак не меняло обретение нового статуса. Подчас они проявляли наклонности, в корне противоречащие провозглашённым нравственным идеалам. В 1924 г. комсомолец деревни Курунда «не советовал» приятелям идти в комсомол, поскольку там не получить развлечений: «самому приходится по частным вечеринкам таскаться». Для приятного увеселения молодой человек советовал «откупить где-нибудь избу да и поигрывать, и выпить; там можно и в случае мордобоя не трусить» [47, с. 4].

В некоторых местах комсомольцы чурались массовой работы. К примеру, в селе Бешпельтире спектакль, поставленный младшими школьниками под руководством учителя, собрал «больше взрослых и ребят. Молодёжи не видно». Местная ликвидатор пояснял: «Наши комсомольцы слабо участвуют в культурной работе» [48, с. 4].

Попытки увлечь молодёжь общественно полезной деятельностью нередко проваливались из-за косности организаторов, не знавших, как расположить подопечных к непонятным для них занятиям. Так, ячейка ВЛКСМ села Чергачака почти каждый праздник устраивала вечера, но организовывала их «так безалаберно, что у беспартийной молодёжи может пропасть охота их посещать». Летом 1928 г. проводили день крестьянской молодёжи, поставив на нём вопросы о самокритике и кружке физкультуры. Молодёжь, собравшись в урочное время, забавлялась пением и плясками под гармонь, а при первой попытке руководства ячейки начать серьёзный разговор, потянулась прочь. Из 60 списочных членов кружка физкультурников остались 20 [49, с. 2].

Ощутимые трудности возникали на уровне управления общественной жизнью. Повсеместно создаваемые советские органы

власти работали подчас никудышно. Руководящая должность воспринималась нередко как почётное положение с вытекающими отсюда патриархальными представлениями о способах осуществления вновь обрётённых полномочий. В августе 1926 г. пьяный член Озеро-Куреевского сельсовета избил крестьянина со словами: «Я член сельсовета и ничего не боюсь» [50, с. 3]. Попадание таких никчемных кадров на ответственную работу проистекало из особенностей обывательского мышления. Политическое поведение нового типа предполагало учитывать профессиональную пригодность кандидатов. Однако господство традиционной рациональности подсказывало иные подходы, вроде описанного одним из селькоров в 1927 г.: «Мы имеем случаи, когда в члены сельского совета выбирали попросту, не задумываясь над личными качествами избираемого, а, как говорится, брали “с краю”, по “очереди”. И получилось, что само же общество плакалось потом с таким сельсоветом» [51, с. 2].

Вероятно, на новые должности нередко выдвигали людей в связи с их общественным положением: достойных начальствующего чина нередко искали среди уважаемых членов общины, то есть людей зажиточных. Те, в свою очередь, воспринимали это как признание собственного авторитета. Так, в деревне Новая Улала избучитальню вверили сыну зажиточного крестьянина. В новой должности он показал себя скверно и был снят «за халатность к работе и неумение», после чего оформил пособие в страховой кассе. По свидетельству односельчанина, на получаемые таким путём средства молодой человек «... устраивает помочи с выпивкой. Всё время пьянствует и занимается выгонкой арачки» [52, с. 3]. Показательно то, что распущенный парень получил должность сельского просветителя, а затем без явной нужды получил денежное содержание. Оба решения были явным выражением почтения сыну уважаемого на селе человека.

Безалаберность руководителей была также следствием трудного приживания новых социальных структур ещё в традиционном обществе. Форма, возникшая раньше осознанной потребности в ней, оказывалась дисфункциональна. Обыватель нередко стремился либо приспособить новые возможности под привычные потребности, либо пассивно принимал новшества как данность, бесполезно усложняя быт. Безответствен-

ность рождало непонимание собственных задач – того, за что ответственность и требовалось нести. В селе Аносе председатель сельсовета поначалу работал хорошо, но после «свихнулся парень: стал гулять, забыл о работе. По несколько дней, случается, не заглядывает в сельсовет» [53, с. 2].

Отношение населения к культурно-просветительской работе разнилось от горячей поддержки до резкого отторжения. Порой сельяне охотно вовлекались в налаживание новой жизни. Так, жители села Нижний Ашпанак с воодушевлением встретили учреждение кружка физкультурников и своими силами соорудили спортивную площадку. Посмотреть на стройку выходили даже женщины с грудными детьми [54, с. 2]. Жители села Булундыка деятельно способствовали развитию просвещения: один сельянин передал под ликпункт избу, другой взялся её отремонтировать; на нужды образования отчислили «по четвертаку от двора» [55, с. 2].

Частью граждан подобные мероприятия воспринимались как праздная суета. Показательно, что в числе таковых оказывались представители советских органов, которые собственное должностное положение понимали вне целей и задач программы модернизации. В Ынырге «культурная сила деревни» в лице секретаря сельсовета и счетовода крестьянского комитета общественной взаимопомощи не только избегали культурной работы («Мы не можем, да и неинтересно это»), но и насмеялись над теми, кто принимал в ней активное участие а [56, с. 1]. В селе Терехте работу ликпункта срывали трое подростков: на сборах и занятиях они «произносили неприличные слова, делали различные выкрики», смеялись над учащимися. Ребята помладше сетовали, что получать знания не удаётся [57, с. 3]. Безнаказанность смутьянов показывает, что вопросы образования мало волновали местных жителей, не спешивших пресечь вредные выходки. Порой и сами просветители оставались приверженцами старого уклада. Учительница из посёлка Сугаш была религиозна, устраивала поминальные застолья, на которых беседовала с «бабушками и кумушками» о неприятии богоборческой политики советской власти: «Мы должны делать так, как делали наши родители» [58, с. 2].

За внешней принадлежностью к новой культурной формации скрывалось иногда патриархальное мышление. Заведующий

избой-читальней села Бирюля женился на комсомолке, которую с того времени не пускал на комсомольские собрания, политические читки и т. д. Местный наблюдатель чётко уловил разрушительные последствия такого поведения: «Крестьяне смотрят на это и говорят, что если культурные люди держат своих жён в руках, так уж куда же нашим бабам ходить по собраниям» [59, с. 5].

Случалось, что специалисты, отправленные на работу в деревню, вели себя высокомерно. Один бранил крестьян за обращение к нему на «ты» как оскорбительное для образованного человека и даже поднимал этот вопрос в аймачном исполкоме. При этом сам был с крестьянами на «ты», нарочито подчёркивая собственное превосходство [60, с. 3].

Оценивая динамику советского культпохода, важно учитывать конкретные условия жизни людей. Отрезанность части граждан, в особенности детей, от новых форм культурного общения предопределяло торможение модернизации в пределах целого поколения. А значит, в ряде локальных сообществ на протяжении двух и более десятилетий воспроизводство архаичных образцов поведения могло происходить без особых препятствий. При этом старые нравы, закреплённые в повседневных привычках, могли со временем обретать противообщественное содержание, входя в противоречие с новыми требованиями общественного устройства.

К середине 1920-х гг. в регионе были зарегистрированы 2116 беспризорных, причём работа по их выявлению не была завершена. Многие дети оставались без государственной опеки и часто батрачили у зажиточных селян, где «исполняя повседневные непосильные работы, лишались возможности обучаться грамоте, участвовать в коллективной школьной жизни». Большая часть сирот, «гастролировала по селениям, попрошайничала и совершала правонарушения». Безотрадным было положение в отдалённых урочищах, где не было школ и каких-либо общественных организаций [61, с. 2].

Обсуждение и выводы

Повседневную жизнь Горного Алтая 1920-х гг. характеризует выраженное диалектическое противоречие, воплотившееся в борьбе традиционного жизненного строя с бойко насаждавшимися извне институтами. Их восприятие местным насе-

лением не было однозначным, а поддержка – единодушной. В столкновении старых и новых культурных форм, наблюдаемых в отражении периодической печати, проявляются устойчивые структуры повседневности в их местном своеобразии.

Малочисленность и рассеянность населения региона вкупе со слабыми материальными возможностями приводила к тому, что отдельные сельские сообщества неравномерно включались в процесс культурной революции. Поэтому на протяжении 1920-х гг. регион представлял собой пёструю мозаику современных и традиционных форм повседневности в их многообразных сочетаниях.

Новые навыки общественного взаимодействия и обыденного мышления лучше всего прививались тем, для кого опыт прежней культурной традиции не успел обратиться в систему руководящих привычек и закрепиться на уровне мировоззренческих стереотипов. Это создавало предпосылки напряжённости в межличностных и общественных отношениях.

Обновленческие начинания в разной мере сказались на всех сторонах жизни ойротского населения – от бытового обихода до коренных ценностных представлений. Нередко модернизация давала половинчатый либо вовсе несущественный результат: внедряемые образцы гражданского поведения вырождались в пустую обрядовость, лишь условно воспроизводящую внешние черты социалистического порядка. Вместе с тем рационально-просветительские ценности трудно, но уверенно закреплялись в общественном сознании.

Список литературы

1. Екеев Н. В. Социально-экономическое развитие деревни Горного Алтая в 1920-х годах. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское отделение Алтайского книжного издательства, 1988. 208 с.
2. История Сибири с древнейших времён до наших дней: в 5 т. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. Л.: Наука, 1968. 501 с.
3. Захарова Т. В. Социальные преобразования в Горном Алтае в 1920–1930-е годы. Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2008. 162 с.
4. Зиберт Н. П. Антирелигиозная деятельность комсомольских и пионерских организаций на Алтае в 1920-е гг. // Известия Алтайского государственного университета. – 2017. – № 5. – С. 44–48. DOI: 10.14258/izvasu(2017)5–06. EDN: ZWEEAT

5. История Алтая. В 3 т. Т. 3: Алтай в новейшую эпоху (XX – начало XXI века) / под ред. Е. В. Демчик. Барнаул: АГУ, 2019. 484 с.

6. Колташев А. Н. Тенденции культурного строительства в Горном Алтае в 1920–1930-е годы // Исторический журнал: научные исследования. – 2016. – № 5. – С. 563–570. EDN: XBDTXZ

7. История и современность Республики Алтай: материалы республиканской научно-исторической конференции. Горно-Алтайск: Комитет по делам архивов Республики Алтай, 2012. 137 с.

8. Торусhev Э. Г. Уровень жизни сельского населения Горного Алтая с периода новой экономической политики до 1940 г. // Этносоциальные проблемы регионов Сибири. – 2010. – № 15. – С. 89–100.

9. Национальный регион России в эпоху революционных преобразований и становления политической системы сталинизма. 1937–1939. (На примере Ойротии – Горного Алтая) / отв. ред. Н. В. Екеев: материалы межрегиональной научно-практической конференции (г. Горно-Алтайск, 25–27 октября 2017 г.). Горно-Алтайск: НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2018. 180 с. EDN: ZCOSYX

10. Щеглова Т. К. Деревня и крестьянство Алтайского края в XX веке. Устная история. Барнаул: БГПУ, 2008. 528 с. EDN: KDMXZL

11. Кочевники Горного Алтая в условиях социальных и экономических преобразований в России (вторая половина XVIII – середина XX в.) / отв. ред. Н. В. Екеев. Горно-Алтайск: БНУ РА НИИ алтаистики им. С. С. Суразакова, 2020. 472 с. EDN: OVDMGТ

12. Лавровский Н. А. Печать и социалистическое строительство в Сибири (1926–1936 гг.). М.: Издательство Московского университета, 1984. 148 с.

13. Якимов О. Д. Печать национальных регионов Сибири и Дальнего Востока: от возникновения до наших дней. Новосибирск: Наука, 2000. 190 с.

14. История повседневности населения Западной Сибири и сопредельных регионов как форма цивилизационной идентичности Евразии: материалы всероссийской с международным участием научной конференции. – Бийск: АГПУ, 2018. – 152 с.

15. Модоров Н. С., Дворников Э. П. Исторический очерк по истории и культуре народов Горного Алтая в конце XVII–XX вв. // Мир Евразии. – 2015. – № 4. – С. 24–50. EDN: VFMPKV

16. Костякова Ю. Б. Пресса как «зеркало» повседневности «позднего сталинизма» (на примере Хакасии и Горного Алтая) // Советский социокультурный проект: исторический шанс или глобальная антиутопия: материалы международной научной конференции. – Екатеринбург: Гуманитарный университет, 2015. – С. 283–287. EDN: UJAOCJ

17. Шастина Т. П. Ойротия на страницах журнала «Сибирские огни»: начальный этап формирования образа советской национальной окраины // Вестник Томского государственного университета. – 2014. – № 4. – С. 158–172. EDN: SLBTIR

18. Ойротский край. – 1928. – № 33.

19. Ойротский край. – 1929. – № 95.

20. Ойротский край. – 1928. – № 50.

21. Ойротский край. – 1929. – № 52.

22. Ойротский край. – 1928. – № 33.

23. Ойротский край. – 1928. – № 67.

24. Ойротский край. – 1924. – № 29.

25. Ойротский край. – 1924. – № 29.

26. Ойротский край. – 1928. – № 34.
27. Ойротский край. – 1926. – № 1.
28. Ойротский край. – 1927. – № 2.
29. Ойротский край. – 1928. – № 68.
30. Ойротский край. – 1923. – № 7.
31. Ойротский край. – 1924. – № 28.
32. Ойротский край. – 1925. – № 47.
33. Ойротский край. – 1928. – № 40.
34. Ойротский край. – 1924. – № 21.
35. Ойротский край. – 1925. – № 81.
36. Ойротский край. – 1926. – № 90.
37. Ойротский край. – 1926. – № 7.
38. Ойротский край. – 1929. – № 53.
39. Ойротский край. – 1926. – № 29.
40. Ойротский край. – 1928. – № 34.
41. Ойротский край. – 1928. – № 40.
42. Ойротский край. – 1929. – № 50.
43. Ойротский край. – 1928. – № 99.
44. Ойротский край. – 1928. – № 99.
45. Ойротский край. – 1925. – № 7.
46. Ойротский край. – 1923. – № 14.
47. Ойротский край. – 1924. – № 26.
48. Ойротский край. – 1928. – № 3.
49. Ойротский край. – 1928. – № 67.
50. Ойротский край. – 1926. – № 56.
51. Ойротский край. – 1926. – № 2.
52. Ойротский край. – 1926. – № 56.
53. Ойротский край. – 1926. – № 2.
54. Ойротский край. – 1928. – № 67.
55. Ойротский край. – 1929. – № 95.
56. Ойротский край. – 1928. – № 97.
57. Ойротский край. – 1926. – № 89.
58. Ойротский край. – 1928. – № 40.
59. Ойротский край. – 1926. – № 20.
60. Ойротский край. – 1928. – № 70.
61. Ойротский край. – 1926. – № 2.

Everyday Life of the Altai Mountains in the Conditions of Soviet Modernization of the 1920s (Based on the Newspaper "Oiroi Region" Materials)

Nikita V. Tikhomirov

The article reflects the results of research on the Altai Mountains daily life in the 1920s based on the materials of the regional periodical press. The issues of the newspaper "Oirotsky Krai" for the specified period are analyzed. Different aspects of everyday life related to household life, family relations, leisure, health care, spiritual and moral ideas, social work, economic and managerial activities are considered. Behavioral and ideological features of the local population, their changes in the conditions of Soviet modernization are revealed. The degree of coverage of cultural renewal of various categories of the population is shown. The prerequisites of the related conflicts and contradictions are traced. The work is based on the principles of historical and anthropological research. The findings are intended to expand scientific understanding of the everyday life of the Altai Mountains in the period under review, deepen understanding of the specifics of the cultural revolution on the outskirts, more fully reveal the cognitive capabilities of the Soviet periodical press as a valuable historical source.

Key words: Gorny Altai, history of everyday life, everyday consciousness, Oirotia, periodical press, soviet newspapers.

For citation: Tikhomirov, N. V. (2023) Povsednevnost' Gornogo Altaya v usloviyah sovetskoj modernizacii 1920-h gg. (po materialam gazety «Ojrotskij kraj») [Everyday Life of the Altai Mountains in the Conditions of Soviet Modernization of the 1920s (Based on the Newspaper "Oirot Region" Materials)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 8–27. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_4_8. EDN: GIVMNZ

References

1. Ekeev, N. V. (1988) *Social'no-ekonomicheskoe razvitiye derevni Gornogo Altaya v 1920-h godah* [Socio-economic development of the village of Gorny Altai in the 1920s]. Gorno-Altajskoe otdelenie Altajskogo knizhnogo izdatel'stva. (In Russ.)
2. Okladnikov, A. P. (ed.) (1968) *Istoriya Sibiri s drevnejshih vremyon do nashih dnei*. v 5 t. [The History of Siberia from ancient times to the present day: in 5 volumes]. T. 4: *Sibir' v period stroitel'stva socializma* [Vol. 4: Siberia during the construction of Socialism]. Leningrad: Science. (In Russ.)
3. Zaharova, T. V. (2008) *Social'nye preobrazovaniya v Gornom Altae v 1920–1930-e gody* [Social transformations in the Altai Mountains in the 1920s – 1930s]. Gorno-Altajsk: RIO GAGU. (In Russ.)
4. Zibert, N. P. (2017) *Antireligioznaya deyatel'nost' komsomol'skih i pionerskih organizacij na Altae v 1920-e gg.* [Antireligious activity of Komsomol and Pioneer organizations in Altai in the 1920s]. *Izvestiya Altajskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of Altai State University]. No. 5. Pp. 44–48. DOI: 10.14258/izvasu(2017)5–06. (In Russ.)
5. Demchik, E. V. (ed.) (2019) *Istoriya Altaya. V 3 t.* [The history of Altai. In 3 vols.]. T. 3: *Altaj v novejšuju epohu (XX – nachalo XXI veka)* [Vol. 3: Altai in the modern era (20th – beginning of the 21st century)]. Barnaul: Altai University. (In Russ.)
6. Koltashev, A. N. (2016) *Tendencii kul'turnogo stroitel'stva v Gornom Altae v 1920–1930-e gody* [Trends of cultural construction in the Altai Mountains in the 1920s – 1930s]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical Journal: scientific research]. No. 5. Pp. 563–570. (In Russ.). EDN: XBDTXZ
7. Gavrikov, A. N. (2012) (ed.) *Istoriya i sovremennost' respubliki Altaj* [History and modernity of the Altai Republic]. *Materialy respublikanskoj nauchno-istoricheskoi konferencii* [Materials of the scientific-historian conference]. Gorno-Altajsk: Committee for archives of the Altai Republic. (In Russ.)
8. Torushev, E. G. (2010) *Uroven' zhizni sel'skogo naseleniya Gornogo Altaya s perioda novoj ekonomicheskoi politiki do 1940 g.* [The standard of living of the rural population of the Altai Mountains from the period of the new economic policy to 1940]. *Etnosocial'nye problemy regionov Sibiri* [Ethnosocial problems of the regions of Siberia]. No. 15. Pp. 89–100. (In Russ.)

9. Ekeev, N. V. (2018) (ed.) *Nacional'nyj region Rossii v epohu revolyucionnyh preobrazovanij i stanovleniya politicheskoj sistemy stalinizma. 1937–1939. (Na primere Ojrotii – Gornogo Altaya)* [The national region of Russia in the era of revolutionary transformations and the formation of the political system of Stalinism. 1937–1939. (On the example of Oirotia – Gorny Altai)]. Gorno-Altajsk: IAS. (In Russ.). EDN: ZCOSYX.

10. Shcheglova, T. K. (2008) *Derevnya i krest'yanstvo Altajskogo kraja v XIX veke. Ustnaya istoriya* [The village and the peasantry of the Altai Territory in the 19th century. Oral history]. Barnaul. (In Russ.). EDN: KDMXZL

11. Ekeev, N. V. (2020) (ed.) *Kochevniki Gornogo Altaya v usloviyah social'nyh i ekonomicheskikh preobrazovanij v Rossii (vtoraya polovina XVIII – seređina XX vv.)* [Nomads of the Altai Mountains in the conditions of social and economic transformations in Russia (the second half of the 18th – mid-20th centuries)]. Gorno-Altajsk: IAS. (In Russ.). EDN: OVDMGT

12. Lavrovskij, N. A. (1984) *Pechat' i socialisticheskoe stroitel'stvo v Sibiri (1926–1936 gg.)* [Printing and Socialist Construction in Siberia (1926–1936)]. Moscow: MSU. (In Russ.)

13. Yakimov, O. D. (2000) *Pechat' nacional'nyh regionov Sibiri i Dal'nego Vostoka: Ot vozniknoveniya do nashih dnei* [The seal of the national regions of Siberia and the Far East: From its origin to the present day]. Novosibirsk: Science. (In Russ.)

14. Lityagina, A. V. (2018) (ed.) *Istoriya povsednevnosti naseleniya Zapadnoj Sibiri i sopredel'nyh regionov kak forma civilizacionnoj identichnosti Evrazii* [The History of everyday life of the Population of Western Siberia and adjacent regions as a form of civilizational Identity of Eurasia]. Materials of the All-Russian conference with international participation. Biysk. (In Russ.)

15. Modorov, N. S., Dvornikov, E. P. (2015) *Istoricheskij ocherk po istorii i kul'ture narodov Gornogo Altaya v konce XVII–XX vv.* [Historical essay on the history and culture of the peoples of the Altai Mountains at the end of the 17th – 20th centuries]. *Mir Evrazii* [The World of Eurasia]. № 4. Pp. 24–50. EDN: VFMPKV. (In Russ.)

16. Kostyakova, Yu. B. (2015) *Pressa kak «zeralo» povsednevnosti «pozdnego stalinizma» (na primere Hakassii i Gornogo Altaya)* [The press as a "mirror" of the everyday life of "late Stalinism" (on the example of Khakassia and the Altai Mountains)]. *Sovetskij sociokul'turnyj proekt: istoricheskij shans ili global'naya antiutopiya* [The Soviet socio-cultural project: a historical chance or a global dystopia]. Materials of the international scientific conference. Ekaterinburg. Pp. 283–287. EDN: UJAO CJ. (In Russ.)

17. Shastina, T. P. (2014) *Ojrotiya na stranicah zhurnala «Sibirskie ogni»: nachal'nyj etap formirovaniya obraza sovetskoj nacional'noj okrainy* [Oirotia on the pages of the magazine "Siberian Lights": the initial stage of the formation of the image of the Soviet national outskirts]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. № 4. Pp. 158–172. EDN: SLBTIR. (In Russ.)

18. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1928). No. 33.

19. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1929). No. 95.

20. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1929). No. 50.

21. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1929). No. 52.

22. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1928). No. 33.

23. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1928). No. 67.

24. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1926). No. 29.

25. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1926). No. 29.

26. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1928). No. 34.

27. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1926). No. 1.

28. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1926). No. 2.

29. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1928). No. 68.

30. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1923). No. 7.

31. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1924). No. 28.

32. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1925). No. 47.

33. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1928). No. 40.

34. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1924). No. 21.

35. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1925). No. 81.

36. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1926). No. 90.

37. *Ojrotskij kraj* [Oirot region] (1926). No. 7.

38. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1929). No. 53.
39. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1924). No. 29.
40. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 34.
41. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 40.
42. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 50.
43. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 99.
44. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 99.
45. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1925). No. 7.
46. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1923). No. 14.
47. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1924). No. 26.
48. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 3.
49. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 67.
50. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1926). No. 56.
51. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1927). No. 2.
52. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1926). No. 56.
53. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1927). No. 2.
54. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 67.
55. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1929). No. 95.
56. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 97.
57. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1926). No. 89.
58. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 40.
59. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1926). No. 20.
60. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1928). No. 70.
61. *Ojrotskij kraj* [Oiroto region] (1926). No. 2.

Об авторе

Тихомиров Никита Вадимович, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения, Историко-архивный институт Российского государственного гуманитарного университета, Москва, Российская Федерация; e-mail: tihomirov_n@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-2808-3763

About the author

Tikhomirov Nikita V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Source Studies of the Historical and Archival Institute of the Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation; e-mail: tihomirov_n@rambler.ru; ORCID ID: 0000-0002-2808-3763

*Статья поступила в редакцию 18.05.2023
Одобрена после рецензирования 11.09.2023
Принята к публикации 18.09.2023*

Региональная пресса Веймарской Германии как источник по исследованию вопросов эмиграции меннонитов и немецкого крестьянства в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Хроника событий

В. Шмидт

В предлагаемой статье рассматривается ряд вопросов, связанных с оценкой региональной прессы Веймарской Германии эмиграционного движения российских немцев и меннонитов конца 1920-х – начала 1930-х гг., которые ранее не затрагивались исследователями. Тема региональной прессы Веймарской Германии по вопросам эмиграции немцев-колонистов из СССР является новым направлением в исследовании эмиграционного движения в среде российских немцев и меннонитов. Анализируется содержание статей региональной прессы Веймарской Германии по вопросам эмиграционного движения немецкого крестьянства и меннонитов из Советского Союза. По материалам региональной прессы можно выявить отношение жителей Германии к экономическим и политическим мероприятиям советской власти в отношении немецких колоний. В статье также уделено внимание вопросу эмиграции российских немцев из Советского Союза и освещения этой проблемы на страницах региональной периодической печати Веймарской Германии. В газетных статьях этого периода раскрыты причины трагедии, постигшей немецкие колонии, а также все тяготы проводимой большевиками экономической политики для дальнейшего существования немецких сельских хозяйств на территории Советского Союза. В результате ознакомления с материалами региональной прессы Веймарской Германии названного периода вырисовывается неоднозначный подход правительственных кругов Германии к решению вопроса, связанного с эмиграцией немцев за пределы СССР.

Ключевые слова: немецкие колонии, региональная пресса, Веймарская Германия, коллективизация, эмиграционное движение, меннониты.

Для цитирования: Шмидт В. Региональная пресса Веймарской Германии как источник по исследованию вопросов эмиграции меннонитов и немецкого крестьянства в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Хроника событий // История повседневности. – 2023. – № 4. – С. 28–44. DOI: 10.35231/25422375_2023_4_28. EDN: HQDAWM

Введение

Периодическая печать играет важную роль в повседневной жизни общества, а также оказывает определенное влияние на формирование общественного мировоззрения и оценку тех или иных социально-экономических и политических событий, происходящих в мире. В основном в статье использованы материалы региональной прессы Германии за 1929 г., так как именно этот период ознаменовался более интенсивной публикацией статей, посвященных вопросам эмиграционного движения среди меннонитов и немецких колонистов СССР.

В статье представлен анализ газетных публикаций региональной прессы Веймарской Германии, освящающих вопросы эмиграционного движения российских немцев и меннонитов из СССР в конце 1920-х – начале 1930-х гг., возникшего в результате проводимой Советской властью политики в отношении этой группы населения страны. Среди читательской аудитории газеты пользовались особым спросом в отличие от журналов, потому что в них предлагались материалы, разнообразные по жанру и темам. На этих страницах наиболее оперативно публиковались сведения об общественно-значимых событиях, происходивших в стране и мире.

Попытку массовой эмиграции меннонитов и немецких колонистов из СССР осенью 1929 г., в которой определенную роль сыграли прежде всего меннониты, можно по праву отнести к одной из наиболее ярких страниц сопротивления крестьянства проводившейся политики коллективизации. Непосредственным толчком для развития массового эмиграционного движения в среде немецких колонистов и меннонитов Советской России и их массового выезда в Москву явилось решение Президиума ВЦИК от 5 августа 1929 г., разрешавшее в виде исключения эмиграцию 25 семей меннонитов. Отъезд немецких колонистов и меннонитов в Москву продолжался всю осень, несмотря на постановление Президиума ВЦИК от 16 сентября 1929 г. о прекращении выдач разрешений на выезд и приема заявлений о выезде за границу. В середине ноября 1929 г. в окрестностях Москвы скопилось 13 000 немецких эмигрантов, ожидавших получение разрешения на отъезд за пределы СССР. Массовый протест немецких колонистов вызвал международный резонанс, который привел к тому, что советское правитель-

ство было вынуждено пойти на компромисс: 15 ноября 1929 г. Политбюро ЦК ВКП (б) приняло решение о выезде из СССР отдельными группами «кулацких элементов меннонитов».

В статье были использованы тексты региональной прессы Веймарской Германии, в которой с той или иной периодичностью публиковали материалы, касавшиеся положения немецких и меннонитских колоний на территории Советской России. Нельзя не отметить, что региональная пресса Веймарской Германии не была тенденциозной в оценках этого явления, так как она выполняла определенный социальный заказ со стороны государства. Разнообразие и информативность газетных публикаций региональной прессы Веймарской Германии делает ее одним из разносторонних исторических источников, позволяющим составить представление о взглядах немецкого общества на ту или иную общественно-политическую проблему. В конце 20-х – начале 30-х гг. XX в. в СССР в жизни национальных меньшинств, к числу которых принадлежали российские немцы, произошли коренные изменения в экономическом и политическом положении, отразившиеся на их общественном статусе. В Веймарской Германии, несмотря на то, что в прессе не освящались вопросы о миграциях иностранных граждан на территорию Германии в связи с развитием экономического кризиса, все-таки нашли отражение вопросы, связанные с ситуацией, сложившейся среди российских немцев в период конца 1920–30-х гг.

Историография вопроса об эмиграции меннонитов из СССР представлена рядом научных и исследовательских работ, в основном базирующихся на материалах архивов. К числу значимых и солидных исследований по проблеме эмиграции меннонитов следовало бы отнести монографию К. Мика [1], в которой автор исследует вопрос о влиянии эмиграции меннонитов на развитие взаимоотношений Веймарской республики с СССР, а также монографию Д. Брандеса [2] и публикацию А. Савина [3], архивных документов по этой проблеме.

Надо отметить, что сюжеты, связанные с эмиграционным движением российских немцев 1929–1930 гг. в целом изучены подробно, однако материалы газетных публикаций региональной прессы Веймарской Германии по данной проблеме не стали предметом анализа в исследованиях названных выше

авторов. Значимость использования материалов региональной прессы при исследовании вопросов развития эмиграционного движения, происходившего в среде меннонитов и немецкого крестьянства, заключается прежде всего в том, что она формировала определенные воззрения в среде немецкого общества на ситуацию, возникшую среди немецких колонистов и в меннонитских поселениях, а также в большей мере была направлена на разъяснение этой ситуации и мероприятий имперского правительства по разрешению возникшей проблемы, вызванной ростом эмиграции среди немецкого населения СССР. Информация о жизни и положении в немецких колониях и поселениях меннонитов в Советской России, публиковавшаяся в региональной прессе Веймарской Германии, могла содержаться в репортажах собственных корреспондентов газет, а также использовались материалы других информационных агентств, письма и интервью непосредственных участников событий. В сообщениях, заметках, аналитических обзорах о сложившейся ситуации среди населения немецких и меннонитских поселений нашли отражение различные мнения и оценки этого исторического явления. Помимо аналитических статей и различных сообщений по проблеме эмиграционного движения среди немецкого крестьянства и меннонитов, в региональных газетах Веймарского периода публиковались письма из немецких колоний. Анализ региональной прессы Веймарской Германии по вопросу эмиграционного движения немецкого населения свидетельствует о том, что она неоднократно обращалась к этой теме. Региональные газеты Германии прежде всего волновал вопрос о развитии эмиграционного движения среди немецкого населения колоний в связи с его влиянием на развитие российско-германских отношений в этот период. Большинство органов региональной печати Веймарской Германии оценивало эмиграционное движение в немецких колониях как следствие негативных мероприятий со стороны советской власти, влекущих за собой развал экономических основ немецкого землевладения в Советском Союзе. Региональные газеты Веймарской Германии заслуживают особого внимания при изучении темы эмиграционного движения среди немецких колонистов Советского Союза, в первую очередь благодаря их распространённости, а также доступности, что в свое

время способствовало не только формированию общественного мнения в немецком обществе о деятельности и мероприятиях Советской власти в немецких и меннонитских колониях, но и оценке немецкой общественностью деятельности их правительства по разрешению кризисной ситуации. Тема положения и состояния немецких хозяйств, а также эмиграционного движения немецкого крестьянства переходила постепенно от эпизодических публикаций к более последовательному и углублённому анализу. Газетные публикации региональной прессы по вопросам эмиграционного движения, развившегося в немецких и меннонитских колониях, сообщали разнообразную информацию о состоянии немецких колоний и положении меннонитов в Советском Союзе в период конца 1920-х – 30-х гг., что делает эти газетные публикации одним из источников, позволяющим создать определенные представления о состоянии немецких колоний в послеоктябрьский период.

Возникновение массового эмиграционного движения среди немецкого крестьянства и меннонитов из СССР, достигшего своего пика к осени 1929 г., как отмечала региональная пресса, стало завершением длительного процесса, начавшегося еще в первой половине 1920-х гг.

Результаты

Практически с самого начала развития эмиграционного движения немецкого крестьянства из России немецкое правительство, а также его внешнеполитическое ведомство весьма скептически относились к идее массовой эмиграции немцев из СССР. В письме от 1 августа 1929 г., в котором давался анализ положения немецких колонистов в СССР, посол Германии Г. фон Дирксен рекомендовал правительству отнестись к «вопросу выезда» весьма осторожно, так как, во-первых, «советские» немцы намеревались эмигрировать не в Германию, а в Канаду, Парагвай или Чили, что требовало от немецкой стороны больших средств для финансирования заокеанского трансфера в случае поддержки ими эмиграции. Во-вторых, он заявлял, что расселение эмигрантов в Канаде «происходит в шахматном порядке», что «представляет опасность для сохранения немецчества». И, в-третьих, посол полагал, что эмиграция немцев из СССР не отвечает корен-

ным интересам Германии. В заключение он писал: «В любом случае я считаю настоятельно необходимым отказаться от старой системы обнадеживания колонистов со ссылкой на платонические симпатии, которые Германский Рейх питает в их отношении, и с помощью наших консульских представительств объяснить им, какие в действительности меры Рейх намеревается предпринять в их отношении или, соответственно, дать ясно понять, что при существующем порядке вещей их желание эмигрировать неосуществимо» [4; р. 306–308]. В октябре 1929 г., когда в окрестностях Москвы уже находилось несколько тысяч эмигрантов, и проблема массовой эмиграции из области предположений переместилась в сферу реальности, немецкая сторона еще раз высказала свою незаинтересованность в приеме эмигрантов.

В октябре 1929 г. газета «Schwäbische Merkur» опубликовала информацию под заголовком «Бегство из Сибири», в которой сообщала, что 5 000 немецких крестьян из Сибири намерены отправиться в Москву для получения разрешения на выезд в Канаду. Как писала газета на основе данных корреспондента «Kölnische Zeitung» из Москвы, в окрестностях Москвы скопилось приблизительно 1 000 немецких колонистов прежде всего из Славгородского округа в Сибири, в котором проживало 32 000 немецких колонистов, из которых 30 000 составляли крестьяне. Материалы публикации интересны тем, что они базировались на сообщениях первых беженцев, которые утверждали, что сами они ликвидировали свои хозяйства и что другие колонисты стремятся приехать в Москву, где надеются получить разрешение на выезд из страны. По данным газеты, причиной, побудившей к возникновению движения немецкого крестьянства из Сибири, явилась борьба советского правительства с индивидуальными хозяйствами, а так как хозяйства немецких колонистов были экономически более развиты, то они в первую очередь пострадали от проводимой политики. Публикация заостряла внимание на том, что национальные моменты в развитии этого движения играют малозначительную роль. Редакция газеты подчеркивала, что основной контингент, стремящийся к выезду за пределы СССР, – это меннониты, но среди них также имеются и представители других немецких конфессий: 40 лютеранских и 60 католических семей [5, р. 3].

30 октября 1929 г. газета «Rheinisches Volksblatt» в небольшой заметке сообщала, что «при выезде меннонитов за пределы Советской России имеются трудности прежде всего финансового характера, так как канадские служащие не хотят финансировать выезд меннонитов по направлению Москва – Канада» [6, р. 1].

Информация о положении эмигрантов появлялась практически во всех региональных газетах Германии. Так, например, в печатном региональном органе партии Центр «Castrop – Rauxeler Volkszeitung» 30 октября 1929 г. было опубликовано сообщение о том, что «по информации корреспондента из Москвы, советское правительство дало разрешение на выезд собравшихся немецких крестьян в Подмоскowie. Около 6000 немецких крестьян, которые большей частью принадлежат к секте меннонитов, стремятся выехать в Канаду, где проживают их единоверцы» [7, р. 2].

Ноябрьские публикации региональной прессы по вопросу эмиграционного движения более подробно освещали создавшуюся ситуацию. 1 ноября 1929 г. в «Schwäbische Merkur» публикуют статью «О немецкой нужде пред воротами Москвы», в ней говорилось, что немецкие крестьяне, главным образом меннониты из региона Юго-Западной Сибири, в результате экономических и религиозных преследований хотят эмигрировать из Советской России. Цель эмигрантов – Канада, так как там находятся экономически развитые колонии меннонитов. Газета также информировала, что со стороны канадских меннонитов желание помочь беженцам зашло так далеко, что они готовы оплатить их выезд в Канаду [8, р. 4].

В «Niederrheinisches Tageblatt» публиковалась информация о том, что в последние месяцы осени 900 семей в общем количестве 5000 человек скопились в окрестностях Москвы с целью выезда за пределы страны. Как сообщал корреспондент, советское правительство использовало различные возможности для приостановки этого эмиграционного движения. Далее сообщалось, что фактически эмиграционное движение в среде немецкого крестьянства началось еще в 1923 г., когда 18 000 немецких колонистов из России были расселены частично в Уругвае, Аргентине и Бразилии [9, р. 6].

5 ноября 1929 г. «Beckumer Volks-Zeitung» в статье «Бегство крестьян из России» указывала на причины эмиграционного

движения в среде немецкого крестьянства. Газета писала, что «Бегство немецкого крестьянства находится только в начальной стадии и является следствием радикальной политики в отношении крестьянства, проводимой сталинским руководством. Инициаторами эмиграции являются меннониты. Однако начавшееся эмиграционное движение не ограничивается только жителями меннонитских колоний, в нем принимают участие также колонисты из лютеранских и католических немецких колоний Советской России, так как немецкие деревни представителей этих конфессий находятся под давлением проводимой политики, способствующей полному их разорению. В потоке эмиграции участвуют не только «кулаки», но и многочисленные массы средняцкого и беднейшего немецкого крестьянства. Немецкое крестьянство бежит из России не на основании антинемецких настроений, а по причине политики, проводимой правительством» [10, р. 1].

Неслучайно 5 ноября 1929 г. в докладной записке секретаря Центрального Бюро немецких секций И. Ф. Гебгарта секретарю ЦК ВКП (б) Л. М. Кагановичу говорилось о причинах быстрого развития эмиграционного движения, а также мероприятиях по приостановке этого движения. И. Гебгарт писал: «эмиграционное движение охватило новые округа в Сибири, в Казахстане, Урале и Украине, ... движение среди немцев за выезд за пределы СССР уже охватывает более 20 000 человек. Причиной такого быстрого роста эмиграционного движения среди немецких крестьян является отчасти решение ЦИКа о беспрепятственном выезде той группы, которая находится под Москвой. Учитывая громадное хозяйственное и политическое значение такой массовой эмиграции немецких крестьян из СССР, необходимо принять ряд дополнительных мер для прекращения этого движения, как-то:

1. Организовать специальную правительственную комиссию, которая немедленно должна выехать на места для непосредственного ознакомления с положением в колониях.

2. Организовать отpravку части немецких крестьян, находящихся под Москвой, обратно на свои места.

3. Не допускать приезда в СССР специальных комиссий канадских врачей с целью отбора эмигрантов, так как она, несомненно, будет отбирать только здоровых, а больных и нетрудоспособных оставлять в СССР» [11, с. 98].

7 ноября 1929 г. газета «Rhein und Ruhrzeitung» опубликовала сразу две статьи, касавшиеся эмиграции меннонитов из СССР. В статье «Немецкая драма. Немцы на пути из России в Канаду» корреспондент писал, что в Киле находятся более 400 человек немцев-колонистов, преимущественно меннонитов, желающих эмигрировать в Канаду, но это только часть эмигрантов из числа 7000, которые находятся в окрестностях Москвы в ожидании получения разрешения на выезд в Канаду. Корреспондент отмечал, что советское правительство разъяснило, что в случае того, если Канада в короткий срок не выдаст необходимую паспортную визу, русская сторона будет вынуждена ликвидировать лагерь эмигрантов в окрестностях Москвы, а эмигранты будут возвращены в Сибирь.

В этой же газете была помещена заметка о позиции канадского правительства по вопросу приема и расселения меннонитов России на территории страны. В частности, заметка информировала, что епископ Товес искал возможность разъяснить премьер-министру Канады Кингу, что находящиеся в Германии меннониты из России имеют желание переселиться в Канаду. Премьер-министр Канады на заявление епископа ответил, что большое число эмигрантов принять в зимние месяцы – большая ответственность, которую канадское правительство не может взять во внимание, а также, по утверждению премьер-министра Кинга, канадские меннониты также не могут дать гарантий в обеспечении и приеме меннонитов из России [12, р. 1].

Возвращаясь к проблеме эмиграционного движения немецкого крестьянства газета «Niederrheinisches Tageblatt» 8 ноября 1929 г. в статье «Бегство крестьян из России» писала о враждебном курсе советского правительства по отношению к немецкому крестьянству, который привел к массовому разорению немецких колоний, что вызвало в среде немецких колонистов желание к эмиграции из страны, в которой они испытывают принуждения [13, р. 5].

Проблема немецких крестьян-беженцев также нашла отражение на страницах газеты «Wochenblatt für Zschopau und Umgebung», где была опубликована информация, взятая из «Deutsche Allgemeine Zeitung» о нахождении в порту Кили беженцев из Советской России. «В порту Кили находится около 300 беженцев немецких колонистов из различных областей

России, из Сибири и Оренбурга, а также с Кавказа и Крыма, которые намерены эмигрировать в Канаду. По сообщениям беженцев в Петербурге еще осталось 1 500 семей в ожидании эмиграции. Почти все эмигранты российские немцы крестьяне». Газета на основе сообщений беженцев указывала на то, что им пришлось преодолеть много трудностей, прежде чем они получили разрешение на выезд, и эти трудности возникали из сопротивления местных советских служащих [14, р. 6].

14 ноября 1929 г. газета «Der Grafschafter» опубликовала сообщение о положении в немецких колониях на Волге, связанное с ростом эмиграционных настроений среди немецких колонистов. В публикации указывалось, что «правительственные войска ведут борьбу в Республике Немцев Поволжья против эмиграции, используя при этом не только вооруженные методы, но и методы пропаганды, в которой утверждают, что немецким колонистам не будет оказана должная помощь Канадой, а также другими государствами». Там же отмечалось, что эмиграционными настроениями охвачены и другие немецкие колонии Советского Союза, в частности многие члены немецких колоний северного Кавказа также стремятся эмигрировать из Советского Союза. Колонисты, разъясняя причину эмиграции, высказывали мысль, что эмиграция необходима, так как борьба против крестьянских хозяйств способствует ухудшению их жизни в России» [15, р. 1].

Баварская региональная печать также не осталась в стороне от происходящих в Советской России событий, связанных с положением российских немцев и их эмиграционного движения. 15 ноября 1929 г. газета «Münchener Post» опубликовала статью о положении немецких крестьян-беженцев в Подмоскowie, сложившемся в ожидании разрешения эмиграции из Советского Союза. В статье «Массовое бегство из советского рая» указывалось, что число беженцев, собравшихся в Подмоскowie в ожидании разрешения на выезд из Советского Союза, составляло 11 000 чел. преимущественно из немецких крестьян-беженцев Поволжья. В статье также была опубликована информация, что среди этого контингента были беженцы из немецких колоний Казахстана численностью 1 000 чел. В публикации отмечалось, что советское правительство приступило к регистрации беженцев и опубликовало распоряжение, чтобы

сельские советы на местах проводили регистрацию лиц, желающих эмигрировать. Позже, как писал автор статьи, сельские советы уведомили желающих эмигрировать, что с 1 ноября 1929 г. для каждого достигшего шестнадцатилетнего возраста необходимы приобретение паспорта и уплата паспортного налога в размере 200 рублей. Однако масса немецких крестьян-беженцев, как сообщал корреспондент, не имела такой суммы, и местные органы заявили, что люди, не заплатившие данный налог, не будут иметь возможности выехать из Советского Союза. В результате этого требования было уплачено 170 000 р. беженцами меннонитами. В заключении автор статьи описывал, как органы ОГПУ на местах боролись с эмиграционным движением. Ссылаясь на источники, полученные в Москве, он сообщал о специальной операции органов ОГПУ в автономной Республике Немцев Поволжья, проведенной в городе Покровске по аресту многочисленных немецких колонистов, желавших выехать из Советского Союза, которых обвинили в проведении антисоветской пропаганды и распространении эмиграционных лозунгов. Корреспондент отмечал, что между немецкими колонистами Поволжья и советскими служащими сильно обострились отношения в связи с тем, что партийные функционеры поставили требования о незамедлительном закрытии церквей. Автор статьи пришел к выводу, что советские функционеры окончательно потеряли доверие среди жителей немецких колоний Поволжья [16, р. 3].

16 ноября 1929 г., касаясь проблем эмиграционного движения немецкого крестьянства из России, «*Württembergische Zeitung*» в статье «Что случилось с немецким крестьянством в России» сообщалось, что одновременно с ростом массовой эмиграции немецкого крестьянства из Советской России в различных государственных учреждениях обсуждались инициативы о необходимости небольшую часть беженцев из числа немецкого крестьянства расселить на территории Восточной Германии. Однако эти предложения со стороны государственных учреждений вызвали протест крестьян Германии. Помимо этого, в газете было помещено обращение под названием «О поселении на Востоке», которое было подписано профессором Брандом и Эрбеем, представителями сельскохозяйственного института в Берлине, а также профессором Герингом.

В обращении указывалось, что ввиду отказа Канады в приеме беженцев Германия несет национальную ответственность по отношению к российским немцам и обязана оказать им помощь. Текст заканчивался призывом к тому, чтобы немецкое правительство забрало их в Германию [17, р. 7].

«Dortmunder Zeitung» 18 ноября 1929 г. в статье «Бегство от нужды» указывала на причины, побудившие немецких колонистов к эмиграции. Как отмечал автор статьи, который непосредственно общался с колонистами-эмигрантами, «основной причиной их эмиграции явилась неправильная политика советского руководства по отношению к крестьянству. Еще с 1927 г., как сообщали немецкие колонисты, налогообложение сильно влияло на развитие их крестьянских хозяйств и большевистская земельная реформа способствовала окончательному разрушению основ их крестьянского землевладения» [18, р. 1].

19 ноября 1929 г. газета «Bergische Zeitung» в статье «6 000 немцев бегут из советского ада» сообщала о создавшемся положении среди немцев-колонистов в окрестностях Москвы [19, р. 1]. В этом плане интересны материалы встречи министра иностранных дел Германии Ю. Куртиуса с полномочным представителем СССР в Германии Н. Н. Крестинским, состоявшейся 22 ноября 1929 г. В разговоре о положении, создавшемся среди немцев-эмигрантов из СССР, была затронута тема о позиции немецкой прессы по данной проблеме, было указано, что эта позиция стала одной из причин обострения ситуации. Ю. Куртиус указал на то, что по распоряжению немецкого правительства пресса вела себя умеренно, хотя имелось достаточно причин для тревоги среди немецкой общественности. Как указывал министр, после того, как пресса узнала о позиции русских учреждений, был бы неминуем новый штурм в печати, если бы правительство не воздействовало умиротворяюще и не заявило бы о перспективах решения проблемы путем переговоров. В беседе Куртиус подчеркнул, что если советское правительство стремится к восстановлению нормальных отношений с немецким правительством и не хочет, чтобы его действия были предметом обсуждения в прессе, то оно не должно запрещать эмигрантам выезд, так как в таком случае немецкое правительство не будет в состоянии сдерживать немецкую прессу, которая готова разразиться штурмом [20; pp. 309–310].

Из материалов беседы следует, что немецкая пресса Веймарского периода проводила активную деятельность по разъяснению сложившейся ситуации среди эмигрантов немцев-колонистов и позиции не только советского руководства по этой проблеме, но и оценку деятельности своего правительства. Несмотря на патриотический тон газетных публикаций в отношении эмигрантов немецких колонистов, в немецкой печати имелись также и публикации, которые выступали против принятия эмигрантов из советской России в Германию.

Об этом сообщалось в письме заведомо печати полпредства в Германии Д. Штерна члену коллегии НКВД СССР Ф. А. Ротштейну о настроениях германской общественности в связи с эмиграцией колонистов от 25 ноября 1929 г. Автор отмечал, что «в настоящий момент» в вопросе колонистов в Германии замечены признаки разногласий. В то время как общественность и различные политические группировки проводят акции с требованием переселения в Германию колонистов, круги, имевшие непосредственно отношение к германскому сельскому хозяйству, проявляют совершенно другие тенденции. В связи с этим Штерн приводил материалы статьи от 23 ноября 1929 г., опубликованные в газете «Tagebuch», автором которой являлся Гартег. Д. Штерн подчеркивал, что Гартег очень резко отозвался о той волне эгоизма и национализма, который охватил германскую прессу. Ссылаясь на статью Д. Штерн, указывал, что, по мнению автора, в итоге коллективизации в России разорены тысячи немецких колонистов, это дает повод прессе для патриотизма и требует переселение этих людей в Германию. Завершая письмо, Штерн цитировал мнение Гартега относительно этой эмиграции, указывая на недопустимость того, чтобы в то время, когда германские крестьяне разоряются, крупные средства тратились на устройство совершенно чужих людей [3, с. 317].

Спустя два дня в очередном письме от 27 ноября 1929 г. заведомо печати полпредства в Германии Д. Штерн вновь обратился к оценке различных мнений об эмиграции немецких колонистов из СССР в немецкой печати. Штерн писал, что «в некоторых германских кругах усиливаются голоса, направленные против так называемой колонистской акции. Центральный орган «Deutsche Bauernschaft» (аграрного объ-

единения) указывает, что в Германии имеется гораздо более подготовленный материал, чем меннониты. Эти совершенно не знают германских условий продовольственных, рыночных и прочих, находятся на низшем уровне, подготовленные только к зерновому хозяйству, а не к трудоемким культурам. Другими словами, по мнению этого органа невозможно устраивать их в качестве самостоятельных хозяйств, по необходимости разместить их, в качестве сельскохозяйственных рабочих для получения практики, а также для накопления средств для покупки земли в будущем» [3, с. 321].

28 ноября 1929 г. в «*Bergische Zeitung*» была опубликована заметка о том, что для прекращения эмиграции среди немецко-колонистов Совет Народных Комиссаров принял решение о выделении четырех млн золотых рублей для того, чтобы немецкие колонисты отказались от эмиграции из СССР. Это сообщение информировало, что советское правительство приняло решение частично оставшихся немецких колонистов отправить в Сибирь, частично на северный Кавказ, где они будут размещены в различных немецких колониях. Помимо этого, советское правительство, как информировал автор заметки, разъяснило, что вопрос о дальнейшей эмиграции немецких колонистов из СССР не стоит на повестке дня, так как немецкие колонисты самостоятельно отказались от эмиграции [21, р. 1].

Проблема эмиграции меннонитов и немецких крестьян из СССР нашла отражение и в публикациях газеты «*Echo der Gegenwart*», издававшейся в Аахене. 28 ноября 1929 г. в статье «Эмиграция меннонитов» автор писал, что «что в потоке эмигрантов немецких крестьян из России находятся не только меннониты, хотя надо учесть, что усилия меннонитов, явилось основанием для охвата эмиграционными настроениями представителей других немецких колоний». Автор также затрагивал вопрос исторического прошлого меннонитов, их расселения и численности в различных странах. В статье отмечалось, что общая численность меннонитов составляет около 400 тыс. человек. На территории Германии проживало 20 тыс. человек, в таких регионах страны, как Пфальц, Вюрттемберг, Фризланд и Восточная Пруссия. «60 000 членов этого объединения проживало в Голландии. 100 000 в США и более 100 000 в России» [22, р. 2].

Обсуждение и выводы

Рассмотренные номера газет региональной прессы Веймарской Германии свидетельствуют о том, что материалы, публиковавшиеся на их страницах, охватывали различные аспекты как экономического, так и политического характера, информирующие местное население о развитии эмиграционного движения среди меннонитов и немецких колонистов. В них с определенной периодичностью публиковались различные сведения, а также статистическая информация о состоянии немецких и меннонитских колоний в СССР, о положении немецкого крестьянства в годы, предшествующие коллективизации сельского хозяйства, и в период ее проведения. В большинстве своем материалы региональной прессы констатировали, что проводимая сталинским руководством политика в отношении меннонитов и немецких колоний, особенно в период коллективизации сельского хозяйства, подорвала экономические основы немецкого землевладения в России, довела немцев-колонистов до голода и стремления к эмиграции. Вместе с тем, сочувствуя положению своих соотечественников в СССР, авторы публикаций отказывались от однозначной поддержки курса на приглашение беженцев на их историческую родину – в Германию.

Список литературы

1. Mick Ch. Sowjetische Propaganda, Fünfjahrplan und deutsche Russlandpolitik 1928–1932. Stuttgart: Steiner, 1995. 490 p.
2. Brandes D., Savin A. Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938. Essen: Klartext, 2001. 495 p.
3. Этноконфессия в советском государстве. Меннониты Сибири в 1920–1930-е годы: Эмиграция и репрессии. Документы и материалы / сост. А. И. Савин. Новосибирск: Посох, 2009. 751 с.
4. Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. 1918–1945. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amtp. Serie B: 1925–1933. Band XII. 1. Juni bis 2. September 1929. Göttingen: 1978. S. 306–308.
5. Schwäbische Merkur. – 14.10.1929. – № 481.
6. Rheinisches Volksblatt. – 30.10.1929. – № 255.
7. Castrop – Rauxeler Volkszeitung. – 30.10.1929. – № 299.
8. Schwäbische Merkur. – 1.11.1929. – № 44.
9. Niederrheinisches Tageblatt. – 2.11.1929. – № 258.
10. Beckumer Volks-Zeitung. – 5.11.1929. – № 257.
11. Эмиграционное движение советских немцев в конце 20-х годов / сост. Г. А. Бордюгов, Л. А. Поговая, Л. П. Кошелева // Свободная мысль. – 1993. – № 12. – С. 98.

12. Rhein – Ruhrzeitung. – 7.11.1929. – № 522.
13. Niederrheinisches Tageblatt. – 8.11.1929. – № 263.
14. Wochenblatt für Zschopau und Umgebung. – 11.11.1929. – № 262.
15. Der Grafschafter. – 14.11.1929. – № 268.
16. Münchener Post. – 15.11.1929.
17. Württemberger Zeitung. – 16.11. 1929. – № 280.
18. Dortmunder Zeitung. – 18.11.1929. – № 540.
19. Bergische Zeitung. – 19.11.1929. – № 272.
20. Akten zur deutschen Auswärtigen Politik. Serie B: 1925–1933. Bd. XIII. 3. September bis 31. Dezember 1929. Göttingen: 1979. S. 309–310.
21. Bergische Zeitung. – 28.11.1929. – № 279.
22. Echo der Gegenwart. – 28.11.1929. – № 276.

Regional Press of Weimar Germany as a Source for Study of the Emigration of Mennonites and German peasantry in the Late 1920s – Early 30s. Chronicle of Events

Waldemar Schmidt

In the proposed article, the author considered a number of issues related to the role of Weimar Germany regional press in the study of the emigration movement of Russian Germans and Mennonites in the late 1920s – early 30s, which did not find due attention in historical research. In addition, the topic of regional press of Weimar Germany on the emigration of German colonists from the USSR is a new direction in the study of the emigration movement among Russian Germans and Mennonites of the late 1920s – early 30s. The paper analyzes the content of the Weimar Germany regional press' articles on the emigration movement of the German peasantry and Mennonites from the Soviet Union in the late 1920s – 1930s. Based on the materials of the regional press of Weimar Germany, it is possible to identify the attitude of German residents to the economic and political measures of the Soviet government in relation to the German colonies. The article also pays attention to the issue of emigration of Russian Germans from the Soviet Union and the coverage of this problem on the pages of regional periodical press of Weimar Germany. Newspaper articles of this period reveal the causes of the tragedy that befell the German colonies, as well as all the hardships of the Bolsheviks' economic policy for the continued existence of German farms in the territory of the Soviet Union. As a result of familiarization with the materials of regional press of Weimar Germany of the named period, an ambiguous approach of the German government circles to solving the issue related to the emigration of Germans outside the Soviet Union emerges.

Key words: German colonies, regional press, Weimar Germany, collectivization, emigration movement, Mennonites.

For citation: Schmidt, W. (2023) Regional' naja pressa vejmarskoj Germanii, kak istočnik po issledovaniju voprosov emigracii mennonitov i nemeckogo krest' janstva v konce 1920-ch – nacale 1930-ch gg. Chronika sobytij [Regional Press of Weimar Germany as a Source for Study of the Emigration of Mennonites and German peasantry in the late 1920s – early 30s. Chronicle of Events]. *Istorija povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 28–44. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_4_28. EDN: HQDAWM

References

1. Mick, Ch. (1995) Sowjetische Propaganda, Fünfjahrplan und deutsche Russlandpolitik 1928–1932. Stuttgart: Steiner. (In Germ.)
2. Brandes, D., Savin, A. I. (2001) Die Sibiriendeutschen im Sowjetstaat 1919–1938. Essen: Klartext. (In Germ.)
3. Savin, A. I. (2009) (ed.) *Etnokonfessija v sovetskom gosudarstve. Mennonity Sibiri v 1920–1930-e gody: Emigracija i represii. Dokumenty i materialy* [Ethnoconfession in the Soviet state. Mennonites of Siberia in the 1920s – 1930s: Emigration and repressions. Documents and materials]. Novosibirsk: Posokh. (In Russ.)
4. Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. 1918–1945. Aus dem Archiv des Auswärtigen Amt. Serie B: 1925–1933. Band XII. 1. Juni bis 2. September 1929. Göttingen: 1978. S. 306–308. (In Germ.)
5. Schwäbische Merkur. 14.10.1929. No. 481. (In Germ.)
6. Rheinisches Volksblatt. 30. 10.1929. No. 255. (In Germ.)
7. Castrop – Rauxeler Volkszeitung. 30.10.1929. No. 299. (In Germ.)
8. Schwäbische Merkur. 1.11.1929. No. 44. (In Germ.)
9. Niederrheinisches Tageblatt. 2.11.1929. No. 258. (In Germ.)
10. Beckumer Volks-Zeitung. 5.11.1929. No. 257. (In Germ.)
11. Bordjugov, G. A., Rogovaja, L. A., Košeleva, L. P. (1993) *Emigracionnoe dvizhenie sovetskich nemcev v konce 20-kh godov* [The emigration movement of Soviet Germans in the late 20s]. Svo-bonaj mysl' . No. 12 (In Russ.)
12. Rhein – Ruhrzeitung. 7.11.1929. No. 522. (In Germ.)
13. Niederrheinisches Tageblatt. 8.11.1929. No. 263. (In Germ.)
14. Wochenblatt für Zschopau und Umgebung. 11.11.1929. No. 262. (In Germ.)
15. Der Grafschafter. 14.11.1929. No. 268. (In Germ.)
16. Münchener Post. 15.11.1929. (In Germ.)
17. Württemberger Zeitung. 16.11. 1929. No. 280. (In Germ.)
18. Dortmunder Zeitung. 18.11.1929. No. 540. (In Germ.)
19. Bergische Zeitung. 19.11.1929. No. 272. (In Germ.)
20. Akten zur deutschen Auswärtigen Politik. Serie B: 1925–1933. Bd. XIII. 3. September bis 31. Dezember 1929. Göttingen: 1979. S. 309–310. (In Germ.)
21. Bergische Zeitung. 28.11.1929. No. 279. (In Germ.)
22. Echo der Gegenwart. 28.11.1929. No. 276. (In Germ.)

Об авторе

Шмидт Вальдемар, магистр истории, университет Регенсбурга, Регенсбург, Федеративная Республика Германия; e-mail: wolodjaschmidt@gmx.de

About the author

Schmidt Waldemar, Master of History, University of Regensburg, Regensburg, Federal Republic of Germany; e-mail: wolodjaschmidt@gmx.de

Статья поступила в редакцию 28.08.2023

Одобрена после рецензирования 03.10.2023

Принята к публикации 10.10.2023

Борьба с семейственностью в Физическом институте им. П. Н. Лебедева АН СССР в начале 50-х гг. XX в.

О. А. Валькова

В статье на материале ранее не опубликованных архивных документов рассмотрена история политической кампании по борьбе с «семейственностью», проходившая в научных учреждениях Академии наук СССР в начале 1950-х гг. На протяжении столетий наука оставалась семейным делом. В истории науки хорошо известен выдающийся вклад, внесенный в развитие знания представителями многих научных династий. Однако в СССР совместная работа родственников в научных учреждениях была запрещена законодательно, а термин «семейственность» постепенно приобрел негативный оттенок, который ассоциировался с проявлениями коррупции и nepотизма. Тем не менее запреты регулярно нарушались. В середине 50-х гг. XX в. руководство Коммунистической партии СССР инициировало кампанию по борьбе с проявлениями семейственности в научных учреждениях АН СССР. Основное внимание в статье уделено событиям, проходившим в Физическом институте им. П. Н. Лебедева АН СССР – ведущем научном институте своего профиля. В статье прослеживаются этапы кампании, а также особое внимание уделяется мотивам ее проведения.

Ключевые слова: семейственность, Физический институт им. П. Н. Лебедева АН СССР, XIX съезд КПСС.

Для цитирования: Валькова О. А. Борьба с семейственностью в Физическом институте им. П. Н. Лебедева АН СССР в начале 50-х гг. XX в. // История повседневности. – 2023. – № 4. – С. 45–68. DOI: 10.35231/25422375_2023_4_45. EDN: KAJTFC

Введение

В настоящее время семья как общественный институт вызывает интерес самых разных специалистов гуманитарного профиля, в т. ч. историков. Помимо прочего обращает на себя внимание роль семей в развитии различных направлений человеческой деятельности и отношение к «семейной» организации отдельных видов этой деятельности со стороны общества и государства. Факты свидетельствуют о том, что отношение это было неоднозначным. Например, в советских газетах нередко встречаются заголовки статей, прославлявших рабочие династии. В то же время государственные администраторы организовывали кампании по борьбе с семейственностью в научных учреждениях. Причины подобного дуализма в настоящее время не очень понятны и заслуживают внимательного изучения. В данной статье мы проанализируем отношение к семейным группам в учреждениях Академии наук СССР середины XX века. Столетиями наука как область человеческой деятельности, как профессия оставалась во многом семейным предприятием, что с возрастанием ее влияния на экономику и политику и, соответственно, с возрастанием престижа профессии ученого, с увеличением количества людей, занятых научной деятельностью, стремящихся к этой деятельности, привело к возникновению споров о соотношении удачной наследственности и врожденного таланта в ученых и о влиянии этих факторов на конечный успех их работы [1; 2]. Несмотря на хорошо известный вклад в развитие человеческого знания, внесенный многими научными династиями, с расширением научной отрасли начали появляться сомнения в эффективности функционирования замкнутой (в значительной степени) системы.

Современные историки и социологи науки солидарны в том, что происхождение человека из «научной семьи», во-первых, увеличивает вероятность его вовлеченности впоследствии именно в научную деятельность, во-вторых, значительно облегчает прохождение этапов научной карьеры, благодаря уже наработанным неформальным связям его семьи в научном сообществе [3; 4]. Однако одновременно существует мнение о негативном влиянии родственных и дружеских связей, понижающих научное сообщество, на развитие научного знания как такового, поскольку они затрудняют приход в профес-

сию и профессиональную деятельность талантливых людей «со стороны», лишенных доступа к этой паутине взаимных связей. Исследователи пытаются изучить текущее положение дел с помощью анализа больших данных [5], однако многие государства, в том числе СССР, относились резко отрицательно к «семейной» организации научной отрасли даже без проведения предварительных исследований. Такое отрицательное отношение породило термин «семейственность», ставший со временем синонимом слов коррупция и nepotism. О семейственности как таковой и ее отрицательном влиянии на различные сферы деятельности в нашей стране написано немало [6]. Однако применительно к науке, тем более к ее истории, проблема (за редкими исключениями) [7] практически не изучалась. В настоящей статье мы рассмотрим один конкретный эпизод – кампанию по борьбе с семейственностью, развернутую в институтах АН СССР и прежде всего в одном из ведущих и наиболее важных в научном отношении физических институтов страны – Физическом институте им. П. Н. Лебедева – в начале 50-х гг. XX в.; постараемся выявить организаторов и исполнителей, определить причины, двигавшие ими, а также выяснить реакцию научного сообщества на происходившее.

Отношение советского руководства к институту семьи

У первых руководителей Советской России существовало двойное отношение к семье. С одной стороны, они считали, что государство должно собственноручно регистрировать семьи и регулировать их жизнь, что привело к большому вниманию, уделявшемуся семейному законодательству буквально с первых месяцев деятельности большевиков. С другой стороны, с самого прихода к власти новое правительство использовало институт семьи для сегрегации отдельных социальных групп населения, а также чрезвычайно настороженно относилось к возможности влияния семей и семейных связей на государственные, общественные и профессиональные дела. Эта подозрительность вылилась в целый ряд законодательных актов. Уже 27 июля 1918 г. В. И. Ленин подписал Постановление СНК РСФСР «Об ограничении совместной службы родственников в советских учреждениях», в соответствии с которым не могли «состоять на службе: 1) в одном и том же отделе какого-либо

Советского учреждения, как центрального, так и местного, – лица, находящиеся в родстве или свойстве между собою; 2) в одном и том же учреждении – лица, находящиеся в родстве или свойстве с кем-либо из ответственных руководителей данного учреждения». Это же постановление уточняло: «При приеме на службу новых лиц рекомендации родственников ни в коем случае не могут быть принимаемы во внимание». В соответствии с непростыми революционными временами наказание для нарушителей предусматривалось суровое: «Лица, виновные в нарушении настоящего декрета» подлежали «немедленному устранению от должностей», а «в особо важных случаях» виновные предавались «суду Революционного Трибунала»¹.

Реальность, естественно, вмешивалась в теорию. Уже в 1920 г. правительство вынуждено было «допустить в случаях острого недостатка рабочих рук совместную службу родственников в Советских учреждениях», хоть и с оговорками, исключительно с разрешения руководящих органов этих учреждений и «с непременным сообщением копии постановления в каждом отдельном случае в Народный Комиссариат Рабоче-Крестьянской Инспекции, Всероссийский Центральный Совет Профессиональных Союзов и Народный Комиссариат Труда»². Но всего через два года, в 1922 г., СНК РСФСР принял «Временные правила о службе в государственных учреждениях и предприятиях», статья 2 которых прямо запрещала «состоять на государственной службе в одном учреждении или предприятии лицам, соединенным между собою близким родством или свойством (родители, супруги, братья, сестры, сыновья, дочери, а равно братья, сестры, родители и дети супругов), в случае, если одновременное состояние их на службе связано с подчиненностью или подконтрольностью одного из них другому». Лица, принятые на государственную службу в нарушение данного декрета, подлежали увольнению «без предупреждения и компенсаций»³.

Современные исследователи объясняют принятие этих законодательных актов борьбой с коррупцией [8]. Однако при-

¹ Об ограничении совместной службы родственников в советских учреждениях: постановление СНК РСФСР от 27 июля 1918 г. // СПС «КонсультантПлюс».

² О совместной службе родственников в советских учреждениях: декрет СНК РСФСР от 16 июня 1920 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_696.htm (дата обращения: 22.07.2023).

³ Временные правила о службе в государственных учреждениях и предприятиях: декрет СНК РСФСР от 21 декабря 1922 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.libussr.ru/doc_ussr/ussr_1464.htm (дата обращения: 22.07.2023).

нятые положения касались не только чиновников, но и других категорий государственных служащих, в том числе ученых. Для научного сообщества, в котором профессия ученого традиционно передавалась по наследству, супруги часто работали вместе (официально или нет) над различными научными проектами, и в целом неформальные, родственные связи между людьми имели громадное значение, а условий для коррупции просто не существовало, появление подобных законов должно было казаться странным. Насколько мы можем судить сегодня, представители научного сообщества не обратили особого внимания на новые нормативные акты и продолжили следовать привычным курсом; количество официально работавших вместе родственников-ученых наоборот должно было увеличиться по мере появления все большего количества женщин – научных сотрудников, поскольку их присутствие в научных учреждениях приводило естественным образом к созданию «научных пар» и впоследствии «научных семей». Но статистических данных о количестве работавших в советской науке родственников в настоящее время нет.

Государство, однако, в целом продолжало проводить свою линию в отношении совместной службы родственников. Конечно, возникали исключения, особенно когда дело шло о специалистах. Например, в 1923 г. исключения были сделаны для «педагогов, лекторов, преподавателей и библиотекарей во всех учреждениях и заведениях ученого, учебного и воспитательного характера», а также «агрономов, землемеров, энтомологов, селекционеров, мелиораторов и ученого персонала в опытно-показательных станциях, советских хозяйствах и т. п. учреждениях Народного Комиссариата Земледелия», но только в «исключительных случаях» и после множества согласований¹; декрет от 6 июня 1924 г. ввел исключения для «лиц, занимающих должности метрологов, лаборантов и поверителей Главной Палаты мер и весов Союза ССР и ее местных учреждений» и др², но общая политика оставалась неизменной, а 2 статья «Временных правил...» утратила свою силу только в 1972 г. только потому, что все накопившиеся за прошедшие годы ис-

¹ Об изъятиях ст. 2. Временных правил о службе в государственных учреждениях и предприятиях: декрет СНК РСФСР от 10 декабря 1923 г. // СПС «КонсультантПлюс».

² Об изъятии из ст. 2 Временных правил о службе в государственных учреждениях и предприятиях: декрет СНК РСФСР от 6 июня 1924 г. // СПС «КонсультантПлюс».

ключения из нее были собраны в едином новом документе, действовавшем до 31 января 2020 г.¹ За все это время исключение для сотрудников АН СССР было сделано только в 1954 г. и только «в отношении работников научных учреждений», «находящихся в районах Крайнего Севера и других отдаленных местностях РСФСР»².

«Семейственность» как отрицательное понятие в партийной риторике

К середине XX в. такая политика привела к тому, что термин «семейственность», в своем прямом понимании означавший «приверженность интересам семьи», приобрел в общественно-политическом поле резко отрицательное значение, подразумевавшее «злоупотребление семейным положением ради интересов семьи»³ и в ущерб интересам общества в целом. Выявление большого количества родственников, работавших в одном учреждении или подразделении в штатах научного учреждения, стало признаком неудовлетворительной работы его дирекции. В 1951 г. с подачи правительства в научных институтах Академии Наук СССР была развернута кампания по борьбе с семейственностью, затронувшая повседневную жизнь сотен, если не тысяч людей.

В «Отчете о работе с кадрами в Академии наук в 1950 г.», подписанном президентом АН СССР, академиком А. Н. Несмеяновым (1899–1980) и главным ученым секретарем Президиума АН СССР, академиком А. В. Топчиевым (1907–1962), предназначенным для Отдела науки и высших учебных заведений ЦК ВКП(б), отмечалось: «В 1950 г. на заседании Президиума АН СССР были заслушаны отчеты о работе и состоянии кадров 25 научных учреждений Академии наук СССР, в том числе 7 филиалов. Проверка работы с кадрами в ряде институтов и филиалов вскрыла крупные недостатки и ошибки, свидетельствующие о грубом нарушении большевистских принципов подбора, расстановки и выдвижения кадров по их политическим и деловым качествам» [9, л. 88]. Отчет этот, однако, Отдел

¹ Об изъятиях из правила об ограничении совместной службы родственников: постановление Совета Министров РСФСР № 510 от 21.08.1972 г. // СПС «ГАРАНТ».

² Об изъятиях из ст. 2 временных правил о службе в государственных учреждениях и предприятиях: постановление Совета Министров РСФСР от 01.06.1954 г. // СПС «КонсультантПлюс».

³ Словари и энциклопедии на Академике [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/seksolog/2053> (дата обращения: 24.07.2023).

науки ЦК не удовлетворил, поскольку, по их мнению, давал «только общие представления о состоянии кадров Академии наук» [9, л. 100]. В результате было запланировано «заслушать и обсудить на совещании в Отделе» более подробный доклад А. В. Топчиева осенью 1950 г. [9, л. 100]. Это решение положило начало усиленной проверке состояния кадров АН СССР, проводившейся в 1951–1953 гг. 9 февраля 1951 г. А. В. Топчиев выступил с докладом на заседании Президиума АН СССР на тему «О мерах по устранению недостатков в деле подбора и воспитания кадров в Академии наук», в котором отмечалось, что проведенные проверки в научных учреждениях выявили серьезные недостатки в этом отношении. Среди упомянутых недостатков на первом месте фигурировала семейственность, что нашло отражение в постановлении Президиума АН СССР, гласившем: «Президиум Академии наук СССР располагает фактами подбора кадров в ряде научных учреждений по принципу семейственности и приятельских отношений, связанных между собой круговой порукой, угодных и удобных для некоторых руководителей. Бюро отделений и директора научных учреждений АН СССР часто не пресекают подобных извращений в подборе, расстановке и выдвижении кадров» [10, л. 28], а также в записке, направленной в тот же день в Отдел науки ЦК [10, л. 24].

Академические институты были обязаны отреагировать на постановление Президиума. Хотя Физический институт им. П. Н. Лебедева АН СССР (далее – ФИАН) не упоминался в тексте этого постановления, его дирекция также не могла остаться в стороне и не отреагировать на доклад А. В. Топчиева. ФИАН был основан в 1934 г. выдающимся советским физиком, академиком, впоследствии президентом АН СССР С. И. Вавиловым (1891–1951) и к середине XX в. стал ведущим физическим институтом страны, в котором работало более 1 000 человек, в том числе три академика, шесть членов-корреспондентов АН СССР, 23 доктора наук и 54 кандидата наук [11, л. 101] и который в начале 1950-х гг. стремительно развивался, выполняя правительственные задания первостепенной важности. Тем не менее, несмотря на загруженность и перегруженность сотрудников, 9 апреля 1951 г. Ученый Совет института собрался для обсуждения проблем с кадрами в АН СССР. Вел заседание директор института, академик Д. В. Скобельцын (1892–1990), начавший

с пересказа доклада А. В. Топчиева, которому он подвел итог следующим образом: «Вопрос о кадрах в ФИАН'е стоит может быть не столь остро, как в тех учреждениях, которые были указаны в докладе академика Топчиева, однако надо сказать, что постановление Президиума совершенно своевременно и в нашем институте также имеется большое количество недостатков в кадровой работе, которые мы и должны изжить» [12, л. 51].

Пройдясь далее по всем пунктам постановления Президиума, Д. В. Скобельцын дошел и до семейственности. Он выделил две ее разновидности, что может помочь нашему пониманию столь отрицательного отношения в данном вопросе со стороны партийного и советского руководства страны: «Остановлюсь на еще одном чрезвычайно важном вопросе, который отмечался в постановлении Президиума, это вопрос о семейственности и спайке внутри лабораторий, – начал Д. В. Скобельцын и продолжал – Здесь можно говорить о двух родах такой семейственности и спайки. С одной стороны, это чисто родственные отношения, а с другой – отношения приятельские, когда коллектив лаборатории или группа работников стремится покрыть те недостатки, которые имеются в лаборатории, как будто поддерживая кого-либо из своих товарищей, а на самом деле делая ему плохую услугу» [12; л. 55–56]. Таким образом, считая, что родственные и дружеские отношения между сотрудниками лабораторий позволяют им объединяться против институтской администрации, скрывая от нее различные неприглядные факты в работе своих подразделений. Количество друзей и приятелей, работавших вместе, выявить трудно, но стенограмма заседания сохранила взятые в отделе кадров института данные о работавших в нем родственниках: «По линии чисто семейственных отношений я укажу, что проведенный просмотр состава сотрудников лабораторий показал, что в нашем институте имеется 47 случаев нахождения на работе ближайших родственников, т. е. муж и жена, брат и брат, таким образом получается 97 человек, связанных родством, – говорил Д. В. Скобельцын и продолжал: – Большинство этих случаев не являются страшными, потому что эти лица работают в различных лабораториях, не связаны никак между собой по соподчинению друг другу, не выполняют ответственной работы, но в целом ряде случаев имеются и более сложные моменты». Эти «сложные моменты» были названы

директором поименно: «Можно указать, например, на Чуприна, у него работает брат и жена брата. В лаборатории оптики работает Г. С. Ландсберг¹ и его супруга Фрида Соломоновна². Затем супруги Кононовы – старший бухгалтер и заместитель главного бухгалтера» [12, л. 56]. Подводя итоги своего выступления, Д. В. Скобельцын также упомянул о необходимости искоренения семейственности наряду с другими недостатками: «Надо обратить особое внимание на вопрос уничтожения семейственности в тех случаях, когда эта семейственность может повредить научной работе» [12, л. 61].

Надо сказать, что последовавшее за выступлением Д. В. Скобельцына обсуждение оказалось долгим и бурным; собравшиеся затронули массу проблем, накопившихся в институте, однако при изучении стенограммы заседания хорошо видно, что «семейственность» во время этого обсуждения была упомянута кратко и скорее по обязанности, требовавшей отреагировать на каждый пункт постановления Президиума. И даже при этих упоминаниях речь в основном шла о втором виде семейственности по классификации Д. В. Скобельцына, т. е. об отношениях дружеских, из-за которых сотрудники либо пытались скрывать какие-то инциденты от руководства, либо выступали сплоченным фронтом в спорных, деликатных, затруднительных ситуациях. Например, сам Д. В. Скобельцын назвал случай с дракой в Крымской экспедиции института, который попытались скрыть, и конфликт вокруг одного из сотрудников в лаборатории космических лучей: «...дело Хайдарова показало наличие элементов семейственности в этой лаборатории», – затем уточнил: «Вместо того, чтобы правильно оценить поступок Биргер с тов. Хайдаровым, т. е. вместо того, чтобы осудить его, лаборатория взяла Биргер под свою защиту, а Хайдарова очернила полностью. Это было результатом неправильного отношения к делу. Была такая товарищеская спайка в дурном смысле слова, которой мы должны избегать» [12, л. 58].

Ведущих сотрудников института, входивших в состав ученого совета, интересовали главным образом вопросы недостатка кадров, нехватки молодых специалистов, невозможности принять

¹ Ландсберг Григорий Самуилович (1890–1957) – физик, чл.- корр. АН СССР с 1932 г., академик с 1946 г.

² Барышанская-Ландсберг Фрида Соломоновна (Самойловна?) (1900–1989) – физик, кандидат физико-математических наук.

в аспирантуру института студентов, уже проходивших в нем практику и зарекомендовавших себя способными и многообщающимися учеными... Единственный выступавший, вспомнивший о семейственности – заместитель председателя ученого совета, д. ф.-м. н. В. Л. Левшин (1896–1969) – предложил «рекомендовать дирекции рассмотреть вопрос о целесообразности оставления на занимаемых должностях сотрудников института, состоящих в прямом родстве и находящихся в соподчинении по работе» [12, л. 84]. Это предложение попало в итоговое постановление собрания со ссылкой на то, что «в институте работает ряд сотрудников, связанных прямым родством (47 случаев), причем иногда эти работники находятся в соподчиненных отношениях (братья Чуприны, супруги Кононовы, Ландсберг и Барышанская и др.)» [12; л. 88–89]. Выдающийся физик Григорий Самуилович Ландсберг, лауреат Сталинской премии, академик АН СССР, дважды награжденный орденом Ленина, счел необходимым высказаться по поводу обвинений в совместной работе с женой: «По вопросу персональному, который был затронут В. Л. Левшиным, я долго говорить не буду. Я работаю с Фридой Соломоновной 25 лет, женат 23 года. Я считал положение совершенно нормальным, а дело дирекции или Президиума принять решение по этому вопросу» [12, л. 68]. Этим обсуждение данной темы и ограничилось. В отчете АН СССР о работе с кадрами за 1951 г., направленном в Отдел науки ЦК ВКП(б), а также в созданной на его основе Отделом записке, предназначенной для Г. М. Маленкова, ФИАН и его проблемы с семейственностью не упоминались, чего нельзя сказать о других академических институтах: «В ряде институтов все еще имеют место случаи подбора кадров по принципу семейственности и приятельских отношений. Например, в Ботаническом институте 39 научных сотрудников, а в Геофизическом институте 54 сотрудника связаны родственными отношениями, некоторые из них находятся в непосредственном служебном подчинении друг от друга», – отмечалось в докладной записке [13, л. 135].

ХІХ съезд Коммунистической партии СССР и его последствия для ФИАН

Однако облегчение ФИАН от удачно проведенного маневра по успокоению академического и партийного руководства ока-

залось преждевременным. Гром грянул буквально на следующий год – во время XIX партийного съезда. Осенью 1952 г. после долгого перерыва руководители ВКП(б) организовали и провели XIX съезд своей партии. Необходимость борьбы с семейственностью прозвучала уже в отчетном докладе, сделанном от имени ЦК ВКП(б) Г. М. Маленковым (1901–1988): «Партийные организации обязаны обеспечить, чтобы во всех звеньях нашего аппарата неукоснительно соблюдались установленные нашей партией принципы подбора и расстановки кадров, – говорил он. – Необходимо вести непримиримую борьбу с семейственностью и круговой порукой, покончить с бюрократическим отношением к делу изучения и подбора кадров»¹. В данном контексте семейственность фактически оказалась равнозначна коррупции. Вслед за выступлением Г. М. Маленкова признать в семейственности или выявить факты ее наличия в различных организациях поспешили и другие выступавшие, в том числе А. А. Фадеев (1901–1956), Ф. М. Прасс (1909–1965), Н. С. Хрущев (1894–1971). И. К. Лебедев (1907–1972), выступая в прениях после доклада Н. С. Хрущева, подвел своеобразный итог, заметив, что в выступлениях участников съезда «отмечалось особое значение борьбы против семейственности, круговой поруки и порочного принципа так называемой «незаменимости» в подборе и расстановке кадров»².

Но неприятные последствия для ФИАНа имело выступление Е. А. Фурцевой (1910–1974), представлявшей на съезде Московский обком партии. Она не сочла возможным ограничиться одной-двумя формальными фразами в отношении случаев семейственности и подошла к данному вопросу более основательно, раскритиковав АН СССР и другие научные и учебные заведения Москвы: «Товарищи, серьезным тормозом в развитии критики и самокритики является семейственность и пережитки групповщины, которые имеют еще место в ряде организаций, – констатировала Е. А. Фурцева и перешла непосредственно к ФИАНу. – О какой критике и самокритике может идти речь, скажем, в Физическом институте Академии наук СССР, где 102 работника состоят в родственных отношениях

¹ Документы и материалы XIX съезда ВКП(б) [Электронный ресурс]. URL: <https://stalinism.ru/dokumentyi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpps.html?showall=1> (дата обращения: 27.07.2023).

² Там же.

(оживление в зале, смех), причем часть из них находится в непосредственном подчинении друг у друга»¹. Вторым институтом, подвергшимся критике Е. А. Фурцевой, стал Московский государственный педагогический институт, сыгравший роль примера учреждения, в котором благодаря отсутствию критики и самокритики происходят очень неприглядные вещи: «В этом институте, отметила выступавшая, – ученые степени присуждались за диссертации, не представляющие никакой научной ценности, и даже за такие, в которых содержались грубые извращения марксистско-ленинской теории и фальсификация истории героической борьбы нашего народа. Только за два последних года Высшей аттестационной комиссией было отклонено восемь таких “диссертаций”»². Другие вузы и институты поименно названы не были.

Упоминание их института с высокой трибуны и в таком негативном контексте для руководителей и сотрудников ФИАНа оказалось неожиданным. Съезд проходил с 5 по 14 октября 1952 г. Отдел науки тут же запросил у Г. М. Маленкова разрешение на проведение проверки состояния работы с кадрами в ФИАНе [14, л. 175], ссылаясь на многочисленные случаи семейственности в этом институте. По их предварительной информации 125 сотрудников, или 11 % от общего числа работников организации находились в родственных отношениях. Некоторые из них перечислялись поименно: «...в институте работают: заместитель директора института по научной части Добротин³ и его жена, помощник директора по административно-хозяйственной части Чуприн и его жена и брат, секретарь партбюро Козинец и его жена, заместитель секретаря партбюро Федулов и его сестра с мужем, доктор физико-математических наук Марков и его жена и другие». Отмечалось, что в институте встречаются случаи, когда родственники находились в подчинении друг у друга. Здесь также приводились конкретные примеры и назывались конкретные имена: «Например, Добротина К. И. работает младшим научным сотрудником в лаборатории космических лучей, которой заведует ее муж Добротин; в подчинении заведующего

¹ Документы и материалы XIX съезда ВКП(б) [Электронный ресурс]. URL: <https://stalinism.ru/dokumentyi/materialy-xix-s-ezda-vkp-b-kpss.html?showall=1> (дата обращения: 27.07.2023).

² Там же.

³ Добротин Николай Алексеевич (1908–2002) – доктор физико-математических наук; в 1950–1955 гг. ученый секретарь Президиума АН СССР; в 1951–1967 – заместитель директора ФИАНа.

лабораторией спектрального анализа Мандельштама находится его родственник Райский; помощнику директора института Чуприну подчинен его брат, являющийся заведующим складом Памирской научной станции; заместителю заведующего акустической лабораторией Смирнову подчинены его жена и муж сестры жены; в подчинении у начальника административно-хозяйственного отдела находится его зять Шарапов, являющийся исполняющим обязанности начальника отдела снабжения». Всего было подсчитано, что «в девятнадцати случаях “семейные пары” (муж – жена, невестка – свекровь, братья и т. д.) работают в одном месте – в одной и той же лаборатории, либо на одной научной станции. Так, в эталонной лаборатории работают профессор Марков и его жена, докторант Коломенский и его жена, а всего пять “семейных пар”, в лаборатории космических лучей (с Долгопрудненской станцией) – четыре, и в акустической лаборатории – пять “семейных пар”» [14, л. 175].

Более того, сотрудники Отдела науки ЦК выяснили, что количество работавших в институте родственников продолжало увеличиваться: в 1949 г. количество сотрудников, состоявших в родстве, увеличилось на семь человек, в 1950 г. – на 12, в 1951 г. – на 25 и за 11 месяцев 1952 г. – на 13 человек. «Таким образом, – отмечалось в докладной записке Отдела науки, – оказывается, что сорок процентов работников, находящихся в родственных отношениях, приняты в институт за период с 1950 по 1952 год» [14, л. 176]. И это несмотря на обсуждение, проведенное на Ученом Совете в 1951 г. Результатом подобной семейственности, по мнению партийных руководителей, стало слабое развитие критики и самокритики в институте, «в результате чего наблюдались случаи публикации сотрудниками института недоброкачественных научных работ» [14, л. 176].

Запрашиваемая проверка тут же была назначена. Уже 3 декабря 1952 г. в записке, направленной секретарю ЦК Н. М. Пегову (1905–1991), сотрудники Отдела науки отмечали, что руководители АН СССР А. Н. Несмеянов и А. В. Топчиев вызывались в Отдел естественных и технических наук и высших учебных заведений (как он к этому моменту назывался) и «их внимание было обращено на серьезные недостатки в работе с кадрами в Академии наук СССР и, в частности, на неглубокое и недостаточно критическое рассмотрение вопроса о работе с кадрами

в Физическом институте» [14, л. 173]. Президиум АН СССР отреагировал мгновенно, приняв специальное постановление «О подборе, воспитании и подготовке кадров в Физическом институте им. П. Н. Лебедева АН СССР» [15, л. 39].

16–17 января в Московском Доме ученых было организовано собрание актива АН СССР для обсуждения мер «по устранению недостатков в работе с кадрами в Академии в свете решений XIX съезда КПСС», на котором присутствовало 693 чел. [16, л. 38]. Директор ФИАНа, академик Д. В. Скобелицын, выступал на заседании и «признал правильными критические замечания о семейственности в Физическом институте им. П. Н. Лебедева АН СССР, рассказал активу о мерах, принимаемых институтом для исправления этого положения» [16, л. 39]. В резолюции собрания актива АН СССР четко зафиксированы причины, по которым руководители страны и науки считали необходимым бороться с семейственностью: «Отдельные руководители подбирают кадры по признакам семейственности и приятельских отношений, стараются окружить себя угодными и удобными людьми, к изучению кадров подходят формально, зачастую самоустраняясь от этого важного дела, и передоверяют его второстепенным работникам (Физический институт им. П. Н. Лебедева, Ботанический институт им. В. Л. Комарова, Секция по научной разработке проблем электросварки и электротермии и т. д.). Такая практика подбора кадров приводит к тому, что в ряде учреждений Академии образовалась семейственность, круговая порука и обстановка парадного благополучия» [16; л. 42–43]. В итоге актив академии «признал необходимым»: «Осудить существующую в ряде учреждений Академии наук порочную практику подбора людей по семейным и приятельским отношениям и рекомендовать вести решительную борьбу с любыми проявлениями монополии и групповщины в науке, наносящими серьезный ущерб делу и мешающим выявлению и выдвижению молодых научных работников» [16, л. 48].

7 февраля 1953 г. А. Н. Несмеянов и А. В. Топчиев направили секретарю ЦК Н. М. Пегову записку с результатами проведенной проверки ФИАНа, в которой вскользь указывалось, что «Президиум Академии наук СССР и институт принимают меры для устранения семейственности и по повышению общего уровня работы с кадрами» [14, л. 178], однако далее перечислялись

проблемы института, которые действительно давно требовали разрешения, в том числе недостаток сотрудников, проблемы с приемом аспирантов, нехватка рабочих помещений, в том числе лабораторий, отсутствие общежитий и жилья для сотрудников и пр., а не семейные связи отдельных работников.

12 февраля 1953 г. дирекция ФИАНа созвала собрание его актива для обсуждения результатов съезда и особенно высказываний товарища Е. А. Фурцевой. Председательствовал Н. А. Добротин, который, как упоминалось выше, сам подвергался критике за совместную работу с супругой. Он начал с того, что процитировал резолюцию заседания актива АН СССР, особенно уделив внимание следующему абзацу из этого документа: «В ряде учреждений Академии наук разворачиванию принципиальной критики в науке серьезно мешают не изжитые до конца групповщина и семейственность, интересы отдельных работников ставятся выше интересов науки в целом. И в качестве одного из институтов, где такое положение имеет место, приводится Физический институт» [11; л. 78–79]. Он также объяснил собравшимся главную цель их заседания: «Мы надеемся, что актив поможет нам рельефно выявить наши недостатки в работе с кадрами и наметить пути устранения этих недостатков. Это и есть задача нашего сегодняшнего собрания актива института» [11, л. 81], а также попросил их: «Критиковать прошу резко, остро и вместе с тем конкретно, указывая определенные фамилии товарищей, ответственных за те или иные недостатки. В наших условиях сейчас лучше перекритиковать, чем недокритиковать. Мы твердо надеемся на то, что критикуемые товарищи не обидятся и воспримут критику правильно и сделают из нее все надлежащие выводы» [11; л. 81–82].

Далее Д. В. Скобелицын отчитался в том, что уже сделано для ликвидации семейственности в институте. По его словам, на 1 декабря 1952 г. среди научного и научно-технического персонала института работало 53 человека, связанных родственными узами, из которых 28 – в одной лаборатории. На момент проведения собрания в институте осталось 33 человека научных сотрудников-родственников, из них 4 работавших в одной лаборатории, но поскольку они находились в экспедиции, это было не так страшно. В целом же на 1 декабря 1952 г. в ФИАНе насчитывалось 120 сотрудников,

состоявших в родстве, а на 10 февраля 1953 г. – уже только 75. «Мы ликвидировали имевшие у нас место отдельные случаи непосредственного соподчинения родственников, работавших в одной лаборатории или отделе, – заявил Д. В. Скобелецын, – но общее число родственников, работающих в институте все еще очень велико. Поэтому работу по устранению родственных связей в институте ни в коем случае нельзя считать законченной» [11; л. 88–89]. Он также постарался объяснить, почему это так важно: «Вопрос об устранении семейных связей в институте прежде всего связан с развертыванием критики и самокритики. Самые меры по устранению родственных связей не являются, конечно, самоцелью, а направлены к устранению условий, которые могли бы препятствовать развертыванию критики. В решениях актива Академии записан пункт в наш адрес, который был уже зачитан, – отмечал он и продолжал свое объяснение. – Вместе с тем вопрос критики и самокритики имеет особенно большое значение для поднятия уровня научной работы. Большевистский метод критики и самокритики является одним из важнейших методов решения вопросов, поставленных перед наукой» [11, л. 89].

Из стенограммы последующего обсуждения видно, что несмотря на часто произносимые слова о справедливости критики Е. А. Фурцевой о том, что институт уже начал избавляться от «лишних» родственников, выступавшие все время сбивались на обсуждение застарелых проблем института по обеспечению его сотрудниками, особенно квалифицированными младшими научными сотрудниками, лаборантами, научно-техническими специалистами; об отсутствии в АН СССР системы подбора специалистов для научных институтов в целом: «Кадры подбирались и продолжают подбираться непланово, т. е. в лабораторию попадают люди, которых удастся достать, а не те зачастую, которых следовало бы иметь для обеспечения естественного хода развития лаборатории», – отмечал, например, [Л. Н.] Кацауров [11, л. 126]; «При отсутствии планового набора сотрудников через государственные организации прием на работу в институт в прошлом в течение многих лет производился путем непосредственного приглашения сотрудников руководителями лабораторий и отделов. Этот способ подбора сотрудников привел к приглашению на работу людей, знавших друг друга ранее,

что не могло не вызвать ослабления критики», – вторил ему В. Л. Левшин [11, л. 152]. Голубков, сотрудник акустической лаборатории, очень ясно описал, к чему привела поспешная борьба с семейственностью: «Получилось таким образом: допустим, увольняется сотрудник, а замена ему не предусматривается. На примере нашей акустической лаборатории могу сказать, что замена не предусматривалась. Более того, получалось таким образом: решили вопрос о ликвидации семейственности, а как решался этот вопрос, каков ход дела, какой вред принесло неправильное решение этого вопроса в институте, – на это внимания не обращалось» [11; л. 122–123].

Многие сотрудники задавались вопросом, почему критика обрушилась именно на Физический институт. Ответ на этот вопрос отчасти дал в своем выступлении партийный лидер ФИАНа Козинец: «Наш институт один из крупнейших в Академии наук, решающий важные задачи и поэтому в этом институте прежде всего должен быть наведен нужный порядок в подборе и расстановке кадров. Неправильный подбор кадров не способствует развертыванию критики. Количество родственников, работающих в институте, о чем говорилось на съезде, является показателем, что вопросу подбора кадров уделялось недостаточное внимание. В целом ряде случаев зачислялись сотрудники по рекомендации одного из работающих в институте» [11, л. 174]. В итоге собрание приняло вполне ожидаемую резолюцию, в которой констатировалось, что в институте: «... еще не изжита до конца групповщина, семейственность, групповые интересы отдельных сотрудников ставятся выше интересов советской науки в целом» [11, л. 195] и которая призывала дирекцию уделять большее внимание работе с кадрами и искоренять «групповщину» и прочие недостатки [11; л. 195–202].

Проведенная зимой 1952–1953 гг. в АН СССР компания по борьбе с семейственностью, кажется, удовлетворила руководителей Отдела науки ЦК Ю. Жданова и Н. Глаголева, о чем они сообщили в записке Н. М. Пегову 16 февраля 1953 г., отметив, что «замечаний по итогам собрания» актива АН СССР не имеют [16, л. 53]. Надо заметить, что после XIX съезда партии проверки на наличие семейственности проводились не только в ФИАНе. Отчет по результатам проверки Ботанического института им. В. Л. Комарова, Геофизического института, Института физи-

ческой химии и Энергетического института им. Г. М. Кржижановского АН СССР для заведующего Отделом естественных и технических наук и ВУЗов ЦК КПСС Ю. А. Жданова был готов уже 6 января 1953 г. В нем присутствовали не только абстрактные цифры, но и фамилии конкретных людей с указанием на степень родства, в котором они состояли, а также их должности [16; л. 6–13]. По результатам этой проверки выяснилось, что во всех вышеперечисленных учреждениях работали люди, связанные родственными узами, находясь в т. ч. в подчинении друг у друга. Например, из 446 сотрудников Ботанического института им. В. Л. Комарова 108 чел. находились в родственных отношениях, из них 35 из числа технического персонала, остальные – научные сотрудники; в прямом служебном подчинении у родственников работало 10 чел. Это был наибольший показатель среди проверенных институтов. В геофизическом институте из 651 сотрудника в родственных отношениях состояли 56 чел.; в Институте химической физики – 61 из 633; в Институте физической химии – 63 из 443; в Институте геологических наук – 62 из 691; в Энергетическом институте им. Г. М. Кржижановского – 50 из 499 [16, л. 16].

В соответствии с данным отчетом наиболее часто распространенной парой родственников/коллег, работавших совместно, являлась пара муж – жена. Так, в Институте физической химии из 63 сотрудников, состоявших в родственных отношениях, было «примерно 30 пар» [16, л. 10]. Однако встречались соотношения родителей/детей, братьев/сестер, дядей/племянников и даже более отдаленное родство двоюродных родственников. Как правило, большинство выявленных родственников занимало научные, а не технические должности, хотя руководство Института физической химии, например, утверждало, что «более 50 % сотрудников, находящихся в родственных отношениях, – обслуживающий персонал» [16, л. 11]. Собранные факты дают любопытный материал о динамике внутри семейных/служебных пар: как показывают факты в большинстве из них, муж занимал более высокую должность, чем жена, несмотря даже иногда на наличие одинаковой научной степени. Например, в Рудном отделе Института геологических наук работало три супружеских пары. В первой из них оба супруга имели степень кандидата наук, при этом муж занимал должность старшего

научного сотрудника, жена – младшего. То же соотношение было у второй супружеской пары, хотя в ней жена не имела ученой степени, и только третья пара занимала равнозначные должности лаборантов [16; л. 11–12].

На первый взгляд, приведенные цифры свидетельствуют об очень большом количестве работавших совместно родственников, но если представить данные в процентах, то окажется, что на самом деле это не так (см. таблицу).

Таблица

Количество сотрудников институтов АН СССР,
находящихся в родственных отношениях на январь 1953 г.

Название института	Количество сотрудников (на 6 января 1953 г.), чел.	Находятся в родственных отношениях, чел.	Относительный показатель, %
Физический институт им. П. Н. Лебедева	примерно 1200	125	11
Ботанический институт им. В. Л. Комарова	446	108	24
Геофизический институт	651	56 (80 на 1952 г.)	8,6
Институт химической физики	633	61 (80 на 1949 г.)	9,6
Институт физической химии	443	63	14,2
Институт геологических наук	691	62	9
Энергетический институт им. Г. М. Кржижановского	499	50	10

Из приведенной таблицы также хорошо видно, что ФИАН не был рекордсменом в этой области, поэтому повышенное внимание именно к нему остается неясным. Возможно, это на самом деле не имело отношения к родственным связям в институте, и борьба с семейственностью должна была стать всего лишь предлогом для чего-то иного. Но со смертью И. В. Сталина кампания по борьбе с семейственностью закончилась. В мае 1953 г. Президиум АН СССР отчитался о проведенной в ФИАНе работе. В направленной в Отдел науки и культуры ЦК КПСС докладной записке А. В. Топчиев написал, что постановление Президиума АН СССР «О подборе, воспитании и подготовке кадров в Физическом институте им. П. Н. Лебедева» было обсуждено на открытых партийных собраниях во всех отделах и лабо-

раториях института; проведено собрание актива института, на котором присутствовало 260 человек, из которых в прениях выступило 14. Также, по его утверждению, были приняты меры к ликвидации семейственности в институте, выразившиеся в уменьшении количества родственников в штате института: «На 1 декабря 1952 г. в институте работало 129 сотрудников, связанных родственными отношениями, некоторые из них находились в прямом подчинении у своих родственников. За истекшее время случаи прямого подчинения родственников по работе ликвидированы, а общее их число за счет увольнения и перевода в другие учреждения сократилось на 56 человек».

Тем не менее А. В. Топчиев отметил, что «за последние полтора месяца отделом кадров института был выявлен еще ряд сотрудников, имеющих родственные связи – всего 21 человек». Таким образом, после всех принятых мер в ФИАНе продолжало работать «94 сотрудника, связанных родственными отношениями, из них научных и научно-технических работников 40 человек и 54 человека среди производственного и обслуживающего персонала. Дирекция продолжает работу по снижению числа родственников среди сотрудников института» [15; л. 39–40]. Какой-либо дальнейшей реакции со стороны партийного руководства не последовало. Материал отчета использовали в справке, составленной для Н. С. Хрущева [15, л. 42]. На этом дело и завершилось.

Что касается остальных институтов, в которых проводились проверки, то еще 6 января 1953 г. Президиум АН СССР издал приказ об увольнении ряда сотрудников: всего было приказано уволить девять человек из пяти научных учреждений [16, л. 14], – а директорам институтов указать на «недопустимость нарушения “Временных правил о службе в государственных учреждениях и предприятиях”» [16, л. 15]. И это единственный документ из всех изученных нами, имевших отношение к данным событиям, в котором упоминается законодательный акт, запрещающий совместную работу родственников. На протяжении всей кампании, о нем никто не вспоминал. Причем руководители институтов не скрывали, что увольняемые сотрудники, как правило, переводятся по договоренности в родственные научные институты. Например, институт Физической химии откровенно заявлял: «Ведутся переговоры с ди-

рекцией Физического института о переводе ряда сотрудников в ФИАН и из ФИАН'а в Институт физической химии» [16, л. 11].

Таким образом, кампания, длившаяся на протяжении нескольких лет, доставившая, можно предположить, немало волнений сотрудникам научных институтов, закончилось ничем. Хотя, конечно, пострадавшие – уволенные – были. Однако их количество оказалось невелико и многим из них нашлись места в других научных организациях. Во многом, как нам кажется, это произошло благодаря тому, что руководство АН СССР и отдельных научных институтов, формально выражая всяческое согласие с руководящей линией партии, провело некий вариант итальянской забастовки и постаралось проигнорировать все мероприятие настолько, насколько это было возможно, ограничившись громкими заявлениями, проведенными собраниями и «правильными» постановлениями.

Обсуждения и выводы

В заключение можно сказать, что, с одной стороны, в первой половине XX в. люди, связанные семейными отношениями, нередко находили работу в одном и том же научном учреждении. С другой стороны, несмотря на очевидное удобство совместной работы, например, супругов для повседневной жизни, собранная по заданию Отдела науки ЦК КПСС статистика показывает, что количество работавших совместно в конкретном научном учреждении АН СССР родственников держалось в среднем всего на уровне 10 %. Изучение официальной риторики и аргументов партийного руководства приводит нас к выводу о том, что партийных начальников беспокоила не столько возможность коррупции в научных организациях, сколько близкие отношения между людьми. Они возражали против не только родственных, но и дружеских отношений – по сути против любых отношений, основанных на взаимном доверии и уважении.

Список литературы

1. Гальтон Ф. Наследственность таланта: законы и последствия. М.: Мысль, 1996. 269 с.
2. Пчелов Е. В. Научные отцы и дети: историческая генеалогия на службе истории науки // Семья и детство в повседневной жизни: история и современ-

ность: материалы международной научной конференции, 6–8 апреля 2023 г. / отв. ред. В. А. Веремenco: в 2 т. Т. 2. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. 1 CD-ROM. Загл. с титул. экрана. Текст: электронный. С. 233–238. EDN: ESMBVG.

3. Пушкарева Н. Л. *Libido scientifica* (воспитательные практики в семьях российских ученых 1950–1980 гг.) // *Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции*, 6–8 апреля 2023 г. / отв. ред. В. А. Веремenco: в 2 т. Т. 2. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2023. 1 CD-ROM. Загл. с титул. экрана. Текст: электронный. С. 254–260. EDN: EBZOEА.

4. Wacquant L. J. D. For a Socio-Analysis of Intellectuals: On “Homo Academicus”. Interview with Pierre Bourdieu // *Berkley Journal of Sociology. A critical review.* – 1989. – Vol. 34. – Pp. 1–29.

5. Grilli Jacopo, Allesina Stefano. Last name analysis of mobility, gender imbalance, and nepotism across academic systems // *PNAS.* – 2017. – Vol. 114. – № 29. – Pp. 7600–7605. DOI: 10.1073/pnas.1703513114

6. Иванова Е. Ю. Семейственность (непотизм) как деструктивная форма профессиональных династий: государственная политика и общественное мнение // *Теория и практика общества: развитие.* – 2020. – № 5 (147). – С. 42–50. DOI: 10.24158/tpor.2020.5.7. EDN: KBOFBW

7. Котомина А. А. «Спецедество» и «коммунизация» против семейственности. Реформирование Московского Политехнического музея в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // *Люди и тексты. Исторический альманах.* – 2021. – № 14. – С. 309–350. EDN: KFNNFJ

8. Щанкина Л. Н. Антикоррупционное законодательство в годы советской власти // *Экономика. Право. Общество.* – 2019. – № 4 (20). – С. 74–75. EDN: MNWKBQ

9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 132. Д. 332.

10. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 168.

11. Архив Российской Академии наук (Архив РАН). Ф. 532. Оп. 1. Д. 232.

12. Архив РАН. Ф. 532. Оп. 1. Д. 192.

13. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 226.

14. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 256.

15. Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 17. Д. 412.

16. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 133. Д. 271.

The Fight with “Semejstvennost” at the P. N. Lebedev Physical Institute of the USSR Academy of Sciences in the Early 50s of the 20th Century

Olga A. Valkova

Based on previously unpublished archival documents, the article examines the history of the political campaign against “semejstvennost” that took place in scientific institutions of the USSR Academy of Sciences in the early 1950s of the 20th century. For centuries, sci-

ence has essentially remained a family business. The outstanding contribution made by representatives of many scientific dynasties to the development of knowledge is well known in the history of science. However, in the USSR, the joint work of relatives in scientific institutions was prohibited by law, and the term “*semejstvennost*” gradually acquired a negative connotation, which was associated with manifestations of corruption and nepotism. Nevertheless, the prohibitions were regularly violated. In the early 1950s the leadership of the Communist Party of the USSR initiated a campaign to combat manifestations of “*semejstvennost*” and nepotism in scientific institutions of the USSR Academy of Sciences. The main attention in the article is paid to the events that took place at the P. N. Lebedev Physical Institute of the USSR Academy of Sciences – the leading scientific institute of its profile. The article traces the stages of the campaign, and special attention is paid to the motives for its conduct.

Key words: nepotism, P. N. Lebedev Physical Institute of the USSR Academy of Sciences, XIX Congress of the CPSU.

For citation: Valkova, O. A. (2023) Bor'ba s semejstvennost'yu v Fizicheskom institute im. P. N. Lebedeva AN SSSR v nachale 50-h gg. XX v. [The Fight with “*Semejstvennost*” at the P. N. Lebedev Physical Institute of the USSR Academy of Sciences in the Early 50s of the 20th Century]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 45–68. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_4_45. EDN: KAJTFC

References

1. Gal'ton, F. (1996) *Nasledstvennost' talanta: zakony i posledstviya* [Inheritance of talent: laws and consequences]. Moscow: Mysl'. (In Russ.)
2. Pchelov, E. V. (2023) Nauchnye otcy i deti: istoricheskaya genealogiya na sluzhbe istorii nauki [Scientific fathers and children: Historical genealogy in the service of the history of science]. *Sem'ya i detstvo v povsednevnoj zhizni: istoriya i sovremennost'* [Family and childhood in everyday life: history and modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference, 6–8 April 2023. Saint-Petersburg. In 2 vols. Ed. V. A. Veremenko. Saint-Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Vol. 2. Pp. 233–238. (In Russ.)
3. Pushkareva, N. L. (2023) *Libido scientifica (vospitatel'nye praktiki v sem'yah rossijskih uche-nyh 1950–1980-gg.)* [Libido scientifica (educational practices in the families of Russian scientists 1950–1980-gg.)] [Family and childhood in everyday life: history and modernity]. Proceedings of the International Scientific Conference, 6–8 April 2023. Saint-Petersburg. In 2 vols. Ed. V. A. Veremenko. Saint-Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Vol. 2. Pp. 254–260. (In Russ.)
4. Wacquant, L. J. D. (1989) For a Socio-Analysis of Intellectuals: On “*Homo Academicus*”. Interview with Pierre Bourdieu. *Berkley Journal of Sociology*. A critical review. Vol. 34. Pp. 1–29.
5. Grilli, Jacopo, Allesina, Stefano (2017) Last name analysis of mobility, gender imbalance, and nepotism across academic systems. *PNAS*. Vol. 114. No. 29. Pp. 7600–7605. DOI: 10.1073/pnas.1703513114
6. Ivanova, E. YU. (2020) *Semejstvennost' (nepotizm) kak destruktivnaya forma professional'nyh dinastij: gosudarstvennaya politika i obshchestvennoe mnenie* [Semejstvennost' (nepotism) as a destructive form of professional dynasties: state policy and public opinion]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. No. 5 (147). Pp. 42–50. (In Russ.). DOI: 10.24158/tipor.2020.5.7 (In Russ.)
7. Kotomina, A. A. (2021) «*Spetseedstvo*» i «*kommunizaciya*» protiv semejstvennosti. *Reformirovanie Moskovskogo Politekhnicheskogo muzeya v konce 1920-h – nachale 1930-h gg.* [“*Spetseedstvo*” and “*communization*” against nepotism. The reform of the Moscow Polytechnic Museum in the late 1920s – early 1930s]. *Ljudi i teksty. Istoricheskij al'manah* [People and Texts. Historical Almanac]. No 14. Pp. 309–350. (In Russ.)
8. SHChankina, L. N. (2019) *Antikorrupcionnoe zakonodatel'stvo v gody sovetской vlasti* [Anti-corruption legislation in the years of Soviet power]. *Ekonomika. Pravo. Obshchestvo* [Economy. Law. Society]. No. 4 (20). Pp. 74–75. (In Russ.)

9. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii (hereinafter – RGASPI)* [The Russian State Archive of Socio-Political History (RGASPI)]. F. 17. Op. 132. D. 332.

10. *RGASPI*. F. 17. Op. 133. D. 168.

11. *Arhiv Rossijskoj Akademii nauk (hereinafter – Arhiv RAN)* [Archive of the Russian Academy of Sciences]. F. 532. Op. 1. D. 232.

12. *Arhiv RAN*. F. 532. Op. 1. D. 192.

13. *RGASPI*. F. 17. Op. 133. D. 226.

14. *RGASPI*. F. 17. Op. 133. D. 256.

15. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv novejshej istorii* [The Russian State Archive of Modern History]. F. 5. Op. 17. D. 412.

16. *RGASPI*. F. 17. Op. 133. D. 271.

Об авторе

Валькова Ольга Александровна, доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела истории физико-математических наук, Институт истории естествознания и техники им. С. И. Вавилова РАН, Москва, Российская Федерация; e-mail: o-val2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4158-110X

About the author

Valkova Olga A., Doctor of Historical Sciences, Chief Research Fellow of the Department of History of Physical and Mathematical Sciences, S. I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology, Moscow, Russian Federation; e-mail: o-val2@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0002-4158-110X

Статья поступила в редакцию 31.07.2023

Одобрена после рецензирования 19.09.2023

Принята к публикации 25.09.2023

Социальный портрет учителя в отечественной педагогической периодической печати в 1860–1880-е гг.

В. Ю. Шевелёв

В статье на основе контент-анализа отечественной педагогической периодической печати рассматриваются составные элементы социального портрета учителя в 1860–1880-е гг. Автор анализирует «Журнал Министерства народного просвещения», журналы «Учитель», «Русский начальный учитель» и «Воспитание и обучение». В результате проведенного исследования было выявлено, что тема, затрагивающая социально-экономическое положение учителя, а также его личные и профессиональные качества для педагогической периодической печати указанного периода, являлась не самой популярной, её частотность колебалась от 0,32 % до 2,07 % от общего числа статей в отдельных журналах. На основании полученных данных были выделены основные характеристики социального портрета учителя 60–80-х гг. XIX века. Наиболее часто встречающейся чертой оказалась необходимость знания общества, той среды, в которой учитель должен был работать. Также среди наиболее часто встречающихся черт социального портрета учителя обозначенного периода можно выделить его скудное вознаграждение, зачастую не позволяющее обеспечить свою семью предметами первой необходимости, обязанность учителя познакомиться с индивидуальными психофизиологическими особенностями обучаемых детей. Эти знания были необходимы учителю для более эффективной организации образовательного процесса. В наименьшей степени встречались такие черты, как необходимость регулярного саморазвития и искренняя любовь к детям.

Ключевые слова: учитель, материальное положение, любовь к детям, образование, Российская империя.

Для цитирования: Шевелёв В. Ю. Социальный портрет учителя в отечественной педагогической периодической печати в 1860–1880-е гг. // История повседневности. – 2023. – № 4. – С. 69–84. DOI: 10.35231/25422375_2023_4_69. EDN: LSOENK

Введение

Отмена крепостного права и последовавшие за ней «Великие реформы» повлияли на многие стороны жизни общества Российской империи второй половины XIX века. Изменения коснулись и системы образования. В результате нововведений была создана достаточно стройная и понятная система образования с четкой организацией учебного процесса. Одним из косвенных последствий этих преобразований стал бурный рост количества наименований издаваемой периодической печати. Газеты и журналы стали более ясно выражать своё отношение к происходящим в стране событиям, открывались узкопрофессиональные периодические издания, посвященные какой-то одной области наук или сфере жизни.

Именно в этот период появляются новые педагогические периодические издания, такие как журналы «Учитель» или «Русский начальный учитель». На страницах этих журналов стали активно обсуждаться вопросы обучения и воспитания детей, устройства школ в городах и селах, новые методики преподавания. Одним из обсуждаемых и дискуссионных вопросов стал вопрос о том, какими качествами должен обладать современный учитель, какие знания и умения он должен иметь, чему и как он должен научить детей в школе.

Цель исследования: составить социальный портрет учителя по материалам педагогической периодической печати 1860–1880-х гг. Для этого представляется необходимым проанализировать педагогическую периодическую печать 1860–1880-х годов методом контент-анализа, выделить наиболее часто встречающиеся характеристики личностных и профессиональных качеств учителя, на их основе составить социальный портрет учителя 1860–1880-х гг.

Анализ историографии данного вопроса показал, что эта проблематика рассматривалась с разных аспектов. Все публикации можно разделить на несколько групп. К первой группе можно отнести исследования, рассматривавшие периодическую педагогическую печать как отдельный вид изданий и как обособленный источник исторических знаний. К таким трудам можно отнести исследования М. П. Мохначевой [1], Е. В. Царевой, О. И. Лепилкиной [2] и М. А. Азарной¹. Так, например,

¹ Азарная М. А. Педагогическая пресса в России во второй половине XIX в.: генезис, предметно-тематиче-

Ольга Ивановна Лепилкина предлагает свою классификацию педагогической периодической печати второй половины XIX в., основанную на её предметно-тематических и структурно-функциональных особенностях [2]. В своей диссертации Елена Вячеславовна Царева определяет функции педагогической периодической печати, основные направления дискуссий в российской педагогической периодической печати конца XIX – начала XX в., а также значение педагогической периодической печати для развития системы профессионального образования учителя в обозначенный период¹.

Ко второй группе можно отнести исследования В. А. Веременко [3], Г. П. Измestьева [4], А. Н. Донина [5] и С. И. Катунцева², рассматривавшие специфику реформ в сфере народного образования, проводимых в России в 1860–1880-е гг., и их влияние на общественную жизнь. Так, например, Валентина Александровна Веременко подчеркивает определяющую роль сложившейся системы народного образования на формирование мировоззрения подростков, а значит и на политические предпочтения общества в целом [3]. Александр Николаевич Донин рассматривает проблемы развития ключевых звеньев системы народного образования Российской империи во второй половине XIX века как целостный диалектический процесс, единую концептуальную систему [5].

К третьей группе исследований можно отнести труды ученых, в которых характеризуются роль и статус учителя, особенности его профессиональной деятельности во второй половине XIX века. В эту группу входят работы А. В. Уткина [6], В. В. Морозовой, Л. В. Бариновой³ и Е. А. Казановой⁴. Так, например, Анатолий Валерьевич Уткин в своих трудах определяет основные функционально-содержательные особенности учителя, а также дает подробную характеристику государственной и общественной миссии учителя [6]. Виктория Вячеславовна

ские и структурно-функциональные особенности: дис. ... канд. филол. наук. Ростов-на-Дону, 2006. 177 с.

¹ Царева Е. В. Влияние периодической педагогической печати на развитие системы профессионального образования народных учителей в России: на рубеже XIX–XX вв.: дис. ... канд. пед. наук. Нижний Новгород, 2010. 160 с.

² Катунцев С. И. Реформы начальной школы России: общественно-педагогическая мысль и государственная политика второй половины XIX века: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2005. 222 с.

³ Баринова Л. В. Историко-педагогический опыт взаимодействия учителей и родителей в педагогическом процессе отечественных гимназий второй половины XIX века.: дис. ... канд. пед. наук. Воронеж, 2022. 177 с.

⁴ Казанова Е. А. Учительство средней школы как социально-профессиональная группа в русском обществе второй половины XIX века.: дис. ... канд. пед. наук. М., 1996. 211 с.

Морозова определяет особенности формирования юридического статуса учителя Российской империи, а также приводит анализ структуры социального статуса учителей различных образовательных учреждений¹.

Результаты

Для проведения исследования были изучены материалы следующих педагогических журналов: «Журнал Министерства народного просвещения», «Учитель», «Русский начальный учитель», «Воспитание и обучение».

«Журнал Министерства народного просвещения» являлся главным официальным периодическим изданием с момента своего открытия в 1833 году. Он изначально задумывался своим создателем С. С. Уваровым как средство продвижения официальной государственной идеологии в научно-педагогическое сообщество. В этом журнале наибольший интерес представляли статьи, рассматривавшие уровень развития системы образования в разных частях Российской империи, заметки о преподавании отдельных предметов, записки о состоянии различных учебных заведений.

Журнал «Учитель» являлся одним из первых научных педагогических периодических изданий, где помимо вопросов общей педагогики и психологии, а также дидактики и теории воспитания публиковались и узкоспециальные статьи, рассказывавшие о конкретных дидактических приемах, использовании учебной и дополнительной литературы на уроках, а также предлагались примерные уроки по различным предметам, что являлось важной составной частью повышения профессионального уровня уже работавших учителей.

Журнал «Русский начальный учитель», вышедший с 1880 по 1911 год, стал первым периодическим изданием, которое предназначалось непосредственно народному учителю. Журнал стремился сделать практические педагогические знания максимально доступными для учителей, особенно для тех, у кого не хватало средств на покупку книг. Помимо этого, в издании публиковались статьи по сельскому хозяйству, механике, промышленности, здоровью, так как редакция журнала считала, что учитель должен иметь широкий кругозор, чтобы

¹ Морозова В. В. Правовой и социальный статус учителей дореволюционной России: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2007. 227 с.

заслужить должный авторитет и уважение не только среди учеников, но и среди их родителей.

Журнал «Воспитание и обучение» был достаточно демократичным и прогрессивным для своего времени: на его страницах были представлены материалы из отечественного и зарубежного педагогического опыта. Для темы исследования наиболее важным было изучение публикаций журнала, посвященных отношениям родителей и учителей, теории воспитания, а также влиянию семьи и школы на ребенка.

На основании изучения перечисленных источников и проведения контент-анализа можно выделить следующие основные требования, выдвигаемые к учителю, и характеристики его социального портрета в 1860–1880-е гг.: знание ребенка, знание общества, любовь к детям, низкое финансовое положение, отчужденность от крестьян, необходимость саморазвития.

Среди материалов изученных журналов от общего числа статей (9739) только 127 статей было посвящено непосредственно учителю и его образу, что составляет примерно 1,3%. По отдельным журналам статистика выглядит следующим образом. В «Журнале министерства народного просвещения» было изучено 7851 статей, из которых непосредственно учителю было посвящено 97 статей, что составляет 1,23%. В журнале «Учитель» было изучено 723 статьи, непосредственно учителю были посвящены 15 статей, что составляет 2,07%. В журнале «Русский начальный учитель» был проведен анализ 858 статей, к материалам об учителе и его образе можно отнести 14 статей, что составляет 1,63%. В журнале «Воспитание и обучение» было изучено 307 статей, учителю была посвящена 1 статья, что составило 0,32%.

Наиболее важным требованием к социальному портрету учителя, на которое акцентировалось внимание, было знание общества, социальной среды, в которой живет и работает педагог. Этот тезис упоминался в рассматриваемых журналах 18 раз, например, в следующих формулировках: «Учитель должен хорошо понимать потребности общества в данную минуту, среду, в которой живет ребенок и то, к чему он должен готовить его» [7, с. 3], «Учитель должен живо представлять себе и основательно понимать и знать все жизненные условия и требования, при которых живет его питомец» [8, с. 354].

Авторы статей утверждали, что для более продуктивной и эффективной организации педагогической деятельности важно понимать бытовые особенности, трудности, основной род занятий того сообщества, в котором находится учитель: «Каждый учитель, каждая учительница должны прислушиваться к голосу народа, узнавать, что крестьянин находит необходимым, полезным, что бесполезным, а затем могут обсуждать на съезде учителей требования народа и конечным результатом таких суждений должна быть такая постановка школьного дела, что оно будет удовлетворять потребностям народной жизни в известном районе» [9, с. 121], «Он (учитель – *прим. авт.*) прежде всего должен познакомиться с местной жизнью и особенно узнать все понятия детей с причинами их породившими, одним словом, как телесное, так и духовное состояние детей, чтобы знать, на что и как потом действовать преподаванием и какой материал надо употребить для преподавания» [10, с. 51]. Он должен не только обладать этими знаниями, но и использовать их для улучшения условий жизни и труда ребенка и его семьи: «Учитель должен быть настолько сведущ, чтобы смотреть на всё, окружающее крестьянского ребенка, разумными глазами, чтобы на все вопросы ребенка относительно его быта, явлений и предметов природы дать удовлетворительный ответ» [11, с. 43].

Важно, что на страницах официального издания Министерства народного просвещения подчеркивалось, что одним из условий успешной педагогической деятельности является «близость к народу, с которым он (учитель – *прим. авт.*) жил действительно одною жизнью... между ним (учителем – *прим. авт.*) и крестьянами образовалась внутренняя связь» [12, с. 163]. Очень важным считалось, что «учители для народа должны выходить из среды самого народа» [12, с. 169]. Особенно принципиально этот вопрос стоял именно в 1860-е гг., то есть в первое десятилетие после отмены крепостного права. На страницах журнала в этот период неоднократно можно было встретить мысль о том, что «...в настоящее время прочными учителями в сельских школах могут быть только люди, взятые из самой же среды крестьян...» [13, с. 185].

Второй важнейшей характеристикой социального портрета учителя в педагогической печати (12 упоминаний в статьях) обозначенного периода являлось его бедственное финансовое

положение, низкая заработная плата, а зачастую откровенная бедность, особенно в сельской местности: «Многие учителя прямо высказывают, что должность сельского учителя сокращает жизнь, особенно вследствие скудности вознаграждения» [14, с. 239]. Часто педагоги были вынуждены отказывать себе в самом необходимом, так как получаемого жалования с трудом хватало на еду и одежду: «Жалования не хватает даже на самые необходимые жизненные надобности, не говоря уже про болезни его и семейства, когда приходится тратиться на докторов и лекарства; про черный же день, для которого он должен бы что-либо уделить из своего скудного жалования, и говорить нечего» [15, с. 160]. Покупка книг и методических материалов для преподавания отходила на последний план.

Министерство народного просвещения также не игнорировало этот вопрос на страницах своего журнала. Согласно статистическим сведениям, представленным в ведомственном издании, в некоторых губерниях, таких как Тверская, жалование учителей составляло 145 р. в год [16, с. 401], 200 р. в год получали учителя Самарской губернии [17, с. 45], в г. Ростове заработная плата учителей составляла 150–160 р. в год [12; с. 152–153]. При этом стоит понимать, что, например, в том же Ростове для семьи учителя с женой и тремя детьми только на наем квартиры уходило до 90 р. в год, около 320 р. уходило на еду (щи, каша, чай, сахар), порядка 170 р. требовалось потратить на одежду [12, с. 137].

Для улучшения материального состояния школы в целом и учителя в частности в 1880-е гг. нередко выдвигались предложения по наделению школ земельными участками для занятия сельским хозяйством: «В силу всего этого всякие предположения и попытки для выхода из затруднительного положения – в деле лучшего материального обеспечения начальных учителей – должны заслуживать серьезного внимания. В числе подобного рода проектов особенно выдающихся, по моему мнению, следует считать предложение о наделении школ землею, доходность с которой должна служить дополнением к скудному жалованию учителя» [18, с. 109]. На страницах педагогической периодической печати в обозначенный период зачастую прямо говорилось, что «главная цель наделения школ землею... должна заключаться в улучшении материального положения учителей» [18, с. 110].

Ещё одним обсуждаемым предложением по улучшению финансового положения учителей было занятие пчеловодством: «Я предлагаю завести при школах пчельни, а учителю заняться пчеловодством. В этом я вижу действительное средство к улучшению материального положения и школы, и учителя, да при том такое средство, которое вполне зависит от доброй воли учителя» [19, с. 137]. Здесь стоит отметить, что наделение школ земельными участками и вовлечение учителей в сельскохозяйственную деятельность должно было решить ещё одну задачу – развитие сельского хозяйства: «Сельскохозяйственная практика таких учителей, при заведываемых ими школах, без всякого сомнения, будет оказывать благотворное влияние и на развитие сельского хозяйства в среде крестьян» [18, с. 110].

Третьей наиболее часто встречающейся темой в педагогической печати, связанной с требованием к социальному портрету учителя в 1860–1880-х гг., являлась необходимость «знать ребенка» (упоминается девять раз). По мнению российской педагогической общественности, учитель для успешной и качественной организации педагогического процесса должен был владеть не только методологическими и фактическими знаниями, но и сведениями об образе жизни ребенка, его психологических и физиологических особенностях: «мало знать основательно только предмет, который преподаешь, надо знать хорошо и того, кому преподаешь» [7, с. 3], а также «соразмерять свои требования с индивидуальностью каждого из них (учеников – прим. автора)» [20, с. 74].

По мнению авторов статей, глубокое и разностороннее изучение своих учеников, возможных вариантов его поведения, индивидуальных черт характера, уровня их интеллектуального развития необходимо было учителю для того, чтобы «на этом основании судить об них (учениках – прим. автора) справедливо» [21, с. 140]. Знание природы ребенка, утверждала педагогическая периодическая печать, являлось «условием счастливой передачи детям познаний» [22, с. 890].

Отдельно подчеркивалась важность этих сведений и для более грамотной и эффективной организации воспитательной работы с учеником, которая является не менее важной, чем процесс обучения: «С точки зрения воспитания, первая работа для народного учителя со вновь поступившими к нему

учениками должна заключаться в том, чтоб хорошенько узнать их» [23, с. 29].

Ещё одной немаловажной чертой социального портрета учителя Российской империи, нашедшей своё отражение в педагогической периодической печати 1860–1880-х годов, является «чуждость» учителя как представителя интеллигенции по отношению к другим социальным группам, в первую очередь, конечно, к крестьянам: «учитель в деревне – даже в лучшем случае – только чужой» [24, с. 380]. Данная характеристика встречалась девять раз на страницах журналов.

Достаточно часто на страницах педагогических журналов можно было встретить тезис о том, что учитель «чужой для крестьян» [25, с. 128]. Он не ведет своего хозяйства, ведет «бродячий» образ жизни, так как часто переезжает с одного места на другое. Учителей крестьяне считали не «домовитыми», то есть не имеющими своего дома и семьи. Учителя, особенно молодые, не всегда были женатыми, и не потому что не хотели, они просто не могли себе этого позволить ввиду своего бедственного финансового положения, о котором мы упоминали выше, ну и, как следствие, невысокого социального статуса и авторитета. Крестьянские семьи с трудом выдавали своих дочерей за учителей, понимая, что это невыгодная партия. Поэтому зачастую «большой важности учительской должности крестьяне не придают» [25, с. 130], ведь «холостой учитель почти никакого влияния не имеет на взрослых» [26, с. 422].

Это оказывало очень сильное воздействие на психологическое состояние учителя: «скука и полнейшее одиночество обыкновенно тяготят учителей» [24, с. 380]. Терпеть своё тяжелое финансовое положение, нести его, как бремя, считая, что это плата за свою высокую духовную миссию – образование людей и не находить поддержки среди местного населения в трудные минуты жизни являлось серьезным испытанием для учителей: «горькая и тяжелая действительность скоро приводит молодого учителя к разочарованию, и трудно ему найти себе поддержку в ком-либо из окружающих» [27, с. 3].

Крестьяне видели в учителе «чужого» и ещё по одной причине. Ввиду своей неграмотности крестьяне не всегда понимали то, чему учитель учил их детей. Для крестьянина важно было, чтобы их дети в школе ознакомились с Библией, Псалтырем, по-

лучили знания о природе, необходимые для занятия сельским хозяйством. Крестьяне не считали необходимым изучение других наук. Учитель, безусловно, «видит недоверие крестьян к тем знаниям, которые он старается распространить, иногда прямое пренебрежение к ним» [27, с. 3].

Одним из действенных способов, предлагаемых на страницах педагогической периодической печати, являлось переломление ситуации и улучшение мнения крестьян об учителе, о школе. Налаживание более доверительных отношений заключалось в том, чтобы учитель в деревне занимался сельским хозяйством: «Займись учитель каким-нибудь крестьянским делом, например, земледелием, – и отношение крестьян к нему переменяется. Крестьянин будет видеть в учителе отчасти уже своего человека...» [24, с. 380].

Немаловажной чертой учителя, по мнению педагогической периодической печати, в обозначенный период являлась любовь к детям (шесть упоминаний). Бесспорно, это одно из самых значимых качеств учителя. Оно позволяло более снисходительно относиться к организации образовательного процесса, мотивировало учителя на поиск новых методов преподавания, стимулировало самопознание и саморазвитие учителя: «... любовь к детям разумная, истинная, научит учителя лучше всего, как ему вести себя с учениками» [21, с. 140].

Любовь к своим ученикам необходима учителю ещё и для того, чтобы на её основе развивать в ребенке любовь к богу, духовность, мораль, мотивировать его расширение своих знаний и развитие всего «самого чистого и благородного, самого высокого и святого» [28, с. 257].

Учитель зачастую сталкивался с таким низким уровнем развития детей, особенно на селе, в крестьянских семьях, что без искренней, истинной любви к детям становилось непонятно, ради чего он терпит все тяготы своего существования: «... любовь к обучаемому и воспитываемому им юношеству, должны быть так велики, чтобы в них находил он силу, необходимую, чтобы примириться с ограниченной, а часто даже исполненной всяких лишений обстановкою жизни» [29, с. 73].

Одной из самых важных, но менее часто упоминаемых характеристик социального портрета учителя, которую можно выделить в педагогической периодической печати 1860–1880-х гг.,

являлась необходимость саморазвития (пять упоминаний), обусловленная двумя причинами. Во-первых, учитель должен был постоянно изучать новые знания по своему предмету и методике его преподавания, чтобы проводить свои занятия на максимально высоком уровне: «... самый лучший учитель это тот, который продолжает своё собственное самообучение» [8, с. 355].

Во-вторых, учитель мог передать только те знания и умения, которыми обладал сам, он мог воспитать только те качества, которые были у него самого: «воспитатель, учитель наставник может действовать на развитие, воспитание, образование воспитанника только в той степени, в какой он сам воспитан, развит, образован» [30, с. 17].

Обсуждение и выводы

На основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что педагогическая периодика в XIX веке была важным инструментом для распространения педагогических знаний и формирования профессиональных сообществ. В этот период наблюдалось увеличение числа обсуждаемых тем и улучшение уровня грамотности населения, что привело к росту интереса к социальному портрету учителя.

Таким образом, на основе проведенного исследования мы увидели, что социальный портрет учителя в педагогической периодической печати 1860–1880-х гг. включает в себя семь основных характеристик: знание ребенка (девять упоминаний), знание общества (18 упоминаний), любовь к детям (шесть упоминаний), низкое финансовое положение (12 упоминаний), отчужденность от крестьян (девять упоминаний), необходимость саморазвития (шесть упоминаний).

На основе проведенного исследования было выявлено, что социальная среда, в которой работал учитель, являлась одной из наиболее важных характеристик его социального портрета. Педагогическая периодическая печать акцентировала внимание на этой характеристике, подчеркивая, что учитель должен понимать потребности и нужды общества, в котором живет и работает.

Несмотря на то, что все обозначенные качества являлись крайне важными для социального портрета учителя в 60–80-е гг. XIX в., становится очевидным, что соединить в себе их все в реальности было практически невозможно.

Таким образом, со страниц педагогической периодической печати транслировался наиболее идеализированный, но трудновыполнимый в реальных условиях социальный портрет учителя. В обыденной жизни учителя сталкивались с множеством трудностей и ограничений, которые не были учтены в педагогической периодике. Поэтому реальный социальный портрет учителя был гораздо сложнее и менее идеализирован, чем тот, который транслировался со страниц педагогической периодической печати.

Список литературы

1. Мохначева М. П. Журналистика и историческая наука: в 2 кн. Книга 1 Журналистика и историографическая традиция в России 30–70-х гг. XIX в. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 1998. 511 с.
2. Лепилкина О. И. Система русской провинциальной периодической печати (XVIII – начало XX в.). М.: Пекса, 2010. 362 с.
3. Веремченко В. А. Становление системы высшего совместного образования в России: (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2008. 44 с.
4. Измestьева Г. П. Классическое образование в истории России XIX века. М.: Пробел-2000, 2003. 335 с.
5. Донин А. Н. Университетские реформы в России: общественная мысль и практика, вторая половина XIX века. Саратов: Саратов. гос. соц.-экон. ун-т, 2003. 256 с.
6. Уткин А. В. Генезис миссии учителя в истории отечественного образования XVIII – начала XX веков. Нижний Тагил: Нижнетагильская государственная социально-пед. акад., 2010. 320 с.
7. Задача учителя // Воспитание и обучение. – 1880. – № 1. – С. 1–14.
8. Призвание учителя // Учитель. – 1865. – № 10. – С. 353–360.
9. Жирков И. Письмо к учителям // Русский начальный учитель. – 1886. – № 2. – С. 120–121.
10. Материалы для устройства народных училищ // Учитель. – 1861. – № 2. – С. 45–53.
11. Условия жизни сельской школы и её учителя // Русский начальный учитель. – 1880. – № 10. – С. 26–44.
12. Сухомлинов М. Заметки об училищах и народном образовании в Ярославской губернии // Журнал Министерства народного просвещения. – 1863. – № СХVII. – С. 103–189.
13. Золотов Л. Исследования грамотности по деревням // Журнал Министерства народного просвещения. – 1863. – № СХХ. – С. 156–197.
14. По поводу писем сельских учителей // Русский начальный учитель. – 1881. – № 4. – С. 236–244.

15. Будущее учителя народной сельской школы // Русский начальный учитель. – 1889. – № 8–9. – С. 160–163.

16. Золотов Л. Исследование крестьянской грамотности по деревням, преимущественно Тверской губернии и частично Московской // Журнал Министерства народного просвещения. – 1863. – № СХVIII. – С. 400–442.

17. Варенцов В. О. народной грамотности в Самарской губернии // Журнал Министерства народного просвещения. – 1863. – № СХХ. – С. 37–46.

18. Из практики школьного учителя – земледельца // Русский начальный учитель. – 1885. – № 2. – С. 109–116.

19. Значение пчеловодства для сельской школы // Русский начальный учитель. – 1884. – № 3. – С. 137–149.

20. Внутреннее обозрение // Журнал Министерства народного просвещения. – 1863. – № СХХ. – С. 69–92.

21. Редкин П. Современные педагогические заметки // Учитель. – 1863. – № 3. – С. 130–143.

22. Николенько М. Справедливо ли обвиняют хоть сколько-нибудь самих учеников в их неуспехах в науках? // Учитель. – 1863. – № 19. – С. 889–899.

23. Овсянников Н. К вопросу о ревизии начального народного училища // Журнал Министерства народного просвещения. – 1878. – № СХСІХ. – С. 25–42.

24. Мещерский И. О сельскохозяйственных занятиях народных учителей // Русский начальный учитель. – 1885. – № 8–9. – С. 379–386.

25. Взаимные отношения крестьян и учителя // Русский начальный учитель. – 1881. – № 2. – С. 126–131.

26. Из записок сельского учителя // Русский начальный учитель. – 1887. – № 10. – С. 421–428.

27. Признаки нового направления в среде учителей // Русский начальный учитель. – 1883. – № 1. – С. 3–6.

28. Религия в деле воспитания и образования // Журнал Министерства народного просвещения. – 1863. – № СХVII. – С. 238–305.

29. О 35-ти летней деятельности Дерптской семинарии для начальных учителей // Журнал Министерства народного просвещения. – 1863. – № СХІХ. – С. 73–89.

30. От редакции // Учитель. – 1861. – № 1. – С. 1–18.

Social Portrait of a Teacher in the National Pedagogical Periodicals of 1860–1880s

Vitaly Yu. Shevelev

Based on the content analysis of Russian pedagogical periodical press, the article examines constituent elements of the teacher's social portrait in the 1860s – 1880s. The author analyzes the "Journal of the Ministry of Public Education", magazines "Teacher", "Russian primary teacher" and "Education and Training". The conducted research revealed that the topic of the teacher's socio-economic position, as well as his personal and professional qualities, was not the most popular in the pedagogical periodical press of the specified period and ranged from 0.32 % to 2.07 % of the total number of articles in certain journals. Based on the data obtained, the main characteristics of the teacher's social portrait of the 60–80s of the 19th century were identified. The most common feature turned out

to be the necessity to know the society and environment in which the teacher had to work. Also, among the most common features of the teacher's social portrait of the designated period there was his meager remuneration, which often did not allow him to provide his family with basic necessities, the teacher's duty to get acquainted with the individual psychophysiological characteristics of the children being taught. This knowledge was necessary for the teacher to organize the educational process more effectively. The least common features were the need for regular self-development and sincere love for children.

Key words: teacher, financial situation, love for children, education, Russian Empire.

For citation: Shevelev, V. Yu. (2023) Social'nyj portret uchitelja v otechestvennoj pedagogičeskoj periodičeskoj pečati 1860–1880-e gody [Social Portrait of a Teacher in the National Pedagogical Periodicals of 1860–1880s]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 69–84. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_4_69. EDN: LSOENK

References

1. Mohnacheva, M. P. (1998) *ZHurnalistika i istoričeskaja nauka: v 2 kn. Kniga 1 ZHurnalistika i istoriografičeskaja tradicija v Rossii 30–70-h gg. XIX v.* [Journalism and Historical Science: in 2 books. Book 1. Journalism and Historiographical tradition in Russia in the 30–70s of the 19th century]. Moscow: Ros. gos. humanit. un-t. (In Russ.)
2. Lepilkina, O. I. (2010) *Sistema russkoj provincial'noj periodičeskoj pečati (XVIII — nachalo XX v.)* [The system of the Russian provincial periodical press (18th — early 20th century)]. Moscow: Ileksa. (In Russ.)
3. Veremenko, V. A. (2008) *Stanovlenie sistemy vysshego sovmestnogo obrazovaniya v Rossii: (vtoraya polovina XIX — nachalo XX v.)* [Formation of the system of higher coeducation in Russia: (the second half of the XIX — the beginning of the XX century)]. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. (In Russ.)
4. Izmest'eva, G. P. (2003) *Klassičeskoe obrazovanie v istorii Rossii XIX veka* [Classical education in the History of Russia of the 19th century]. Moscow: Probel-2000. (In Russ.)
5. Donin, A. N. (2003) *Universitetskie reformy v Rossii: obščestvennaja mysl' i praktika, vtoraya polovina XIX veka* [University Reforms in Russia: Public Thought and Practice, the second half of the 19th century]. Saratov: Sarat. gos. soc.-ekon. un-t. (In Russ.)
6. Utkin, A. V. (2010) *Genezis missii uchitelja v istorii otechestvennogo obrazovaniya XVIII — nachala XX vekov* [The genesis of the teacher's mission in the history of Russian education of the 18th — early 20th centuries] Nizhnij Tagil: Nizhnetagil'skaja gosudarstvennaja social'no-ped. akad. (In Russ.)
7. *Zadacha uchitelja* (1880) [Teacher's task]. *Vospitanie i obučenie* [Education and training]. No. 1. Pp. 1–14. (In Russ.)
8. *Prizvanie uchitelja* (1865) [The vocation of a teacher]. *Uchitel'* [Teacher]. No. 10. Pp. 353–360. (In Russ.)
9. ZHirkov, I. (1886) *Pis'mo k uchiteljam* [Letter to teachers]. *Russkij nachal'nyj učitel'* [Russian primary teacher]. No. 2. Pp. 120–121. (In Russ.)
10. *Materialy dlya ustrojstva narodnyh učilishch* (1861) [Materials for the construction of public schools]. *Uchitel'* [Teacher]. No. 2. Pp. 45–53. (In Russ.)
11. *Usloviya žizni sel'skoj shkoly i eyo uchitelja* (1880) [Living conditions of a rural school and its teacher]. *Russkij nachal'nyj učitel'* [Russian primary teacher]. No. 10. Pp. 26–44. (In Russ.)

12. Suhomlinov, M. (1863) *Zametki ob uchilishchah i narodnom obrazovanii v Yaroslavskoj gubernii* [Notes on schools and public education in Yaroslavl province]. *ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. No. CXVII. Pp. 103–189. (In Russ.)

13. Zolotov, L. (1863) *Issledovaniya gramotnosti po derevnyam* [Literacy studies by village]. *ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. No. CXX. Pp. 156–197. (In Russ.)

14. *Po povodu pisem sel'skih uchitelej* (1881) [About the letters of rural teachers]. *Russkij nachal'nyj uchitel'* [Russian primary teacher]. No. 4. Pp. 236–244. (In Russ.)

15. *Budushchee uchitel'ya narodnoj sel'skoj shkoly* (1889) [The future of the teacher of the people's rural school]. *Russkij nachal'nyj uchitel'* [Russian primary teacher]. No. 8–9. Pp. 160–163. (In Russ.)

16. Zolotov, L. (1863) *Issledovanie krest'yanskoj gramotnosti po derevnyam, preimushchestvenno Tverskoj gubernii i chastichno Moskovskoj* [The study of peasant literacy in villages, mainly in Tver province and partly in Moscow]. *ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. No. CXVIII. Pp. 400–442. (In Russ.)

17. Varencov, V. (1863) *O narodnoj gramotnosti v Samarskoj gubernii* [About folk literacy in Samara province]. *ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. No. CXX. Pp. 37–46. (In Russ.)

18. *Iz praktiki shkol'nogo uchitelya — zemledel'ca* (1885) [From the practice of a school teacher — farmer]. *Russkij nachal'nyj uchitel'* [Russian primary teacher]. No. 2. Pp. 109–116. (In Russ.)

19. *Znachenie pchelovodstva dlya sel'skoj shkoly* (1884) [The importance of beekeeping for rural schools]. *Russkij nachal'nyj uchitel'* [Russian primary teacher]. No. 3. Pp. 137–149. (In Russ.)

20. *Vnutrennee obozrenie* (1863) [Internal review]. *ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. No. CXX. Pp. 6–92. (In Russ.)

21. Redkin, P. (1863) *Sovremennye pedagogicheskie zametki* [Modern pedagogical notes]. *Uchitel'* [Teacher]. No. 3. Pp. 130–143. (In Russ.)

22. Nikolenko, M. (1863) *Spravedливо li obvinyayut hot' skol'ko-nibud' samih uchениkov v ih neuspekhah v naukah?* [Is it fair to blame at least some of the students themselves for their failures in the sciences?]. *Uchitel'* [Teacher]. No. 19. Pp. 889–899. (In Russ.)

23. Ovsyannikov, N. (1878) *K voprosu o revizii nachal'nogo narodnogo uchilishcha* [On the issue of the revision of the primary public school]. *ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. No. CXCIX. Pp. 25–42. (In Russ.)

24. Meshcherskij, I. (1885) *O sel'skohozyajstvennyh zanyatiyah narodnyh uchitelej* [About agricultural classes of folk teachers]. *Russkij nachal'nyj uchitel'* [Russian primary teacher]. No. 8–9. Pp. 379–386. (In Russ.)

25. *Vzaimnye otnosheniya krest'yan i uchitelya* (1881) [Mutual relations of peasants and teachers]. *Russkij nachal'nyj uchitel'* [Russian primary teacher]. No. 2. Pp. 126–131. (In Russ.)

26. *Iz zapisok sel'skogo uchitelya* (1887) [From the notes of a rural teacher]. *Russkij nachal'nyj uchitel'* [Russian primary teacher]. No. 10. Pp. 421–428. (In Russ.)

27. *Priznaki novogo napravleniya v srede uchitelej* (1883) [Signs of a new direction among teachers]. *Russkij nachal'nyj uchitel'* [Russian primary teacher]. No. 1. Pp. 3–6. (In Russ.)

28. *Religiya v dele vospitaniya i obrazovaniya* (1863) [Religion in education and upbringing]. *ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. No. CXVII. Pp. 238–305. (In Russ.)

29. *O 35-ti letnej deyatel'nosti Derptskoj seminarii dlya nachal'nyh uchitelej* (1863) [About the 35-year activity of the Derpt Seminary for primary teachers]. *ZHurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education]. No. CXIX. Pp. 73–89. (In Russ.)

30. *Ot redakcii* (1861) [From the editorial office]. *Uchitel'* [Teacher]. No. 1. Pp. 1–18. (In Russ.)

Об авторе

Шевелёв Виталий Юрьевич, старший преподаватель кафедры истории, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: v.shevelev@lengu.ru; ORCID ID: 0000-0002-2643-8903

About the author

Shevelev Vitaly Yu., Senior Lecturer of the Department of History, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: v.shevelev@lengu.ru; ORCID ID: 0000-0002-2643-8903

*Статья поступила в редакцию 20.07.2023
Одобрена после рецензирования 05.10.2023
Принята к публикации 12.10.2023*

Деятельность детских домов во Владимирской и Ивановской областях в годы Великой Отечественной войны

И. С. Тряхов

Исследование деятельности детских домов в годы Великой Отечественной войны предполагает заполнение научно-исторической лакуны относительно изучаемых регионов и сравнительный анализ ситуации в этой сфере с другими тыловыми регионами. На Владимирскую и Ивановскую области приходилось большое, но не самое значительное количество эвакуированных детей в сравнении с отдельными территориями Урала и Западной Сибири. В работе были использованы материалы региональных архивов, извлечённые преимущественно из партийных фондов. В ходе исследования выявлены динамика изменения численности детских домов и воспитывавшихся в них детей, а также основные проблемы в деятельности этих детских учреждений. Обращается внимание на особое значение администрации, персонала и местных властей для продуктивного функционирования детских домов. Наиболее важными задачами были обеспечение воспитанников детдомов продовольствием и борьба с заболеваниями. Ситуация в решении этих вопросов значительно различалась в разных учреждениях, и решить их окончательно к концу войны не удалось.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, детские дома, повседневность, продовольственная проблема, эвакуация.

Для цитирования: Тряхов И. С. Деятельность детских домов во Владимирской и Ивановской областях в годы Великой Отечественной войны // История повседневности. – 2023. – № 4. – С. 85–105.
DOI: 10.35231/25422375_2023_4_85. EDN: PCBSNJ

Введение

Стремительное наступление вермахта и его союзников в начальный период войны привело к спешной эвакуации части советской промышленности в восточные районы страны, а вместе с ней персонала, отправленного из западных регионов страны заводов и фабрик вместе с их семьями. Блокада Ленинграда германскими и финскими войсками также привела к тому, что руководство СССР эвакуировало из города значительное число граждан, которые не могли помочь обороне города, – дети относились к этой категории в первую очередь. В условиях массовой мобилизации мужчин на фронт и преждевременной смерти жён красноармейцев сиротами оставалось немалое количество ребят. Все перечисленные группы маленьких советских граждан составляли в годы войны основной контингент детских домов. Такие учреждения должны были не только взять на себя заботу о детях, оставшихся без родителей, но и способствовать решению проблемы беспризорности, которая становилась в годы Великой Отечественной войны, как и на заре советской власти, питательной средой для уличной преступности.

Современные историки уделяют значительное внимание проблемам функционирования детских домов в условиях войны [1]. Работы носят преимущественно региональный характер, что позволяет увидеть специфику вопроса в условиях отдельных областей [2–5], краёв и республик [6–14]. Такой исследовательский подход среди прочих причин обусловлен масштабами эвакуации в различные тыловые регионы СССР, которые были неодинаковыми [15–17]. Историки стремятся проследить не только изменения в количестве существующих и открываемых детских домов, но и динамику численности, размещённых там детей [18–20]. В фокус интересов исследователей попадают прежде всего базовые вопросы повседневной жизни детдомов: продовольственная и топливная проблемы, обеспечение учреждений мебелью и различным инвентарём, санитарная обстановка и т. п. [21]. Отдельным аспектом является изучение жизни и деятельности персонала детдомов, их работы по воспитанию детей [22–24]. Вопросы размещения эвакуированных из Ленинграда детей затронуты в коллективной монографии «Побратимы», написанной историками разных регионов под общей редакцией Ю. Кантор [25]. В 1944 г. в СССР

была осуществлена административная реформа, в ходе которой образовалась самостоятельная Владимирская область. Большая часть нового региона была выделена из состава Ивановской области, чему исследователи посвятили отдельные работы [26]. Правда, имеющиеся статьи демонстрируют явный перекокс именно в сторону Ивановской области в современных границах, что подталкивает шире взглянуть на проблему, включая в исследование Владимирскую область.

Целью статьи является анализ деятельности детских домов вышеуказанных областей в годы Великой Отечественной войны. Задачами стало рассмотрение основных проблем в функционировании учреждений и изучение способов их решения.

Для реализации поставленных задач были использованы фонды областных комитетов ВКП(б) Владимирской и Ивановской областей, хранящиеся в государственных архивах регионов. Помимо этого, были изучены документы из фондов городских и районных комитетов партии. Данные материалы вполне информативны и позволяют выявить основные сложности в деятельности детских домов, показывают динамику количества детдомов, а также численное изменение контингента воспитанников. Безусловно, статистика содержит определённые погрешности, на которые обращали внимание местные власти ещё в годы военного лихолетья.

Результаты

До начала войны в РСФСР насчитывалось 1 347 детских домов и домов-интернатов, а контингент детей в них составлял 155 751 чел. [27, с. 32]. В результате 250-процентного роста к 1 января 1943 г. только в системе Наркомпроса имелось 3 000 детских домов с контингентом в 500 тыс. чел. [27, с. 32]. Всего же в СССР к 1943 г. функционировало 4 370 детдомов с общим количеством 688 750 воспитанников [27, с. 33]. На 1 июля 1941 г. в Ивановской области насчитывалось 27 детских домов, в которых находилось 2 196 детей [28, л. 3; 29, л. 282]. По данным переписи 1939 года в регионе проживало 2 649 429 чел¹, – из них детей до 15 лет 978 897. Следующая категория граждан согласно переписи включала лиц от 15 до 19 лет, которых насчитывалось 235 640 чел.

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_1.php (дата обращения: 21.05.2023).

Таким образом, в Ивановской области перед войной было около 1,1 млн несовершеннолетних граждан [29, с. 23]. Эти данные говорят о незначительности проблемы детей-сирот в области до начала Великой Отечественной войны.

Общее количество эвакуированных людей превысило 93 тыс. человек [30, с. 34]. Разумеется, только часть относилась к несовершеннолетним. 1 июля 1943 г. в регионе насчитывалось уже 97 детских домов и пять интернатов, в которых проживало 9975 ребят. Среди общего количества детских домов два представляли собой учреждения санаторного типа для детей с туберкулёзной интоксикацией. Пик увеличения численности детских учреждений в Ивановской области пришёлся на лето 1943 г., когда их количество достигло 103, включая шесть интернатов и отдельных групп, одно учреждение со специальным режимом и интердом. В них размещалось 9 748 человек [31, л. 3].

В связи с потерей Советским Союзом значительных территорий в ходе войны на тыловые регионы выпадала дополнительная нагрузка в вопросе воспитания детей, оставшихся без родителей. Детские дома Ивановской и Владимирской областей пополнялись эвакуированными детьми из Ленинграда, а также Калининской, Смоленской областей и Москвы с целью разгрузки последней. После коренного перелома в войне и по мере освобождения советских территорий численность детей и соответствующих учреждений начала снижаться.

В качестве сравнения можно привести пример Башкирской АССР. Имея население 3 158 969 чел¹, республика приняла более 278 тыс. граждан [32, с. 46]. На 1 января 1945 г. в Башкирии насчитывалось 130 детдомов с контингентом 15,6 тыс. детей, 80 % которых были детьми погибших фронтовиков [32, с. 53]. Чкаловская область к концу 1941 г. приняла свыше 5,5 тысяч детей, которых разместили в детских домах [17, с. 90]. Население этого региона превышало 1,6 млн человек². В Омской области рост контингента детдомов увеличился в несколько раз. В 1944 г. в этих учреждениях находилось более 14 тыс. детей [7, с. 321]. Население этой области несильно уступало рассматриваемым регионам, а потому нетрудно увидеть, что нагрузка

¹ Всесоюзная перепись населения 1939 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_pop_39_1.php (дата обращения: 21.05.2023).

² Там же.

детьми-сиротами в Омской области была сильно выше. Из приведённых примеров заметно, что исследуемый регион принял на себя значительную нагрузку по размещению и воспитанию эвакуированных детей, но в стране имелись административные единицы, задействованные в решении этой проблемы сильнее. Это объясняется, прежде всего, прифронтовым расположением Владимирской и Ивановской областей в 1941 и даже в 1942 гг. Поэтому эвакуация населения на территорию Поволжья, Урала и Сибири была более целесообразной.

Согласно данным Ивановского обкома, детским домам только в 1943 г. было отпущено хлопчатобумажной ткани на 240 тыс. р., на 45 тыс. р. кожаной обуви, на 50 тыс. р. трикотажа и на 22 тыс. р. швейных изделий. Кроме того, детскими домами было получено за период войны 13 т мыла. Изменения численного состава воспитанников детдомов затрудняет подсчёт примерного количества мыла, приходившегося на одного ребёнка. Несмотря на эти трудности, следует предположить нехватку этого важного средства гигиены, что подтверждается, например, отчётами партинструкторов, посещавших детские дома и отмечавших дефицит мыла [33, л. 11]. По линии местной промышленности и промкооперации рассматриваемые детские учреждения получили в 1943 г. 1 400 пар валяной обуви, 1 220 пар кожаной обуви, 250 штук пальто и 750 шапок [33, л. 11].

Учёт детей, не имевших родителей, не был организован должным образом в начальный период войны. Некоторых детей удавалось размещать у опекунов, причём ими могли выступать как близкие родственники, так и посторонние лица. Такие сведения отложились в фонде Ковровского горкома. До 1 ноября 1942 г. было усыновлено 17 ребят. В детские дома попадали не только эвакуированные дети, потерявшие обоих родителей, но и ребята, у которых отцы были на фронте, а матери умерли в военный период. Дети усыновлялись как родственниками, так и «народными отцами» [34, л. 13]. Некоторые дети попадали в города регионов случайно. Так, из детей, случайно попавших в Ковров в 1942 г., домой было отправлено восемь чел., в другие детские приёмники не в самом городе – трое, вслед за эшелонами было направлено 12 чел. [34, л. 13].

На 1 января 1945 г. в Ивановской области насчитывалось 58 детских домов [35, л. 14]. В фонде Ивановского обкома сохра-

нилось дело, посвящённое состоянию детских домов области. В этом деле подшиты докладные записки и справки работников обкома, подготовленные ими в связи с посещением детдомов региона. Так, секретарь Середского райкома Дорошева в записке от марта 1945 г. указывала на обеспеченность детей одеждой и обувью. В 1944 г. один из детских домов района был капитально отремонтирован. Колхозы района снабжали учреждения продовольствием [35, л. 15].

В Иваново в 1945 г. имелось четыре детских дома, в которых воспитывалось 438 ребят. Некоторые из них нуждались в столовой и кухонной посуде. Питание детей отмечалось как неплохое по качеству, но малое по количеству. Детдому № 3 была оказана помощь в топливе и электролампочках [35, л. 25]. В Иваново также существовал интернациональный детский дом, где воспитывались дети иностранных граждан, прежде всего коммунистов, волею судеб оказавшихся в Советском Союзе.

Наиболее остро в годы войны стояла проблема обеспечения продовольствием. Питание было неудовлетворительным, отмечался его недорасход. Вместо 4 р. 50 к., положенных по нормативу, расходовали только 1 р. 86 к. Вместе с тем проверяющий особо отмечал, что продукты для детдома колхозы выделяли в достаточном количестве. Часть воспитателей проживала в здании, т. к. в их квартирах не было дров [33, л. 6].

Для детских домов Ивановского региона решением СНК СССР в 1943 г. было выделено 100 коров, 80 свиней и 8000 цыплят. Помимо этого, от колхозов в порядке шефства было получено 19 лошадей, 16 коров, 37 овец и 34 свиньи. На подсобных хозяйствах, находившихся в распоряжении детских домов региона, было посеяно в 1943 г. 340 га яровых, в том числе 123 га зерновых, 130 га картофеля, 53 га овощей, 34 га кормовых [33, л. 12]. На следующий год детдома засеяли ещё большую площадь подсобных хозяйств – 398 га. Удалось достичь прироста скота на 341 голову. Насчитывалось – 72 лошади, 79 коров и мелкого рогатого скота, 278 свиней, 275 овец и 450 голов птицы [33, л. 25].

Значительное количество детских домов было размещено в Суздале. В документах Суздальского райкома особенно отмечалось, что в детдомах нужно создать такие условия, чтобы «дети чувствовали себя там как в родной семье. Особенно в этом нуждаются дети, пострадавшие от фашистского зверья»

[36, л. 6]. В районе в 1942 г. удалось обеспечить детей сносным питанием, избегать инфекционных заболеваний и добиться регулярного мытья в бане. Питание в местных детдомах происходило три раза в день, но было однообразным. Утром детям давали сладкий чай с хлебом, обед состоял из двух блюд и наличествовал горячий ужин. Не все детские дома имели овощи со своих подсобных хозяйств. Острым был недостаток мяса. Ситуация ухудшилась в апреле 1942 г. из-за израсходования запасов, кроме того, выдавалось мало круп.

В качестве примера проверяющий в отчёте указал детский дом № 3 с контингентом в 60 детей. Из таблицы ниже можно видеть общее количество продуктов и ежедневное количество, приходящееся на воспитанника в день [36; л. 6–7].

Таблица

Обеспечение продуктами воспитанников детского дома № 3
(январь-апрель 1942 г.)

Наименование продуктов	Январь, кг	Февраль, кг	Март, кг	Апрель, кг	Всего, кг	В среднем в день на воспитанника, г
Сахар	27	-	32	32,5	91,5	11,5
Рис	25	-	-	-	25	3,2
Масло слив.	4	-	10	5,5	19,5	2,5
Сельди	7	-	-	-	7	-
Горох	45	38	89	-	163	25,8
Мука пшен.	25	-	90	22	137	17,3
Пряники	10	19	-	7,5	36,5	4,6
Соль	30	-	30	19	79	10
Перл. Крупа	-	13	-	-	13	1,6
Мясо	50	-	-	13	63	8
Греч. крупа	-	-	70	29	99	1,2
Лапша	-	-	60	32	92	-
Сыр	-	-	-	7	7	-
Огурцы	-	-	-	65	65	-
Молоко	-	-	-	75	75	-

С 6 мая 1942 г. норма хлеба была снижена с 600 до 400 г. Меньше стали отпускать круп. Проверяющий посетил подсобные хозяйства ряда детдомов, отметив как наличие скота во всех из них, так и отсутствие профессиональной подготовки персонала в этой сфере [36, л. 8].

Распространены были колхозные детские дома, в которых обычно воспитывалось небольшое количество детей. Так, в начале 1945 г. в Гаврилово-Посадском районе имелось 10 таких детдомов, где жили 150 ребят, родители которых погибли или пропали без вести. Эти учреждения обеспечивались колхозами. В указанном районе положение воспитанников было хорошим, они были обеспечены обувью и имели по пять – шесть смен белья. Согласно информации, поданной партийным инструктором в обком, в день дети получали 600 г хлеба, 0,5 литра молока, 50 г мяса и другие продукты, которые в документе не конкретизированы [37, л. 124].

Остро стоял вопрос с кухонной и столовой посудой, что было типичной проблемой для всего сектора общественного питания. Отмечались случаи, когда при отсутствии чайной посуды воспитанники пили чай из тарелок [38, л. 43]. В одном из детских домов города Иваново было 15 тарелок, а потому завтрак начинали в 9 утра и заканчивали к 12 часам дня, а вскоре уже предстоял обед, который также длился несколько часов [33, л. 5].

В докладных записках в обком торгующие организации обвинялись в недодаче детским домам продуктов, которые им были положены [33, л. 25]. Здесь формальный приоритет детских учреждений не находил отражения на практике. Похожие проблемы испытывали детские сады и ясли. Хотя нарушителей из торгующих организаций партийные органы требовали наказывать, на практике это обычно не реализовывалось.

Основной претензией партийных инструкторов к работе детских домов было распределение продовольствия в частности и решение продовольственной проблемы в учреждениях в целом. Многие из детдомов имели подсобные хозяйства, которые сталкивались с типичными для военных лет проблемами: нехваткой кормов для скотины, отсутствием или малым количеством семян и неподготовленностью сельскохозяйственного инвентаря [38, л. 42].

Пример детского меню встречается в справке муромского партинструктора, который посетил местный детский дом. Так, 2 апреля 1943 г. на завтрак детям дали сладкий чай и 150 г хлеба. На обед был приготовлен картофельный суп, гречневая каша и 100 г хлеба, а на ужин молочный суп с куском хлеба в 150 г. Проверяющий отметил, что обед был невкусным. Суп оказался слишком жидким и без приправы, а кроме воды и картофеля в котёл было положено сало. Вечером была приготовлена жидкая каша-размазня. На следующий день питание, по мнению партинструктора, было лучше. На завтрак дети получили чай, хлеб и сыр, на обед – гороховый суп, который на взгляд проверяющего был приготовлен вкуснее. Кроме того, были даны блинчики с маслом. Ужин состоял из картофельного пюре и стакана молока [38, л. 43]. Несмотря на относительное разнообразие питания, видна его количественная скудость.

Недостатки с питанием, помимо его нехватки, были также связаны с его неудачной организованностью. В том же муромском детдоме хлеб выдавался без завешивания, т. к. на кухне не было весов. При закладке продуктов в котёл присутствовали только дежурные дети, а медсестра и врач питанием не занимались, т. е. не контролировали выдачу и не принимали участия в составлении меню. Попытки медсестры заняться вопросом контроля питания «были встречены в штыки со стороны повара и кладовщика». Повар и кладовщик также конфликтовали друг с другом. Последнего обвиняли в недодачах хлеба [38, л. 44]. Для столовой детского дома характерны были те же недостатки, что и для среднестатистического общепита военной поры. Грязный пол и столовые приборы, отсутствие чайной посуды и ложек. Результатом этого был обед воспитанников в три очереди и питьё чая из тарелок. Ко всему прочему, детский дом ещё и не отапливался [38, л. 43].

Обстановка в детских домах, как правило, зависела от руководства этих учреждений и внимания к ним со стороны местных властей. Согласно докладной записке проверяющего, посетившего ряд детских домов в Юрьев-Польском районе, в Ивановский областной отдел народного образования, картина была противоречивой. Так, в селе Сима были размещены ребята, эвакуированные из блокадного Ленинграда в количестве 119 чел. Трех человек к моменту визита проверяющего передали

на усыновление, 16 человек удалось трудоустроить, а 26 передали в другие детдома. Само учреждение разместили в здании местной больницы, но т. к. для занятий специальных комнат не было, дети занимались в спальнях [33, л. 1]. Выделялись явно положительные моменты в деятельности детдома. Такими стали организация кружков и хорошее питание, в том числе усиленное для ослабленных детей. Отмечалась помощь местного сельского совета и машинно-тракторных станций (МТС). В то же время в здании не было запаса топлива, а санитарное состояние оказывалось неудовлетворительным. Постельные вещи не стирались долгое время. Также указывалось, что можно повысить успеваемость ребят, если всех закрепить за воспитателями [33; л. 2–4]. Не слишком активно детей привлекали к сельскохозяйственным работам.

Хуже была ситуация в детском доме в селе Варварино того же района. Туда также доставили ребят, эвакуированных из Ленинграда в количестве 116 чел. В это число входило 28 детей обслуживающего персонала. К моменту посещения учреждения проверяющим четырёх человек удалось усыновить, а один воспитанник был трудоустроен. Одного передали в воинскую часть без санкции Ивановского Облоно. Среди воспитанников преобладали дошкольники, и лишь 12 были уже учащимися в школе. В заведении не хватало сотрудников, указывалось на слабую требовательность заведующей в отношении коллектива [33, л. 4].

Общее состояние детдома в докладной записке было охарактеризовано так: «Сиротский дом – несчастные дети в нём». Среди недостатков выделялась скученность, грязное постельное бельё и нехватка одежды. У некоторых детей обнаруживались кожные заболевания. Были даже случаи брюшного тифа, повлёкшие «единичные летальные эпизоды от инфекции детей сотрудников». В здании детдома не было уборных, имевшейся баней и прачечной пользоваться было невозможно. т. к. прачка заболела, бельё не стиралось, а мобилизовывать коллектив на стирку не стали. Вся воспитательная работа, по утверждению проверяющего, сводилась к режимным моментам – преимущественно питанию [33, л. 4].

В 1943 г. летними оздоровительными лагерями в регионе было охвачено 4735 воспитанников детских домов, преимущественно из городов и районных центров [33, л. 12]. В Вязниках

в летний период 1943 г. для детей был организован пионерский лагерь и детские площадки.

Детским домам выдавали мануфактуру для самостоятельного пошива белья и верхней одежды для детей. Детские дома сталкивались с недостатком мебели, что было обыденным явлением для всех детских учреждений, а также с нехваткой одеял, вызванной значительным наплывом эвакуированных детей в регион [39, л. 58]. Такие факты отмечались в Вязниках [39, л. 60]. В Вязниковском детском доме питание детей было хорошим, как и их успеваемость, однако слабо был организован досуг. Дети редко посещали кино и проводили вечера самодеятельности [40, л. 58].

Не всегда и не везде воспитанники детских домов были обеспечены обувью и одеждой. В отдельных детских домах персонал, по мнению партийных инстанций, казённо относился к работе, не проявляя должной заботы о детях. В некоторых детдомах не были ликвидированы кожные заболевания [41, л. 10].

В Суздале функционировало семь детдомов, в трёх из которых находились ребята, эвакуированные из Ленинграда. В общей сложности в детдомах города было 606 детей, что было больше, чем местных ребят в детских садах, коих насчитывалось всего 210 человек [42, л. 18].

В Гусь-Хрустальном был только один детский дом, но ему уделялось мало внимания. Отсутствовал прикреплённый врач, а помещение было не приспособлено [43, л. 60]. По этому поводу вопросы задавались напрямую первому секретарю обкома Пальцеву, т. к. имеющееся здание не соответствовало имевшемуся контингенту детей [44, л. 3]. Огромные трудности имелись со снабжением продовольствием. Нормы не выдерживались, а полагавшийся детям шоколад не доставляли с объяснением, что его съели мыши. Из-за отсутствия тары у местного торгового предприятия детдом недополучал сахарный песок. Заведующий детским учреждением жаловался на то, что торговцы переложил свои обязанности на них. Начальник местного НКГБ подтвердил на пленуме местного горкома проблемы с обеспечением детей питанием [43, л. 60]. Как видно, города региона сталкивались со сложностями в функционировании детских домов по-разному, т. к. распределение детей, оставшихся без родителей, было по Владимирской и Ивановской области неравномерным.

Варваринский детдом отличался в худшую сторону. Причиной этого было отсутствие у воспитателей специального образования и нежелание персонала повышать квалификацию [33, л. 7]. Проверяющий предложил сделать взыскание руководителю детдома и сократить отдельных воспитателей как несоответствующих своему назначению [33, л. 8].

Самым неприятным эпизодом, отмеченным в источниках, являлся случай с заведующей детским домом в Вязниках Розовой, которая в качестве воспитательных мер использовала закрытие в тёмной комнате, физические «внушения» и избивание другими ребятами девочки, которая была уличена в краже вещей, принадлежащих учреждению. При этом также было обнаружено неправомерное расходование шерстяного материала. Заведующую и завхоза с работы в итоге сняли [45, л. 70].

Таким образом, справедлив вывод историка А. Д. Реутовой, которая обращала внимание на роль человеческого фактора. Она отмечает, что важную роль в каждом без исключения детском доме играли сотрудники и директора [26, с. 424]. Именно от их внимания и сочувствия зависели условия жизни детей волею судьбы оказавшихся в детском доме. Такие сложности были в работе Осиповского детского дома в Ковровском районе. Это учреждение, как и многие другие, было эвакуировано из Ленинграда. В переписке Ивановского обкома и областного отдела народного образования обсуждалась рабочая записка по письму секретаря Ковровского райкома Удалова «Об удовлетворении материально-бытовых нужд Осиповского детского дома». Из содержания письма руководителя райкома складывалось впечатление, что в учреждении остро не хватало обуви, одежды и посуды, также отмечалось плохое питание. Посланный проверяющий не подтвердил сведения Удалова, хотя и отметил отдельные недостатки. Так, там не доставало верхней одежды, были перебои со снабжением продуктами и нехватка мебели. Причём весь жёсткий инвентарь (кровати, стулья, столы, вешалки) был заказан на местном райпромкомбинате, но предприятие не исполнило заказ. В Ивановском обкоме посчитали, что секретарь местного райкома не в курсе истинного положения вещей, и он отделался отпиской [33, л. 10].

Очень остро в годы войны стояла топливная проблема. Осенью 1942 г. в детских домах Ивановской области не был создан

запас топлива. Из-за большого количества эвакуированных детей места для их размещения были слабо подготовлены. Воспитанники детдомов в Мстёре, Пучеже, Юже и Палехе вынуждены были спать на полу. В Лухтоновском детдоме Судогодского района не была сложена плита, поэтому пища для детей готовилась на скотном колхозном дворе. А в Мордвиновском детском доме Юрьевецкого района председатель сельпо Наумов сдал плиту этого учреждения в утильсырьё без разрешения сельского совета. Таким образом, эпизоды бюрократической неразберихи и безответственности отдельных руководящих работников случались и в годы войны [46, л. 6].

Важнейшее значение для детских учреждений имело шефство над ними предприятий. Так, муромскому детскому дому помогал завод № 253. К годовщине революции ему было выдано четыре тыс. рублей, отпущено 40 табуреток, 10 тумбочек, 30 электроламп, два оцинкованных бака. Предоставлены средства на ремонт в размере 60 тыс. рублей [38, л. 43]. Детдомам без внимательных шефов было особенно трудно.

Отдельного упоминания заслуживает описание условий, в которых размещались некоторые детские учреждения. Детский дом «Малютка», эвакуированный из Ленинграда, был размещён в здании школы № 11, помещения которого были не приспособлены для него. Отсутствовала кухня, поэтому пища для детей готовилась на фабрике им. Абельман и поступала в детдом с запозданием. Из-за этого режим дня для детей нарушался. Отсутствие кипятильника приводило к тому, что горячая вода привозилась с фабрики. Посуда мылась холодной водой, что негативно влияло на сотрудников. У детского учреждения не было кладовой, овощехранилища и бельевой. Не хватало тёплого белья, одеял, отсутствовала тёплая одежда и обувь. Всё это приводило к подрыву здоровья воспитанников, отмечались заболевания коклюшем, чесоткой, воспалением лёгких и др. [47, л. 54].

Распространение инфекции коклюша остановить было непросто, т. к. не было отдельного изолятора для заболевших. Осмотр больных детей проводился не слишком тщательно. Хотя по постановлению СНК СССР от 1 сентября 1943 г. за каждым детдомом закреплялся врач и медсестра [48, л. 46], выполнить это решение в полной мере было невозможно из-за дефицита специалистов-медиков.

В начале февраля 1945 г. руководитель Наркомпроса СССР Потёмкин направил региональным руководителям письмо с просьбой лично посетить детские дома в своих регионах и обязать к этому председателей и членов гор/рай/исполкомов и секретарей горкомов и райкомов в день 27-й годовщины Красной армии. В письме указывалось: «Пусть в этот знаменательный день дети, отцы которых находятся на фронте или пали героями в боях за свободу и независимость нашей Родины, почувствуют отеческую заботу о них» [49, л. 8]. Секретарь ивановского обкомпарта Капранов в связи с этим разослал аналогичные требования секретарям райкомов [49, л. 9]. В последующем местные руководители отчитались о своём посещении районных детских домов.

Обсуждение и выводы

Несмотря на приоритет детских учреждений в снабжении и внимании, положение их в военные годы в рассматриваемых регионах было сложным. Огромную роль в обеспечении воспитанников и персонала детских домов играли местные власти, а также хозяйственные структуры. В полной мере наладить бесперебойную работу всех детдомов Владимирской и Ивановской областей не удалось, но при этом имелись учреждения, к работе которых нареканий было немного.

Система детских учреждений столкнулась в период Великой Отечественной войны с типичными для тыла проблемами. Ими являлись нехватка продовольствия и столового инвентаря, минимум досуга для ребят. При этом следует иметь в виду, что местные власти изначально не предполагали, что будет настолько большой приток эвакуированного населения, как вышло в реальности. И хотя исследуемые регионы далеко не рекордсмены по приёму граждан из западной части страны, потребности эвакуированных в полной мере удовлетворить было невозможно, несмотря на прилагаемые усилия. В то же время на известные факты неудовлетворительной работы отдельных детских учреждений местные партийные и советские органы власти обычно реагировали.

Список литературы

1. Федотов В. В. Эвакуированные детские учреждения в Поволжье в годы Великой Отечественной войны // *Материалы Круглого стола «Государство, право и война: историко-теоретические аспекты»*. – Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2015. – С. 76–82.
2. Реутова А. Д. Деятельность детских домов Ивановской области в годы Великой Отечественной войны // *Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XV Международной научной конференции: в 2-х ч. Ч. 2.* – Иваново: Изд-во ИВГУ, 2016. – С. 580–585. EDN: UAXVHT
3. Волокина Л. А. Организация и работа детских домов в Калининской области в 1943 году // *Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность (региональный аспект): сб. материалов международной научной конференции / под общ. ред. В. А. Веремченко.* – СПб.: Культурно-просветительское товарищество. 2018. – С. 450–455. EDN: XPNZHF
4. Волокина Л. А. Детские дома Калининской области в 1943–1945 годах // *Вестник ТвГУ. Серия «История»*. – 2018. – № 3. – С. 24–42. EDN: YNVNII
5. Семенов В. А. Работа детских домов Калининской области в годы Великой Отечественной войны // *Актуальные проблемы исторических исследований: сб. материалов II Всероссийской научно-практической конференции.* – Уфа: Изд-во БГПУ им. М. Акмуллы, 2022. – С. 112–115.
6. Протасова Е. В. Детские дома и интернаты военного времени в Пермской (Молотовской) области // *Научный диалог.* – 2014. – № 8 (32): История. Экономика. Право. – С. 84–104. EDN: SNYWHF
7. Войткевич И. Н. Опыт решения проблемы детской беспризорности на территории Омской области в 1941–1945 года // *Фундаментальные исследования.* – 2013. – № 10. – С. 3211–3214. EDN: RQRYVT
8. Войткевич И. Н. Учебно-воспитательная работа в детских домах и интернатах Томской области в годы Великой Отечественной войны // *Казанская наука.* – 2011. – № 5. – С. 7–10. EDN: ОСВСОВ
9. Захарищева М. А. Эвакуированное военное детство на территории Удмуртии // *Психолого-педагогический поиск.* – 2015. – № 2 (34). – С. 40–48. EDN: UBFKZX
10. Коренюк В. М. Провинциальное детство в 1941–1945 гг. (на материалах Молотовской области) // *Вестник ПГГПУ. Серия № 3. Гуманитарные и общественные науки.* – 2015. – № 3. – С. 72–77. EDN: VNVKIV
11. Тарасова Л. Я. Деятельность детских образовательных учреждений на Алтае в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // *Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями.* – 2011. – № 11–1. – С. 231–233. EDN: ZGNAWX
12. Буряк Е. М., Свистова Н. В. Организация системы функционирования детских домов и специальных учреждений в городе Магнитогорске в годы Великой Отечественной войны // *Гуманитарно-педагогические исследования.* – 2018. – Т. 2. – № 4. – С. 28–35. EDN: YTNYPZ
13. Сабуров Х. М. Детские дома и школы-интернаты республики Таджикистан в годы Великой Отечественной войны // *Великая Отечественная война 1941–1945 гг.: итоги, цена, уроки: сборник научных трудов Международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию Победы.* – М.: ЧУВО «Институт государственного администрирования», 2020. – С. 124–132. EDN: NGZIVP

14. Курбанова Н. У., Бекбоева А. К. Кыргызстан – вторая Родина детей эвакуированных детских учреждений в годы Великой Отечественной войны // Вестник Кыргызского государственного университета им. И. Арабаева. – 2020. – № 4. – С. 91–104. DOI: 10.33514/1694–7851–2020–4–104–109. EDN: RJGESV

15. Меркурьева В. С. Эвакуация детей и детских учреждений в годы Великой Отечественной войны (1941–1942 гг.) // Человек на войне: сб. материалов науч.-практ. конф. / сост. В. А. Носов. – СПб.: СПб ГБУ ДМ «Форпост», 2015. – С. 43–48. EDN: XNGFSX

16. Исаев В. В. Эвакуированные детские учреждения Ленинграда в Алтайском крае в годы Великой Отечественной войны // Город на Неве в истории Алтая: люди и судьбы: монография / отв. ред. И. Н. Никулина. Барнаул: без изд., 2020. С. 92–117. EDN: VONRUD

17. Дорошева О. А. Эвакуированные детские учреждения на Южном Урале в годы Великой Отечественной войны // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. – 2006. – № 11–1. – Т. 3. – С. 90–92. EDN: MTAFWV

18. Снегирева Л. И. Приём и размещение эвакуированных детских учреждений в Западносибирском тылу (1941–1943 годы) // Вестник ТГПУ. – 2018. – № 5 (194). – С. 143–156. EDN: XRMCFN

19. Ляскина Н. В. Деятельность государственных органов и общественных организаций Приморского края по поддержке детских домов (1941–1945 гг.) // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. – Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019. – С. 158–164. EDN: CEPQVB

20. Славко А. А. Детские дома и школы для детей-сирот в России в годы Великой Отечественной войны и послевоенный период // Вестник Чувашского университета. – 2010. – № 1. – С. 79–88. EDN: MBZYUD

21. Мезит Л. Э. Повседневная жизнь эвакуированных ленинградских детских домов в годы Великой Отечественной войны // Манускрипт. – 2021. – Т. 14. – Вып. 9. – С. 1801–1805. EDN: DJIAWS

22. Ложкина В. М. Формирование «нового гражданина» в детских домах Молотовской области в годы Великой Отечественной войны // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 1 (38). – С. 229–233. EDN: PXVBHR

23. Аксютина З. А. Социальное воспитание эвакуированных детей на территории Омской области в годы Великой Отечественной войны // Познание и деятельность: от прошлого к настоящему: материалы III Всероссийской междисциплинарной научной конференции. – Омск: Изд-во ОГПУ, 2020. – С. 3–9. EDN: QAELDI

24. Кожина И. К. Из истории охраны детства в годы Великой Отечественной войны в системе детских домов // Современная психология и педагогика: проблемы и решения: сб. ст. по материалам XXII международной научно-практической конференции. № 5(21). – Новосибирск: СибАК, 2019. – С. 34–39. EDN: UWUMHM

25. Побратимы / отв. ред. Кантор Ю. З. М.: «Политическая энциклопедия», 2019. 951 с.

26. Реутова А. Д. Становление и развитие системы детских домов в период 1918–1945 гг. (на материалах Верхневолжья) // Государство, общество, церковь в истории России XX века: материалы XI Международной научной конференции, Иваново, 15–16 февраля 2012 г.: в 2 ч. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2012. Ч. 2. – С. 424–425.

27. Варехина А. Н. Детские дома на Урале в годы Великой Отечественной войны // Педагогическое образование в России. – 2012. – № 4. – С. 32–39. EDN: PEIZLV

28. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р. 1707. Оп. 3. Д. 99.

29. Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги. Т. 1. М.: Наука, 1992. 256 с.

30. Чучелин Г. А. Во имя спасения отчизны (1941–1945). Владимир: Золотые ворота, 2000. 134 с.

31. ГАИО. Ф. Р. 1707. Оп. 3. Д. 1.

32. Сулейманова Р. Н. Меры по защите детства в годы Великой Отечественной войны: из региональной истории // Историческая и социально-образовательная мысль. – 2021. – Т. 13. – № 3. – С. 46–60. DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-46-60. EDN: GQCUYU

33. ГАИО. Ф. П. 327. Оп. 7. Д. 938.

34. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). Ф. П. 116. Оп. 1. Д. 105.

35. ГАИО. Ф. П. 327. Оп. 7. Д. 1455.

36. ГАВО. Ф. П. 112. Оп. 3. Д. 112.

37. ГАИО. Ф. П. 327. Оп. 7. Д. 1411.

38. ГАВО. Ф. П. 495. Оп. 5. Д. 147.

39. ГАВО. Ф. П. 791. Оп. 1. Д. 97.

40. ГАВО. Ф. П. 791. Оп. 1. Д. 116.

41. ГАВО. Ф. П. 112. Оп. 3. Д. 128.

42. ГАВО. Ф. П. 112. Оп. 3. Д. 146.

43. ГАВО. Ф. П. 118. Оп. 63. Д. 25.

44. ГАВО. Ф. П. 118. Оп. 1. Д. 193.

45. ГАВО. Ф. П. 791. Оп. 63. Д. 25.

46. ГАВО. Ф. П. 118. Оп. 1. Д. 103.

47. ГАВО. Ф. П. 116. Оп. 63. Д. 33.

48. ГАВО. Ф. Р. 1707. Оп. 3. Д. 62.

49. ГАИО. Ф. П. 327. Оп. 7. Д. 1455.

Activities of Orphanages in the Vladimir and Ivanovo Regions During the Great Patriotic War

Ilja S. Tryakhov

The study of the activities of orphanages during the Great Patriotic War aims to fill the scientific and historical gap regarding the studied regions and a comparative analysis of the situation in this area with other rear regions. It should be borne in mind that the Vladimir and Ivanovo regions had a large, but not the most significant, load of evacuated children relative to certain territories of the Urals and Western Siberia. The materials of regional archives, extracted mainly from party funds, were used in the work. The study revealed the regional dynamics in the number of orphanages and children brought up there, as well as the main problems in the activities of these children's institutions. Attention is drawn to the special importance of management, staff and local authorities in the implementation of the orphanages' functioning and differences in this matter. The most important problems were the provision of children's homes with food and the fight against diseases. The situa-

tion in these matters, according to the reports of the party instructors, varied considerably, and it was not possible to achieve universal success even by the end of the war.

Key words: Great Patriotic War, orphanages, everyday life, food problem, evacuation.

For citation: Tryakhov, I. S. (2023) Deyatel'nost' detskikh domov vo Vladimirskoy i Ivanovskoy oblastiakh v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Activities of Orphanages in the Vladimir and Ivanovo Regions During the Great Patriotic War]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 85–105. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_4_85. EDN: PCBSNJ

References

1. Fedotov, V. V. (2015) *Evakuirovannyye detskiye uchrezhdeniya v Povolzh'ye v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Evacuated children's institutions in the Volga region during the Great Patriotic War]. Proceedings of the Round Table "State, Law and War: Historical and Theoretical Aspects". Nizhny Novgorod: UNN. Pp. 76–82. (In Russ.)
2. Reutova, A. D. (2016) *Deyatel'nost' detskikh domov Ivanovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The activities of orphanages in the Ivanovo region during the Great Patriotic War]. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov* [State, society, church in the history of Russia in the 20th – 21st centuries]. Materials of the 15th International scientific conference: in 2 parts. Part 2. Ivanovo: IvGU. Pp. 580–585. (In Russ.)
3. Bolokina, L. A. (2018) *Organizatsiya i rabota detskikh domov v Kalininskoy oblasti v 1943 godu* [Organization and work of orphanages in the Kalinin region in 1943]. *Chastnoye i obshchestvennoye v povsednevnoy zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost' (regional'nyy aspekt)* [Private and public in the daily life of the population of Russia: history and modernity (regional aspect)]. Collection of materials of the international scientific conference. Ed. V. A. Veremenko. St. Petersburg: Cultural and educational partnership. Pp. 450–455. (In Russ.)
4. Bolokina, L. A. (2018) *Detskiye doma Kalininskoy oblasti v 1943–1945 godakh* [Orphan asylums in Kalinin region 1941–1945]. *Vestnik TvGU. Seriya «Istoriya»* [The Bulletin of TSU. Series History]. No. 3. Pp. 24–42. (In Russ.)
5. Semenov, V. A. (2022) *Rabota detskikh domov Kalininskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [The work of orphanages in the Kalinin region during the Great Patriotic War]. *Aktual'nyye problemy istoricheskikh issledovaniy* [Actual problems of historical research]. Collection of materials of the 2nd All-Russian scientific-practical conference. Ufa: BSPU im. M. Akmulla. Pp. 112–115. (In Russ.)
6. Protasova, E. V. (2014) *Detskiye doma i internaty voyennogo vremeni v Permskoy (Molotovskoy) oblasti* [Children's homes and boarding schools in the Perm (Molotov) region]. *Nauchnyy dialog* [Scientific dialogue]. No. 8 (32). Pp. 84–104. (In Russ.)
7. Voytkovich, I. N. (2013) *Opyt resheniya problemy detskoj besprizornosti na territorii Omskoy oblasti v 1941–1945 goda* [The practices of solving the child homelessness problem in Omsk region in 1941–1945]. *Fundamental'nyye issledovaniya* [Fundamental research]. No. 10. Pp. 3211–3214. (In Russ.)
8. Voytkovich, I. N. (2011) *Uchebno-vospitatel'naya rabota v detskikh domakh i internatakh Tomskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Teaching and educational work in orphanages and boarding schools of the Tomsk region during the Great Patriotic War]. *Kazanskaya nauka* [Kazan Science]. No. 5. Pp. 7–10. (In Russ.)
9. Zakharchisheva, M. A. (2015) *Evakuirovannoye voyennoye detstvo na territorii Udmurtii* [The evacuation of children to the Udmurt republic]. *Psikhologo-pedagogicheskiy poisk* [Psychological and pedagogical search]. No. 2 (34). Pp. 40–48. (In Russ.)
10. Korenyuk, V. M. (2015) *Provintsial'noye detstvo v 1941–1945 gg. (na materialakh Molotovskoy oblasti)* [Provincial childhood in 1941–1945 (on the materials of the Molotov region)]. *Vestnik PGGPU. Seriya № 3. Gumanitarnyye i obshchestvennyye nauki* [Bulletin of PSGPU. Series No. 3. Humanities and social sciences]. No. 3. Pp. 72–77. (In Russ.)

11. Tarasova, L. YA. (2011) *Deyatel'nost' detskikh obrazovatel'nykh uchrezhdeniy na Altaye v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1945 gg.)* [Activities of children's educational institutions in Altai during the Great Patriotic War (1941–1945)]. *Aktual'nyye problemy bor'by s prestupleniyami i inymi pravonarusheniyami* [Actual problems of combating crimes and other offenses]. No. 11–1. Pp. 231–233. (In Russ.)

12. Buryak, Ye. M., Svistova, N. V. (2018) *Organizatsiya sistemy funktsionirovaniya detskikh domov i spetsial'nykh uchrezhdeniy v gorode Magnitogorske v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Organization of the system of children's homes and special institutions in Magnitogorsk during the Great Patriotic war]. *Gumanitarno-pedagogicheskiye issledovaniya* [Humanitarian and pedagogical research]. Vol. 2. No. 4. Pp. 28–35. (In Russ.)

13. Saburov, KH. M. (2020) *Detskiye doma i shkoly-internaty respubliki Tadjikistan v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Children's houses and boarding schools of the republic of Tajikistan in the years of the Great Patriotic war]. *Velikaya Otechestvennaya voyna 1941–1945 gg.: itogi, isena, uroki* [The Great Patriotic War of 1941–1945: results, price, lessons]. Proceedings of the International scientific-practical conference, dedicated to the 75th anniversary of the Victory. Moscow: CHUVO «Institut gosudarstvennogo administrirovaniya». Pp. 124–132. (In Russ.)

14. Kurbanova, N. U., Bekboyeva, A. K. (2020) *Kyrgyzstan – vtoraya Rodina detey evakuirovannykh detskikh uchrezhdeniy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Kyrgyzstan as the second Homeland of children of evacuated children's institutions during the Great Patriotic war]. *Vestnik Kyrgyzskogo gosudarstvennogo universiteta im. I. Arabayeva* [Bulletin of the Kyrgyz State University I. Arabaeva]. No. 4. Pp. 91–104. (In Russ.). DOI: 10.33514/1694–7851–2020–4–104–109.

15. Merkur'yeva, V. S. (2015) *Evakuatsiya detey i detskikh uchrezhdeniy v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (1941–1942 gg.)* [Evacuation of children and children's institutions during the Great Patriotic War (1941–1942)]. *Chelovek na voyne* [Man at War]. Collection of materials of the scientific-practical conference. Compiled by Nosov V. A. Saint Petersburg: Forpost. Pp. 43–48. (In Russ.)

16. Isaev, V. V. (2020) *Evakuirovannyye detskiye uchrezhdeniya Leningrada v Altayskom kraye v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Evacuated children's institutions of Leningrad in the Altai Territory during the Great Patriotic War]. *Gorod na Neve v istorii Altaya: lyudi i sud'by: Monografiya / Otv. red. I. N. Nikulina* [City on the Neva in the history of Altai: people and fate: Monograph / Ex. ed. I. N. Nikulin]. Barnaul. Pp. 92–117. (In Russ.)

17. Dorosheva, O. A. (2006) *Evakuirovannyye detskiye uchrezhdeniya na Yuzhnom Urале v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Evacuated children's institutions in the Southern Urals during the Great Patriotic War]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Proceedings of the Orenburg State Agrarian University]. No. 11–1. Vol. 3. Pp. 90–92. (In Russ.)

18. Snegirev, L. I. (2018) *Priyom i razmeshcheniye evakuirovannykh detskikh uchrezhdeniy v Zapadnosibirskom tylu (1941–1943 gody)* [The receiving and housing the evacuated children's institutions in the West Siberian rear]. *Vestnik TGPU* [TSPU Bulletin]. No. 5 (194). Pp. 143–156. DOI: 10.23951/1609–624X-2018–5–143–156 (In Russ.)

19. Lyaskina, N. V. (2019) *Deyatel'nost' gosudarstvennyy organov i obshchestvennykh organizatsiy Primorskogo kraya po podderzhke detskikh domov (1941–1945 gg.)* [Activities of state bodies and public organizations of Primorsky Krai to support orphanages (1941–1945)]. *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva* [Russia and China: history and prospects of cooperation]. Blagoveshchensk: BSPU. Pp. 158–164. (In Russ.)

20. Slavko, A. A. (2010) *Detskiye doma i shkoly dlya detey-sirot v Rossii v gody Velikoy Otechestvennoy voyny i poslevoynenny period* [Orphanages and schools for orphans in Russia during the Great Patriotic War and the post-war period]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta* [Bulletin of the Chuvash University]. No. 1. Pp. 79–88. (In Russ.)

21. Mezit, L. E. (2021) *Povsednevnyaya zhizn' evakuirovannykh leningradskikh detskikh domov v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Everyday Life of Evacuated Leningrad Orphanages during the Great Patriotic War]. *Manuscript* [Manuscript]. Vol. 14. No. 9. Pp. 1801–1805. (In Russ.)

22. Lozhkina, V. M. (2013) *Formirovaniye «novogo grazhdanina» v detskikh domakh Molotovskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Formation of the "new citizen" in the orphanages of the Molotov region during the Great Patriotic War]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education]. No. 1 (38). Pp. 229–233. (In Russ.)

23. Aksyutina, Z. A. (2020) *Sotsial'noye vospitaniye evakuirovannykh detey na territorii Omskoy oblasti v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Social education of evacuated children in the Omsk region during the Great Patriotic War]. *Poznaniye i deyatelnost': ot proshlogo k nastoyashchemu* [Knowledge and activity: from the past to the present]. Materials of the 3rd All-Russian Interdisciplinary Scientific conference. Omsk: OGPU. Pp. 3–9. (In Russ.)

24. Kozhina, I. K. (2019) *Iz istorii okhrany detstva v gody Velikoy Otechestvennoy voyny v sisteme detskikh domov* [From the history of child protection during the Great Patriotic War in the system of orphanages]. *Sovremennaya psikhologiya i pedagogika: problemy i resheniya* [Modern psychology and pedagogy: problems and solutions]. Collection of materials of the 22nd international scientific-practical conference]. Novosibirsk: SibA K. No. 5(21). Pp. 34–39. (In Russ.)

25. *Pobratimyy* [Sister cities]. (2019). Executive ed. Kantor YU.Z. Moscow: "Political Encyclopedia". (In Russ.)

26. Reutova, A. D. (2012) *Stanovleniye i razvitiye sistemy detskikh domov v period 1918–1945 gg. (na materialakh Verkhnevolzh'ya)* [Formation and development of the system of orphanages in the period 1918–1945 (on the materials of the Upper Volga region)]. *Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX veka* [State, Society, Church in the History of Russia in the 20th Century]. Proceedings of the 11th International scientific Conference. Ivanovo: IVU. Part 2. Pp. 425–425. (In Russ.)

27. Varekhina, A. N. (2012) *Detskiye doma na Urale v gody Velikoy Otechestvennoy voyny* [Orphanages in the Urals during the Great Patriotic War]. *Pedagogicheskoye obrazovaniye v Rossii* [Pedagogical Education in Russia]. No. 4. Pp. 32–39. (In Russ.)

28. *Gosudarstvennyy arkhiv Ivanovskoy oblasti (hereinafter – GAI O)* [State Archive of the Ivanovo Region]. F.R. 1707. Op. 3. D. 99.

29. *Vsesoyuznaya perepis' naseleniya 1939 g.: osnovnyye itogi.* [All-Union population census of 1939: main results] (1992). Vol. 1. M.: Nauka. (In Russ.)

30. Chuchelin, G. A. (2000) *Vo imya spaseniya otchizny (1941–1945)* [In the name of saving the Fatherland (1941–1945)]. Vladimir: Zolotyeye vorota. (In Russ.)

31. GAI O. F. R. 1707. Op. 3. D. 1.

32. Suleymanova, R. N. (2021) *Mery po zashchite detstva v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: iz regional'noy istorii* [Child protection measures during the Great patriotic war: from regional history]. *Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl* [Historical and Social-Educational Idea]. Vol. 13. No. 3. Pp. 46–60. (In Russ.). DOI: 10.17748/2075-9908-2021-13-3-46-60.

33. GAI O. F. P. 327. Op. 7. D. 938.

34. *Gosudarstvennyy arkhiv Vladimirskoy oblasti (hereinafter – GAVO)* [State Archive of the Vladimir Region]. F.P. 116. Op. 1. D. 105.

35. GAI O. F. P. 327. Op. 7. D. 1455.

36. GAVO. F. P. 112. Op. 3. D. 112.

37. GAI O. F. P. 327. Op. 7. D. 1411.

38. GAVO. F. P. 495. Op. 5. D. 147.

39. GAVO. F. P. 791. Op. 1. D. 97.

40. GAVO. F. P. 791. Op. 1. D. 116.

41. GAVO. F. P. 112. Op. 3. D. 128.

42. GAVO. F. P. 112. Op. 3. D. 146.

43. GAVO. F. P. 118. Op. 63. D. 25.

44. GAVO. F. P. 118. Op. 1. D. 193.

45. GAVO. F. P. 791. Op. 63. D. 25.

46. GAVO. F. P. 118. Op. 1. D. 103.

47. GAVO. F. P. 116. Op. 63. D. 33.

48. GAVO. F. R. 1707. Op. 3. D. 62.

49. GAI O. F. P. 327. Op. 7. D. 1455.

Об авторе

Тряхов Илья Сергеевич, кандидат исторических наук, доцент, Владимирский государственный университет имени А. Г. и Н. Г. Столетовых, г. Владимир, Российская Федерация; e-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-6488-5205

About the author

Tryakhov Ilya S. Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russian Federation; e-mail: ilja.tryahoff@yandex.ru; ORCID ID: 0000-0001-6488-5205

Статья поступила в редакцию 19.07.2023

Одобрена после рецензирования 11.09.2023

Принята к публикации 18.09.2023

Практики социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в первые послевоенные годы (на примере Сталинградской области)

П. П. Фантров, А. Н. Дубровина

В статье на основе анализа научной литературы и архивных источников дается оценка основным направлениям социального обеспечения детей-сирот, реализуемым специализированными учреждениями Сталинградской области после окончания Великой Отечественной войны. Несмотря на проблемы, связанные с организацией социального обеспечения рассматриваемой категории населения в первые послевоенные годы, местные органы власти, предприятия и общественные организации Сталинградской области помогли детским домам функционировать, но эта помощь была недостаточной в связи с необходимостью восстановления разрушенного войной Сталинграда. Улучшение социального обеспечения детей-сирот и детей, лишенных попечения родителей, требовало значительных финансовых ресурсов, что было затруднительно в условиях послевоенного периода, когда Министерство Просвещения РСФСР также нуждалось в дополнительной материальной помощи. В процессе проведенного исследования установлено, что одной из главных форм организации социального обеспечения являлась шефская помощь, тем не менее, основным источником содержания детских домов все же оставалось собственное подсобное хозяйство. Помимо улучшения материально-технической базы детских домов в Сталинградской области, важными задачами были подготовка воспитанников к самостоятельной жизни и улучшение учебной и внешкольной работы с детьми-сиротами и детьми, которые остались без попечения родителей. Исторический опыт социального обеспечения указанной категории населения в послевоенный период в Сталинградской области не потерял актуальности на сегодняшний день, и на его основе возможна разработка и внедрение эффективных мер по совершенствованию рассматриваемого в статье направления социальной политики.

Ключевые слова: дети-сироты, социальное обеспечение, Великая Отечественная война, Сталинградская область, детские дома, учебно-воспитательная работа, шефская помощь.

Для цитирования: Фантров П. П., Дубровина А. Н. Особенности социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в первые послевоенные годы (на примере Сталинградской области) // История повседневности. – 2023. – № 4. – С. 106–125. DOI: 10.35231/25422375_2023_4_106. EDN: W SXAYS

Введение

Великая Отечественная война принесла Советскому Союзу, как и Сталинградской области, большое количество социальных проблем, среди которых особенно выделялась детская беспризорность, представляя в тот исторический период серьезную угрозу общественной безопасности [1, с. 59]. Реагируя на данную угрозу, советская власть предприняла меры, которые были направлены на решение проблем социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: создание специальных учреждений (детских домов и интернатов), которые должны были обеспечивать детей питанием, одеждой, медицинской помощью и образованием; устройство данной категории детей в приемные семьи. Тем не менее нельзя сказать, что эти социальные меры полностью решили проблему детской беспризорности, так как ресурсы были ограничены, а количество детей, лишившихся своих родителей, было огромным. Полномочия по обеспечению их прав были возложены на органы здравоохранения и народного образования. Не остались в стороне и правоохранительные органы. Милиция занималась учетом беспризорных детей, а органы НКВД осуществляли функции по выявлению и размещению беспризорных детей, включая и сирот, в приемники-распределители с последующим распределением по детским домам [2, с. 58].

Исследование практик социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в первые послевоенные годы является актуальной задачей по ряду причин, указанных ниже.

Во-первых, историческая значимость этой проблемы. Послевоенное время является сложным периодом, когда многие дети, потерявшие своих родителей, оказались без родительской заботы. Изучение практик социального обеспечения этой категории детей позволяет получить полное представление о том, как советское общество справилось с экзистенциальными проблемами и какие меры были разработаны для социального обеспечения слабозащищенной категории детей.

Во-вторых, гуманитарный аспект исследуемой проблемы. Изучение практик социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, помогает понять, как советское государство и общество обеспечивали

адаптацию этой социально незащищенной категории детей. Это важно для возможного применения подходов и методов в современном российском социуме для поддержки детей, лишенных родительской опеки.

В-третьих, стимулирование академических исследований. Изучение практик социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, после окончания Великой Отечественной войны может стимулировать исследования в области социальной политики. Например, развитие новых идей, методов и подходов поможет создать более эффективные системы поддержки рассматриваемой в статье категории детей в современном российском обществе. Анализ успешных и неуспешных практик послевоенного периода позволяет выработать оптимальные стратегии и программы противодействия социальному сиротству в будущем.

Целью исследования является выявление особенностей организации социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Сталинградской области в первые послевоенные годы.

Историографическим основанием исследования выступают идеи В. Г. Бобровникова, Е. В. Ибрагимова, В. С. Меркурьевой, А. М. Нечаевой и других авторов [1–4], занимающихся исследованием проблем социального обеспечения детей-сирот в послевоенный период на территории Сталинградской области.

Результаты

В первые послевоенные годы на территории Сталинградской области, как и в других субъектах СССР, реализовывался ряд основных направлений социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: патронат, материальная поддержка, воспитание и образование.

Роль патроната заключалась в том, чтобы сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, находились под надзором опекунских учреждений или семейного патронажа. Сталинградские специализированные учреждения, предназначенные для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, разрабатывали отдельные программы, предусматривавшие установление опекунов, которые помогали этой категории детей, обеспечивали их сопровождение и патронаж. Взрослые

советские граждане брали на себя ответственность за воспитание одного или нескольких детей, обеспечивая их жильем, пищей, одеждой, а также заменяя им родителей.

Государство предоставляло материальную поддержку для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Это помогало обеспечить их базовые потребности в питании, одежде и учебных материалах.

Дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, получали образование в специальных школах, где создавались условия для их развития и социализации. Во время послевоенного периода было построено множество детских домов, где дети-сироты и дети, оставшиеся без попечения родителей, могли получить кров, питание и образование. В этих учреждениях были распространены программы содействия детям в профессиональном обучении и трудоустройстве.

После окончания Великой Отечественной войны организация социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в большинстве детских учреждений Сталинградской области имела ряд недостатков. В этой связи органы народного образования и комсомольские организации были призваны на помощь в улучшении социального обеспечения детских домов и несли ответственность за осуществление данной программы перед органами власти. Комсомольцы оказали большую помощь при решении проблем организации социального обеспечения рассматриваемой слабозащищенной категории населения. В частности, при их активном участии в детских домах Сталинградской области создавались фонды помощи [3, с. 57], решавшие задачи по социальному обеспечению детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

С целью эффективной реализации социального обеспечения детей-сирот и детей, лишенных родительской опеки, в Сталинградской области были созданы и функционировали различные структуры. Еще в период Великой Отечественной войны был создан отдел, занимающийся защитой прав детей, который структурно входил в Управление детскими домами Наркомпроса РСФСР. После окончания войны в районных и городских отделах народного образования Сталинградской области была учреждена должность инспектора, ответственного за патронирование, опеку и усыновление

детей. Их главной задачей была организация устройства детей-сирот в приемные семьи [4, с. 138].

На территории Сталинградской области своевременно проводился учет детей, лишившихся родителей. Данный вид деятельности осуществлялся сельскими советами, общественными инспекторами по охране детства, которых было 33 человека, районными комиссиями и заведующими школами. Например, в 1949 г. в Кагоновичском районе Сталинградской области (ныне – Суровикинский район Волгоградской области) дважды проводилась проверка условий жизнедеятельности детей, находящихся на патронате, опеке и усыновлении. Все 66 детей-сирот обучались в школе. РайОНО выдало за отчетный период патронированным 6070 р., из них пять чел. побывали бесплатно в летнем оздоровительном лагере [5, л. 45].

В послевоенный период в Урюпинском районе Сталинградской области был утвержден штат общественной инспектуры по охране детства, проведено обследование материально-бытовых условий опекунов всех детей, не имевших родителей. Районные комиссии с помощью профсоюзов и иных общественных организаций предоставляли регулярную материальную помощь детям-сиротам, временно оказавшимся в тяжелых материально-бытовых условиях [6, л. 22].

Одной из приоритетных мер социальной поддержки детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в военный и послевоенный периоды (1941–1953 гг.) являлся поиск их родственников. Нормативно данный вид деятельности был закреплен в Постановлении № 2436 от 21.09.1945 г. Совета народных комиссаров СССР [7, с. 155]. Обязанности по организации поиска родственников детей-сирот возлагались на специальные комиссии районных исполкомов, образованные в 1942 г. Поиском родственников указанной категории населения до 1946 г. занимался НКВД, при котором был образован специальный отдел, а отделы народного образования организовали работу адресных столов, которые предоставляли имеющуюся информацию о местопребывании детей-сирот.

До июня 1941 г. на территории Сталинградской области функционировали 27 детских домов, на попечении которых находилось около 3100 детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, а также 465 детских садов, в которых

воспитывались свыше 22 тыс. детей дошкольного возраста [8, с. 190]. В этих социально-образовательных учреждениях трудовую деятельность осуществляли примерно 4000 педагогов и сотрудников технического персонала. В первые месяцы Великой Отечественной войны в Сталинградскую область было эвакуировано около 8000 детей из более 70 детских домов [9, л. 9]. По состоянию на 1 января 1945 г., когда территория СССР была полностью освобождена от оккупантов, исходя из анализа советских архивных источников, в Сталинградской области функционировали, как и в июне 1941 г., 27 детских домов, среди которых: 12 специальных, рассчитанных на 2290 детей; 15 учреждений общего типа, на попечении которых находилось 2000 детей [10, л. 51].

К концу Великой Отечественной войны на территории Сталинградской области количество детей, оставшихся без попечения родителей, значительно увеличилось, что привело к переполнению детских домов и приемников-распределителей. Стоит отметить, что количество детей, размещенных в детских домах, увеличилось на 38 %, если сравнивать с предвоенным периодом. Данную проблему пытались решить силами правоохранительных органов. Например, при Управлении МВД имелось отделение детских колоний, два детских приемника и 17 детских комнат, при помощи которых беспризорных детей устроивали на воспитание и затем их трудоустроивали.

Таблица 1

Количество детей, прошедших через детские государственные попечительские учреждения Сталинградской области

Год	Количество детей
1947	3540
1948	2041
1949	1566
1950	1103
1951	367

Исходя из данных табл. 1, составленных на основе анализа архивных документов ГАВО и ЦДНИВО, можно констатировать, что к 1951 г. количество детей, оставшихся без попечения родителей, в Сталинградской области уменьшилось в 9,5 раз,

что подтверждает факт успешного выполнения своих функций органами социального обеспечения.

По состоянию на 1 января 1950 г. на территории Сталинградской области функционировал 41 детский дом, воспитанниками которых были 5364 детей. В этот временной период областной отдел народного образования (далее – ОблОНО) провел серьезную работу по наведению порядка в этих учреждениях, в частности, устранив скученность в размещении детей-сирот. Партийная власть способствовала дополнительному строительству жилых домов, в результате чего увеличились койко-места и дети-сироты стали спать на отдельных кроватях [5, л. 23].

Несмотря на улучшение работы по борьбе с детской беспризорностью и безнадзорностью, во многих районах Сталинградской области и прежде всего в областном центре эта работа оставалась неудовлетворительной. ОблОНО не принимал всех мер, чтобы пресекать и предупреждать беспризорность и безнадзорность. Для исправления ситуации Управлением МВД Сталинградской области на регулярной основе проводились совещания начальников детских приемников совместно с представителями Обкома ВКП (б), ОблОНО, Обкома союза работников детских домов, на которых заслушивались доклады начальников приемников-распределителей и намечались практические мероприятия по улучшению их состояния. Например, на совещании подобного рода, проводимом в начале 1947 г., отмечалось, что в первую очередь необходимо было выделить Сталинградскому детскому приемнику новое здание к концу апреля этого года. Подыскивалось помещение для организации детской воспитательной трудовой колонии [5, л. 24]. Опираясь на архивные материалы, можно сказать, что большие трудности в первые послевоенные годы продолжали испытывать детские дома, приемники-распределители и детские комнаты милиции в определении подростков 14–15 лет, так как в ФЗО и ремесленные училища их не принимали по возрасту, а в трудоустройстве отказывали из-за физической недоразвитости и малого роста. Запланированное открытие детских домов в первые послевоенные годы в пяти районах Сталинградской области задерживалось по ряду причин. Именно поэтому воспитанники детских домов зачастую размещались в непригодных помещениях, которые не отвечали санитарно-гигиеническим

требованиям. Антисанитария, низкое качество продуктов, поставляемых в детские дома, плохое отопление жилых помещений – все это свидетельствует о невысоком уровне организации социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в Сталинградской области [11, л. 2].

Площадь функционирующих на территории Сталинградской области детских домов давала возможность нормально разместить в них не более 3000 детей при фактическом их количестве в 5200 чел. Согласно архивным документам, «... в целях размещения всех детей-сирот в детские дома ликвидации скученности детей и осуществления безотказного приема в детские дома детей-сирот областные организации открыли новые детские дома на 500 детей, специальную школу-интернат для глухонемых детей на 100 человек и школу-интернат для умственно-отсталых детей на 100 человек» [11, л. 3].

Большая часть детских домов финансировалась за счет средств местного бюджета. Иногда они получали помощь шефов (завод «Красный Октябрь», фабрика им. Ермана и др.). Однако основным источником содержания детских домов все же оставалось собственное подсобное хозяйство. В это же время начинает практиковаться прием иностранной помощи [12, с. 310]. Помощь детям в детских домах Сталинградской области приходила даже из Америки. Так, в 1946 г. Арчединский детский дом получил вагон американских подарков, в котором помимо одежды содержались продукты питания (сгущенное молоко, конфеты, крупы). Объединение друзей Красного Креста прислало две посылки с подарками для детей-сирот: первая состояла из 12 ящиков, которые доставили в июле 1946 г., а вторая – в количестве 4 ящиков прибыла в ноябре 1946 г. [6, л. 42].

Для продуктивного решения проблем, связанных с организацией социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, были объединены усилия попечительских советов, созданных при детских домах, с исполкомами, районными и городскими комитетами ВКП(б), которые, в свою очередь, создавали предприятия и общественные организации для решения конкретных задач: ремонт зданий детских домов, заготовка дров, восстановление материально-технической базы попечительских учреждений, улучшение качества обучения воспитанников и их дальнейшее

трудоустройство. Каждое предприятие г. Сталинграда имело свой подшефный детский дом и оказывало ему материальную помощь. Существовала крепкая связь между наставниками и детскими домами, которая осуществлялась письменно и через личные встречи. Например, директор Тракторного завода тов. Просви́ров неоднократно оказывал поддержку детским домам, на праздники всегда присылал свои делегации к детям с приветствием и подарками. Часто и дети, оставшиеся без попечения родителей, приезжали на завод, где им устраивали экскурсии, а также они посещали концерты с выступлением художественных коллективов. Шефы всегда тепло принимали детей, приготавливали для них угощения [6, л. 20]. Кроме того, воспитанники детских домов были окружены заботой со стороны офицерского состава Советской Армии.

Таблица 2

Распределение детей дошкольного возраста по учреждениям

г. Сталинграда

Наименование учреждения	Количество детей
Завод 264, детский сад № 11	30
СталГРЭС, детский сад № 14	30
Завод № 91, детский сад № 3	30
Завод им. Ермана, детский сад № 4	30

Предприятия г. Сталинграда оказывали шефскую помощь детям, оставшимся без попечения родителей. Согласно архивным данным ЦДНИВО, отображенным в табл. 2, можно заметить, что детские группы при заводах были открыты на одинаковое количество человек. Шефство над детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, дошкольного возраста взяли Завод 264, СталГРЭС, Завод № 91 и Завод им. Ермана [6, л. 18].

В соответствии с государственным планом в 1953 г. на территории Сталинградской области предполагалось функционирование 38 детских домов с контингентом 3500 человек. По состоянию на 1 июля 1953 г. на территории Сталинградской области функционировало 38 детских домов: 26 специальных детских домов и 12 детских домов общего типа. Контингент этих специализированных учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, составлял 3536 че-

ловек [13, л. 19]. Можно сказать, что на тот период времени органами региональной власти была устранена проблема переполненности детских домов.

Кроме улучшения материально-технической базы детских домов Сталинградской области, актуальной задачей являлись подготовка воспитанников к дальнейшей самостоятельной жизни и совершенствование учебной и внешкольной работы с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей. В данном субъекте РСФСР велась активная деятельность по вовлечению воспитанников детских домов в культурно-досуговые мероприятия.

После завершения Великой Отечественной войны в детских домах Сталинградской области проводилась широкомасштабная учебно-воспитательная работа. Во всех детских домах региона были организованы кружки различной направленности (хоровой, драматический, рукоделие, художественное чтение, изучение истории), которые посещали 5216 воспитанников. ОблОНО, Обкомом ВЛКСМ, ГорОНО определяли мероприятия, проводимые в рамках функционирования этих кружков. Например, по решению бюро Обкома ВКП (б) от 27 марта 1947 года на территории Сталинградской области проводился Всесоюзный конкурс «Юный садовод», а в июле 1947 г. – областная олимпиада художественной самодеятельности. В этих конкурсах принимали участие воспитанники детских домов [6, л. 25].

Учебно-воспитательная работа, проводимая воспитателями детских домов в отношении детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, заключалась в следующем: воспитатели детских домов контролировали успеваемость детей-сирот, оказывали помощь в подготовке домашних заданий. Сами воспитанники детских домов посещали обычные общеобразовательные школы, таким образом, они не были оторваны от других детей, имевших родителей. Для приобщения воспитанников детских домов к труду при государственных специализированных учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитателями детских домов организовывались производственные мастерские и приусадебные хозяйства.

К существенному недостатку в контексте организации воспитательной работы в учреждениях для детей-сирот и детей,

оставшихся без попечения родителей, действующих на территории Сталинградской области, можно отнести повсеместный формализм. Представители руководства указанных социально-образовательных учреждений, а зачастую и воспитатели, формально подходили к исполнению своих должностных обязанностей. Из архивных материалов нам известно, что дисциплина и порядок были организованы следующим образом: «... в Нижнечирском детском доме дети ходили строем в столовую, около столовой они выстраивались в очередь, по команде присаживались за стол, останавливались каждый около своей тарелки и ждали команды воспитателя, а затем начинали кушать». Аналогичная ситуация наблюдалась и в иных учреждениях Сталинградской области, предназначенных для решения проблемы социального сиротства [11, л. 4].

Одной из приоритетных задач детских домов Сталинградской области в контексте организации социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, являлась их подготовка к самостоятельной жизни по достижению ими совершеннолетия. В этой связи приоритетными методами работы с данной категорией населения являлась организация их учебной и внеучебной деятельности. Большинство воспитателей совместно с учителями работали над повышением успеваемости воспитанников детских домов и привитием им трудовых навыков [14, л. 27]. В 1948–1949 уч. г. в детских домах Сталинградской области насчитывалось 5 008 воспитанников, а реально обучалось 4 972. Из 50 школьников, не посещавших занятия, 38 отсутствовали по причине болезни, остальные – по неуважительной причине. Не все воспитанники детских домов успешно усваивали учебный материал. Например, в Арчединском детском доме из 237 чел. успешно занимались 221. На «4» и «5» учились лишь 50 % воспитанников детских домов. Однако в целом с успеваемостью в детских домах Сталинградской области ситуация складывалась неблагоприятно, не было ни одного детского дома со 100-процентной успеваемостью. Основными проблемами детских домов являлись: плохие бытовые условия, нехватка учебников и низкий уровень планомерной воспитательной работы. Все это негативно отражалось на учебе и поведении детей [15, л. 12].

Оценивая профессионально-трудовое обучение детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в специализи-

рованных учреждениях Сталинградской области, можно отметить, что его было проблематично организовать по причине недостатка оснащения мастерских. Более того, в первые послевоенные годы в Гмелинском, Добринском, Матышевском, Солодчинском, Урюпинском и ряде других детских домов региона они вовсе отсутствовали. В тех специализированных детских учреждениях, где мастерские функционировали, зачастую отсутствовало необходимое оборудование, а также инструменты и расходные материалы, что, безусловно, негативно влияло на качество профессионально-трудового обучения их воспитанников [15, л. 13].

В 1951 г. из 5092 воспитанников детских домов окончили обучение в них 1437 человека. По плану Министерства просвещения РСФСР в Сталинградской области было предоставлено 785 мест в системы трудовых резервов, 175 мест для ремесленных училищ Саратовской области. Работники сектора детских домов ОблОНО и управления трудовых резервов провели работу по трудоустройству воспитанников [16, л. 19].

Таблица 3

Учреждения, в которые были трудоустроены воспитанники детских домов Сталинградской области

Учреждение	Количество, чел.
Специальные ремесленные училища	135
Ремесленные и железнодорожные училища	426
Ремесленные училища Саратовской области	103
Ульяновская школа механизации	92

Из приведенной выше табл. 3, составленной на основе анализа архивных источников ЦДНИВО, видно, что более половины воспитанников были трудоустроены в железнодорожные училища, а остальные продолжили обучение в специальных ремесленных училищах Саратовской области и в Ульяновской школе механизации (воспитанники были распределены практически в равном соотношении). Ученики поступали в учебные заведения районов Верхней и Нижней Волги.

В высшие и средние учебные заведения поступило 207 чел., а вернулось к родителям и родственникам 234 чел. Вместе с тем следует отметить, что при прохождении медицинской комиссии

был значительный «отсев» в связи с неудовлетворительным состоянием здоровья: из 644 чел. со слабым здоровьем отчислено 146 чел., из которых 107 – в связи с проблемами со зрением [6, л. 21].

Анализ архивных материалов позволяет заключить, что в детских домах Сталинградской области повсеместно функционировали пионерские организации и работали детские советы. К сожалению, Обком, райкомы ВКП (б) и ОбЛОНО их деятельность оценили неудовлетворительно. Пионеры не демонстрировали высоких показателей в учебе и поведении. В частности, из 3288 пионеров крайне низкая успеваемость была у 297 человек. Так, в Нижнечирском детском доме в результате неудовлетворительной успеваемости лишь 18 детей из 96 воспитанников были приняты в пионеры. Комиссией отдела народного образования Сталинградской области были выявлены факты профессиональной непригодности работающих в этом детском доме пионервожатых, в связи с чем Обком ВЛКСМ в последующем организовывал специальное обучение для новых пионервожатых [15, л. 14].

По результатам мониторинга работы детских домов, проведенного Министерством просвещения РСФСР и ЦК профсоюза работников дошкольных учреждений в период с 25 мая 1947 г., было установлено, что имели место серьезные проблемы социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей в части материально-бытовых условий и качества учебно-воспитательной работы детских домов.

Практически все специализированные учреждения Сталинградской области, предназначенные для решения проблемы социального сиротства, в военные годы испытывали дефицит учебной и художественной литературы. Кроме того, в них отсутствовали оборудованные детские библиотеки [17, с. 46]. Это обусловлено прежде всего тем, что в период Великой Отечественной войны в результате эвакуации учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, их имущество серьезно пострадало или частично было утеряно. В послевоенный период данную ситуацию удалось существенно улучшить, например, с 1 октября 1945 г. в детских домах Сталинградской области появились печатные издания: газеты «Пионерская правда», журналы «Пионер», «Вожатый», «Дружные ребята», «Костер» и «Мурзилка» [18, с. 221]. Во многих детских домах Сталинградской области открылись свои библиотеки,

а общий фонд книг по состоянию на 1 января 1949 г. составил порядка 50 тыс. экземпляров [19, л. 15]. Библиотечные фонды были полностью восстановлены лишь в середине 1950-х гг.

После окончания Великой Отечественной войны актуальной нерешенной проблемой социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, оставалась организация их питания. Исходя из анализа архивных материалов нами установлено, что для решения этой проблемы городская шефская комиссия г. Сталинграда выделила 300 тыс. р. на питание детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в детских столовых, которые были открыты во всех районах г. Сталинграда [20, л. 16].

Неопубликованные источники от 1947 г. свидетельствуют о том, что общественность Сталинградской области тоже принимала непосредственное участие в реализации мер социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. В частности, региональными комсомольскими организациями были собраны и переданы в фонд помощи детям 370 тыс. р. за счет проведения платных концертов и вечеров художественной самодеятельности. На вырученные денежные средства остро нуждавшимся детям-сиротам были приобретены обувь и одежда [6, л. 86].

Несмотря на имевшиеся проблемы по организации социального обеспечения вышеуказанной слабозащищенной категории населения в первые послевоенные годы, местные органы власти, предприятия и общественные организации Сталинградской области оказывали необходимую, но возможно недостаточную помощь в функционировании детских домов. Однако для устранения проблем, связанных с улучшением социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, необходимо было привлечение значительных финансовых средств, что в условиях послевоенного времени было крайне затруднительно, поскольку требовало дополнительное оказание материальной помощи со стороны Министерства Просвещения РСФСР.

Обсуждение и выводы

Сиротство в послевоенный период являлось одной из серьезных социальных проблем, характерной для Сталинградской

области. В данный исторический период для специализированных учреждений Сталинградской области для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, оставалась актуальной проблема эффективной реализации мер социального обеспечения данной слабозащищенной категории населения. Для ее решения региональным органам следовало найти опору среди всех заинтересованных субъектов оказания социальной помощи детям-сиротам и детям, оставшимся без попечения родителей. Совместная деятельность Обкома, городских комитетов ВКП (б) и районных комитетов ВКП (б), ОблОНО, ГорОНО, правоохранительных органов, детских домов, предприятий и общественности, направленная на совершенствование организации социального обеспечения указанной категории населения, дала заметные результаты, обладавшие пролонгированным действием, уменьшила уровень беспризорности и безнадзорности.

В процессе проведенного исследования авторы приходят к следующим выводам:

1. К концу Великой Отечественной войны на территории Сталинградской области количество детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, значительно увеличилось, что привело к переполнению детских домов и приемников-распределителей. Количество детей, размещенных в детских домах Сталинградской области, увеличилось на 38 %, если сравнивать с предвоенным периодом. Данную проблему частично удалось решить с помощью правоохранительных органов.

2. После окончания Великой Отечественной войны на территории Сталинградской области функционировала система социального обеспечения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, основными элементами которой являлись патронаж, проживание и образование в специализированных учреждениях, а также материальная помощь.

3. В процессе проведенного исследования установлено, что одной из эффективных форм организации социального обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, являлась шефская помощь. Многие промышленные предприятия г. Сталинграда принимали на себя обязательства по оказанию шефской помощи региональным детским домам. Это было обусловлено тем, что Великая Отечественная война явилась катализатором распространения детской безнадзор-

ности и беспризорности в Сталинградской области. Ведущие сталинградские промышленные предприятия оказывали помощь в виде предоставления детским домам денежных средств, одежды, продуктов питания и других необходимых вещей. Однако, несмотря на шефскую помощь, финансирования зачастую не хватало, и специализированным детским учреждениям приходилось искать дополнительные средства для обеспечения нужд слабовоспитанной категории детей. Этот исторический факт свидетельствует о том, что послевоенное время было трудным для советского государства и для сталинградцев в частности, поскольку условия жизни были сложными, и нуждающимся в помощи детям-сиротам не всегда удавалось получить достаточную социальную поддержку. Тем не менее шефская помощь предприятий имела свою значимость, помогая сталинградским специализированным детским учреждениям в послевоенные годы обеспечивать основные потребности детей, потерявших своих родителей. Она демонстрирует социальную ответственность и солидарность ведущих сталинградских промышленных предприятий (Сталинградский тракторный завод, Красный Октябрь, СталГРЭС, Завод им. Ермана, Завод № 91, Завод № 264 и пр.) в трудное послевоенное время.

4. Кроме улучшения материально-технической базы детских домов Сталинградской области, актуальной задачей являлись подготовка воспитанников к дальнейшей самостоятельной жизни и совершенствование учебной и внешкольной работы с детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей. Учебно-воспитательная работа, проводимая воспитателями детских домов в отношении данной категории детей, заключалась в следующем: воспитатели детских домов контролировали успеваемость детей-сирот, оказывали помощь в подготовке домашних заданий. Для их приобщения к труду при государственных специализированных учреждениях для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, воспитателями детских домов организовывались производственные мастерские и приусадебные хозяйства.

Список литературы

1. Нечаева А. М. Детская беспризорность – опасное социальное явление // Государство и право. – 2001. – № 6. – С. 57–65.

2. Бобровников В. Г., Дулина Н. В., Игнатова Ю. Е. Беспризорники Сталинграда: вопросы социальной защиты детей в годы великой отечественной войны // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. – 2015. – № 9. – С. 56–62. EDN: UZVHNT

3. Ибрагимов Е. В. Роль детских домов в решении проблемы детской беспризорности и безнадзорности в годы Великой Отечественной войны (на материалах Среднего Поволжья) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – 2011. – № 3. – С. 56–59.

4. Меркурьева В. С. Социальная защита детей-сирот в Сталинградской области в середине 1940–1950-х годах // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2008. – № 5. – С. 137–139.

5. Центр документации новейшей истории Волгоградской области (ЦДНИ-ВО). Ф. 113. Оп. 30. Д. 141.

6. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 24. Д. 86.

7. Крылова Н. Б., Меркурьева В. С. Правовые основы защиты детей в СССР (1941–1943 гг.) // Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2015. – № 4. – С. 153–157. EDN: VBYIAP

8. Меркурьева В. С. Эвакуация детей из прифронтовых районов в годы Великой Отечественной войны (на материалах Сталинградской области) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2018. – № 4. – С. 189–192. EDN: XNGFSX

9. Государственный архив Волгоградской области (ГАВО). Ф.Р-3423. Оп. 1. Д. 165.

10. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 18. Д. 249.

11. ГАВО. Ф.Р-3423. Оп. 1. Д. 271.

12. Меркурьева В. С. Шефская помощь детям-сиротам в Сталинградской области в годы ВОВ // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2015. – № 5. – С. 308–312. EDN: SLGQXT

13. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 42. Д. 330.

14. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 30. Д. 140.

15. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 30. Д. 141.

16. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 34. Д. 141.

17. Кулешов Ю. В. Война глазами детей: очерки, воспоминания, документы. Волгоград: Издатель, 2008. 152 с.

18. Меркурьева В. С. Особенности организации учебно-воспитательной работы в детских домах сталинградской области в 1943–1945 гг. // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2016. – № 3. – С. 219–223. EDN: VYWZHP

19. ЦДНИВО. Ф. 113. Оп. 30. Д. 140.

20. ГАВО. Ф.Р-3423. Оп. 1. Д. 271.

Личный вклад соавторов
Personal co-authors contribution
50/50 %

Welfare Practices of Social Security of Orphans and Children Left Without Parental Care in the First Post-war Years (on the Example of Stalingrad Region)

Pavel P. Fantrov, Anastasia N. Dubrovina

Based on the analysis of scientific literature and archival sources, the authors of the manuscript assess the main directions of social security for orphans, implemented by specialized institutions of Stalingrad region after the end of the Great Patriotic War. Despite the problems associated with the organization of social security for this category of the population in the early post-war years, local authorities, enterprises and public organizations of the Stalingrad region helped orphanages to function, but this assistance was insufficient due to the need to restore the city of Stalingrad destroyed by the war. Improving the social security of orphans and children deprived of parental care required significant financial resources, which was difficult in the post-war period, when the Ministry of Education of RSFSR also needed additional material assistance. In the process of the study, it was found that patronage was one of the main forms of organizing their social security, however, the main source of maintenance of orphanages still remained their own subsidiary farm. In addition to improving the material and technical base of orphanages in Stalingrad region, one of the main tasks was to prepare pupils for independent living and improve educational and out-of-school work with orphans and children left without parental care. The historical experience of social security for this category of the population in the post-war period in Stalingrad region has not lost its relevance today, and on its basis it is possible to develop and implement effective measures to improve the direction of social policy considered in the article.

Key words: orphans, social security, the Great Patriotic War, Stalingrad region, orphanages, educational work, sponsorship.

For citation: Fantrov, P. P., Dubrovina, A. N. (2023) Praktiki social'nogo obespechenija detej-sirot i detej, ostavshihsia bez popechenija roditel'ev, v pervye poslevoennye gody (na primere Stalingradskoj oblasti) [Welfare Practices of Social Security of Orphans and Children Left Without Parental Care in the First Post-war Years (on the Example of Stalingrad Region)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 106–125. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_4_106. EDN: WXSAYS

References

1. Nechaeva, A. M. (2001) *Detskaya besprizornost' – opasnoe social'noe yavlenie* [Child homelessness is a dangerous social phenomenon]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law]. No. 6. Pp. 57–65. (In Russ.)
2. Bobrovnikov, V. G., Dulina, N. V., Ignatova, Yu. E. (2015) *Besprizorniki Stalingrada: voprosy social'noj zashchity detej v gody velikoj otechestvennoj vojny* [Homeless children of Stalingrad: issues of social protection of children during the Great Patriotic War]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Problemy social'no-gumanitarnogo znaniya* [Bulletin of Volgograd State Technical University. Series: Problems of Social and Humanitarian Knowledge]. No. 9. Pp. 56–62. (In Russ.)
3. Ibragimov, E. V. (2011) *Rol' detskikh domov v reshenii problemy detskoj besprizornosti i beznadzornosti v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Srednego Povolzh'ya)* [The role of orphanages in solving the problem of child homelessness and neglect during the Great Patri-

otic War (on the materials of Middle Volga region)]. *Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki* [Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art history. Questions of theory and practice]. No. 3. Pp. 56–59. (In Russ.)

4. Merkurieva, V. S. (2008) *Social'naya zashchita detej-sirot v Stalingsradskoj oblasti v seredine 1940–1950-h godah* [Social protection of orphans in Stalingrad region in the mid-1940s–1950s]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of Saratov State Socio-Economic University]. No. 5. Pp. 137–139. (In Russ.)

5. *Centr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti* (hereinafter – TsDNIVO) [Documentation Center of the Recent History of Volgograd Region]. F. 113. Op. 30. D. 141.

6. TsDNIVO. F. 113. Op. 24. D. 86.

7. Krylova, N. B., Merkurieva, V. S. (2015) *Pravovye osnovy zashchity detej v SSSR (1941–1943 gg.)* [Legal basis for the protection of children in USSR (1941–1943)]. *Vestnik Volgogradskoj akademii MVD Rossii* [Bulletin of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. No. 4. Pp. 153–157. (In Russ.)

8. Merkurieva, V. S. (2018) *Evakuaciya detej iz prifrontovyh rajonov v gody Velikoj Otechestvennoj vojny (na materialah Stalingsradskoj oblasti)* [Evacuation of children from the front-line regions during the Great Patriotic War (on the materials of Stalingrad region)]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State Pedagogical University]. No. 4. Pp. 189–192. (In Russ.)

9. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoj oblasti* (hereinafter – GAVO) [State Archive of Volgograd Region]. F.R.-3423. Op. 1. D. 165.

10. TsDNIVO. F. 113. Op. 18. D. 249.

11. GAVO. F.R-3423. Op. 1. D. 271.

12. Merkurieva, V. S. (2015) *Shefskaya pomoshch' detyam-sirotam v Stalingsradskoj oblasti v gody VOV* [Boss assistance to orphans in Stalingrad region during GPW]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State Pedagogical University]. No. 5. Pp. 308–312. (In Russ.)

13. TsDNIVO. F. 113. Op. 42. D. 330.

14. TsDNIVO. F. 113. Op. 30. D. 140.

15. TsDNIVO. F. 113. Op. 30. D. 141.

16. TsDNIVO. F. 113. Op. 34. D. 141.

17. Kuleshov, Yu. V. (2008) *Pravovye osnovy zashchity detej v SSSR (1941–1943 gg.)* [War through the eyes of children: essays, memoirs, documents]. Volgograd: Publisher, 2008. 152 p. (In Russ.)

18. Merkurieva, V. S. (2016) *Osobennosti organizacii uchebno-vospitatel'noj raboty v detskih domah stalingsradskoj oblasti v 1943–1945 gg.* [Features of the organization of educational work in orphanages in Stalingrad region in 1943–1945]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Bulletin of Volgograd State Pedagogical University]. No. 3. Pp. 219–223. (In Russ.)

19. TsDNIVO. F. 113. Op. 30. D. 140.

20. GAVO. F.R-3423. Op. 1. D. 271.

Об авторах

Фантров Павел Петрович, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры процессуального права и криминалистики, Волгоградский государственный университет, Волгоград, Российская Федерация; e-mail: pavelfantrov@volsu.ru; ORCID ID: 0000-0002-9832-6169

Дубровина Анастасия Николаевна, студентка, Институт права Волгоградского государственного университета, Волгоград, Российская Федерация; e-mail: dubrovina.a.n@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6729-8118

About the authors

Fantrov Pavel P., Candidate of Political Sciences, Senior Lecturer, Department of Procedural Law and Criminalistics, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation; e-mail: pavelfantrov@volsu.ru; ORCID ID: 0000-0002-9832-6169

Dubrovina Anastasia N., Student of Institute of Law, Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation; e-mail: dubrovina.a.n@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-6729-8118

*Статья поступила в редакцию 30.06.2023
Одобрена после рецензирования 24.07.2023
Принята к публикации 14.08.2023*

Путеводители рубежа XIX–XX вв. как исторический источник о повседневной жизни

А. Д. Попова

В статье анализируются путеводители рубежа XIX–XX веков как источник по истории повседневной жизни. Автором показывается, что в этот период путешествия и поездки на курорт становятся довольно распространенной социальной практикой, поэтому путеводители представляют большую группу изданий. В работе проанализирован целый ряд источников: по отдельным направлениям – Крыму и Кавказу, по некоторым городам – Одессе, Киеву, Смоленску. Отмечается, что путеводители по Крыму и Кавказу в большей степени были ориентированы именно на курортников, поэтому содержали информацию об организации жизни отдыхающих, а путеводители по большим городам также представляли общественную и экономическую жизнь города, рассчитывая на тех, кто в город приезжал в том числе с деловыми целями. В статье выделено несколько пластов информации о повседневной жизни, которые представляют путеводители: наличие гостиниц и стоимость проживания в них, купальни, театры и другие досуговые практики. Выявлено, что путеводители не просто демонстрировали повседневную жизнь через информацию, необходимую туристам, но и характеризовали каждодневную жизнь городов: развитие общественного транспорта, системы образования, наличие освещения. Очень важной составляющей этой информации является указание цен на услуги и товары. Делается вывод, что путеводители не просто представляют много ценной и разнообразной информации, но и отражают взаимосвязь повседневной жизни с развитием всей экономической и социальной жизни.

Ключевые слова: исторический источник, путеводитель, курортники, Крым, Кавказ, Одесса, повседневная жизнь.

Для цитирования: Попова А. Д. Путеводители рубежа XIX–XX вв. как исторические источники о повседневной жизни // История повседневности. – 2023. – № 4. – С. 126–144. DOI: 10.35231/25422375_2023_4_126. EDN: XLGQRQ

Введение

Путешествие, то есть кратковременное пребывание вне постоянного места проживания, в современные дни является довольно распространенной социальной практикой. Не только отпуск, но и различные «длинные» выходные (новогодние праздники, 23-е февраля и 8-е марта) становятся поводом для знакомства с новыми местами. Многие путешественники настоящего, как и их предшественники в прошлом, готовятся к поездке, заранее стремясь узнать о новом для себя месте, его достопримечательностях, музеях. И если в наши дни это с легкостью можно сделать с помощью Интернета, то до появления всемирной паутины главным источником информации становились специализированные издания, называемые путеводителями.

Путеводитель как распространённый вид издания появился с возникновением массовой культуры, то есть во второй половине XIX столетия. К концу века путеводители издавались весьма активно. Они рассказывали о самых различных направлениях: о Крыме [1–4], о Кавказе [5, 6], о некоторых городах – Одессе [7], Смоленске [8], Киеве [9]. Большую активность в этом деле проявлял издатель Г. Г. Москвич, который считал, что курортные места нуждаются в рекламе, и сетовал, что Крым недостаточно разрекламирован [10, с. 89]. Многие из этих путеводителей представляли весьма солидное издание на 300, на 500, и то и на 600 страниц и сопровождалось схемами, картами, фотографиями, даже словарями или разговорниками. Информацию они давали весьма разнообразную. Обычно начиналась книга с исторического очерка описываемого края, затем следовала подробная характеристика климата, уже потом шли сведения, необходимые туристу: советы по выбору гостиницы, описание достопримечательностей, способов проведения досуга. Многие содержали тарифы и расписание пароходов и поездов, адреса местных магазинов. Некоторые даже предлагали подробное расписание возможных поездок в разных вариантах: на несколько дней, на неделю, на 20 дней, на месяц.

Подобная активность издателей вполне объяснима. К этому периоду развитие транспортной сети шло быстрыми темпами, многие города уже были связаны железнодорожным сообщением, и поэтому такая социальная практика, как путешествие,

становится доступной многим, даже люди со средним достатком могли себе позволить поездку на курорт для отдыха и лечения. В то же время активно развивающаяся экономическая жизнь увеличивала и число приезжих, которые отправлялись в различные города по делам. Путеводители предлагались за небольшую плату – 50 копеек или 1 рубль, что для издания в 600 страниц с фотографиями и схемами было достаточно дешево. Некоторые вообще раздавались бесплатно. Доходы приносила реклама, которая обильно сопровождала текст издания. Понятно, что желающих заплатить за публикации рекламы своего магазина было достаточно, так как она сразу оказывалась перед глазами целевой аудитории. Представляется интересным проанализировать их содержание с точки зрения ценности как исторического источника о повседневной жизни. Как известно, «исторический источник – это объект, непосредственно отражающий исторический процесс и позволяющий изучать прошлое человеческого общества, то есть все, что создано человеком, а также результаты его взаимодействия с окружающей средой; объекты материальной культуры, памятники письменности, обычаи, обряды» [11, с. 72]. В настоящее время в научной литературе большое внимание обращается на анализ ценности самых разнообразных исторических источников: книги поступлений в Государственную Третьяковскую галерею [12], исповедные ведомости [13], народный фольклор [14], реклама [11]. Однако путеводители пока еще не становились объектом изучения источниковедов, хотя они представляют интерес для историков.

Результаты

Логично, что при составлении путеводителя отбор информации проводился с учетом потребностей путешественников. Однако некоторые авторы считали нужным рассказать и о самом городе, указывая сведения об учебных заведениях и предприятиях. Тем более многие аспекты повседневной жизни, которые важны для путешественника, касаются и коренных обывателей: развитие общественного транспорта, цены на продукты или готовые блюда в точках общепита, наличие лечебных учреждений, развитие городской инфраструктуры. Очень многопланово предстает облик повседневной жизни

Одессы в путеводителе Ю. Сандомирского. На страницах этого издания нашлось место рассказу об учебных заведениях, благотворительных обществах. Авторы представляли Южную Пальмиру как развитый город, в котором есть многие блага цивилизации – водопровод, газовое и электрическое освещение. Правда, оговаривались, что электричество имеется только на нескольких центральных улицах – на Пушкинской, части Полицейской, Маразлиевской, Николаевском бульваре и в Александровском парке. Остальные улицы освещены газовыми фонарями. «Великолепные здания с архитектурными украшениями, шикарные вывески магазинов, обилие публики на улицах, грохот экипажей, приятно удивляет приезжего, особенного провинциального»: не без гордости сообщали авторы путеводителя [7, с. 25]. Население Одессы пользовалось и телефонной связью, которую обеспечивала компания Белля. Путеводитель даже доносит до нас стоимость пользования этой новинкой – 150 рублей в год, замечая при этом, что эта плата слишком большая и мешает расширению сети абонентов.

Издание уделяло большое внимание различным обществам, которые действовали в Одессе и могли повлиять на повседневную жизнь горожан. Например, «Общество по попечению о больных детях» содержало санитарную станцию, которую современным языком можно назвать детским санаторием. Общество взаимного вспомоществования повивальных бабок не просто объединяло женщин этой профессии, но и устроило дежурный пункт для оказания помощи бедным роженицам. Освещены в издании и все одесские учебные заведения с адресами, что особенно интересно – с указанием платы за обучение. Можно узнать, что обучение в приготовительном классе в большинстве гимназиях стоило 50 р. в год, в 1–4 классах – 65 р., в старших классах цена была выше и могла составлять 70–80 рублей в год.

Уделяет много внимания учебным заведениям и путеводитель В. Грачева по Смоленску. Отельный раздел посвящен истории развития образования в городе, излагается история возникновения некоторых учебных заведений, указываются их адреса и даже даны фотографии зданий духовной семинарии и мужской и женской гимназий [8, с. 20]. Однако там нет цен на обучение.

Очень многопланово представлена повседневная жизнь в путеводителе по Киеву М. Богуславского. Кроме объектов, очень необходимых туристу, то есть адресов гостиниц, ресторанов, музеев, издание дает адреса всех государственных учреждений, полный перечень всех учебных заведений, больниц, различных промышленных предприятий, даже список присяжных поверенных, то есть адвокатов, фактически по своему содержанию путеводитель во многом копирует адрес-календарь. Однако развитие инфраструктуры этого города показано в довольно мрачном свете: только Крещатик был покрыт асфальтом, в некоторых местах гранитными кубиками, «все же остальные улицы представляют собой нескончаемый ряд выбоин, кое-где заделанных кругляком» [9, с. 7]. Поэтому прогулка на одноконном извозчике не просто утомительна, она еще и опасна. Город был довольно неопрятным: летом неприятности доставляла пыль, осенью – грязь и лужи, к тому же на улицах было мало зелени, поэтому в зной не хватало тени. Большинство площадей были заняты базарами. Электричеством освещались только центральные улицы до 12 часов ночи. Остальные улицы освещались керосином или газом.

Путеводители по Крыму рутинную жизнь крымских городов представляли более скромно. Обычно они ограничивались перечислением учреждений, учебных заведений, обществ. Так, в путеводителе Безчинского указывалось, что в Симферополе имелись мужская и женская гимназии, реальное училище, духовная семинария, женское епархиальное училище, татарская учительская семинария. Из общественных учреждений были выделены ученая архивная комиссия, отделы русского общества врачей, сельскохозяйственное общество, скаковое общество, общество велосипедистов и другие общества [2, с. 100]. Какие-либо подробности функционирования этих учреждений не отмечались. Однако это же издание достаточно обстоятельно описывало устройство канализации в Ялте, подчеркивая, что оно обеспечивает отсутствие какого-либо неприятного запаха. И также упоминался порядок уборки мусора: все домовладельцы обязаны были вечером выставлять ящик с мусором, который забирала мусорная телега. Очень интересные подробности приведены в этом же издании о работе санитарных служб по профилактике эпидемий инфекционных заболеваний, что для Ялты было осо-

бенно актуально, так как в этот город приезжали страдающие туберкулезом с надеждой на лечебную силу воздуха, пропитанного ароматом крымской сосны. На случай, если излечение все же не наступало, чтобы предметы, окружавшие больного, не становились источником заражения, в Ялте была устроена паровая дезинфекционная камера. В ней обрабатывали одежду, белье, матрасы, ковры. Каждый домовладелец, сдававший комнаты, был обязан ставить в известность полицию и городскую управу о случаях заболевания. В случае смерти больного хозяин должен был сдать вещи, белье умершего на дезинфекцию [2, с. 232].

Однако основное внимание путеводителей было обращено именно на потребности туриста. Поэтому все они в обязательном порядке содержали информацию о гостиницах. Путеводитель по Крыму Г. Москвича описывал целый ряд городов – Симферополь, Севастополь, Бахчисарай, Феодосию. Рассказ о каждом городе начинался с перечня гостиниц. Например, в Симферополе он советовал воспользоваться услугами следующих гостиниц: «Петербургская», «Европейская», «Северная» [1, с. 47]. В Севастополе в качестве наиболее комфортабельных выделены «Кист», «Ветцеля», «Северная». Одесский путеводитель приводил перечень городских гостиниц, деля их на первоклассные и второклассные. К первым относились такие, как «Бристоль», «Гранд-отель», «Крымская», «Парижская», «Франция», «Петербургская», ко вторым – «Америка», «Берлин», «Москва», «Ришелье», «Марсель».

Очень ярко рассказывал о гостиницах Киева путеводитель Богуславского. Он не скрывал, что далеко не каждый отель представлял хороший сервис, что под звучным названием отеля мог скрываться какой-нибудь грязный притон, при этом выделяя несколько первоклассных и второклассных гостиниц. Однако этот путеводитель ценен указанием социальной практики, которая, судя по страницам издания являлась довольно распространенной, но описывалась не в каждом путеводителе. Автор писал, что на вокзалах дежурили представители гостиниц, которые в толпе приезжих выкрикивали названия своих отелей, рекламируя их. Представители наиболее респектабельных гостиниц имели и свой транспорт, чтобы отвезти гостя и его багаж. Например, в Киеве такой сервис предлагали «Европейская» и «Гранд-отель» [9, с. 13].

Ценным является не просто перечень гостиниц, но и указание цен. Богуславский отмечал, что наиболее фешенебельные киевские гостиницы готовы были предоставить номера и свои услуги за цену от 1,5 до 12 р. Г. Г. Москвич, характеризуя услуги крымских гостиниц, указывал, что цены колебались от 75 к. до 3 р., добавляя очень интересную фразу, характеризующую работу гостиничного сервиса тех лет: «Цены за постельное белье отдельно не взимаются» [1, с. 47]. Ю. Сандомирский уделял внимание каждой первоклассной гостинице, указывая цены по отдельности. Проживание в гостинице Одессы «Бристоль» могло стоить от 1,5 р. до 15 р. в сутки. В «Одессе» цены были скромнее: от 75 к. до 3 р. в сутки. Во «Франции» от 1 до 10 р. в сутки [7, с. 17]. Цены на второклассные гостиницы указаны не были.

Естественно, текст путеводителя не дает возможности оценить уровень сервиса в этих заведениях. В мемуарах жителя Петербурга К. Жукова, который посетил Одессу по дороге в Крым, указывалось, что они останавливались в гостинице «Петербургская». У путешественника осталось хорошее впечатление о проживании в этом отеле: «В гостинице кормили нас хорошо, и помещение было порядочное». Автор даже перечислял, что предлагал гостям ресторан этой гостиницы: «Здесь подадут хорошо приготовленные знакомые петербургские блюда или особливые одесские, как, например, морские рыбы: скумбрию на шкоре (особый таган для жаренья) или барбунию, а также баранину во всех видах, – чего нельзя иметь на севере, – баклажаны, приготовленные по-гречески, и прочее» [15, с. 16]. При этом подчеркивается, что «карта не пугает», то есть цены в меню весьма умеренные.

Говоря о таком атрибуте повседневной жизни, как питание, можно отметить, что все путеводители представляли информацию о ресторанах и столовых, указывая стоимость обедов. Например, в Кисловодске можно было питаться в ресторанах и столовых, где предлагали комплексные обеды от 60 к. до 1 р. 20 к. Как правило, путеводители не особо характеризуют качество блюд, но про Бахчисарай были вынуждены написать, что качество гостиницы и еды скромное. Однако еще более категорической оценке подвергся общепит в Сочи. Про этот город путеводитель честно писал, что тут «даже за большие деньги нельзя достать икру и сыр, а часто

обыкновенную провизию, почему все рестораны Сочи как и на всем побережье кормят неважно» [6, с. 476].

Путеводители свидетельствуют об еще одном способе решения квартирного вопроса для путешественника: сдачи жилья внаём. Обычно многие приезжающие на долгий срок останавливались в гостинице только на первое время, пока не подберут себе более дешевый вариант жилья – квартиру. Для удобства приезжающих создавались квартирные бюро, которые имели списки занятых и свободных комнат. За справку клиенты платили 10 к. [2, с. 208]. О справочных бюро для найма квартир упоминал и путеводитель по Кавказу [5, с. 8]. В Путеводители Богуславского отмечалась еще одна важная деталь повседневной жизни: каждый постоялец гостиницы или меблированных комнат был обязан в течении суток вручить свой вид на жительство хозяину, чтобы тот его отнес в полицию. За пропуск никакой платы не взималось [9, с. 177].

Другой важной чертой повседневной жизни является передвижение по городу, это актуально как для местного жителя, так и для туриста. Поэтому все путеводители старались отводить этому сюжету особое внимание. Наиболее распространенным способом передвижения по улицам города была езда на извозчиках. По городам бегали как одноконные, так и двуконные экипажи. Первые могли перевозить только двух взрослых пассажиров, вторые не более четырех [9, с. 153]. Многие путеводители указывали стоимость поездки. Для туриста важно заранее знать тариф за перевозку, чтобы не заплатить лишнее. В Симферополе на вокзал можно было доехать днем за 40 копеек, ночью за 50, в Севастополе такса составляла 50 к. днем и 60 ночью. Извозчики могли отвести и в пригороды Севастополя. Например, в Балаклаву – туда и обратно с простоем в два часа – можно было съездить за три рубля [1, с. 63]. Дополнительная плата могла взиматься за пользование зонтиком во время дождя и за каждую остановку. Путеводители не скрывали от путешественников, что в реальной жизни соблюдение этих тарифов является очень сложным делом. На практике многие предлагающие транспортные услуги пытались завысить цену и сорвать с приезжего, не знакомого с местными расценками, максимально больше. Поэтому давались рекомендации как «осаживать» извозчиков: «Твердо запомнив название гости-

ницы и на всякий случай улицу, смело говорите одноконному извозчику: “Гостиница Россия”, “Версаль” (или какая вам понравилась) – 40 копеек!”. Уверенно произнесенный адрес и сумма внушает извозчику, что вы не новичок и он без всяких разговоров доставит вас по назначению» [9, с. 14].

В Одессе стоимость передвижения на извозчике измерялась временем его использования: за первый час бралась плата от 50 к. до 1 р., за каждый следующий от 20 до 50 к. Цена зависела от места посадки. Если пассажир желал проехаться с максимальным комфортом и выбирал экипаж с резиновыми шинами, то первый час стоил от 80 к. до 1 р. 20 к. Следующие часы стоили от 40 до 75 к. Существовали и твердые тарифы на определенные маршруты. Так, до Большого Фонтана можно было доехать за 1 р. 50 к., до Молдаванки за 35 к. В грязь стоимость поездки повышалась [7, с. 53].

Путеводитель Сандомирского сообщал как путешественнику прошлого, так и современному исследователю, что по Одессе в начале XX в. можно было передвигаться и другими способами. Для тех, кто не мог позволить себе помощь извозчика, к услугам была конка. Как свидетельствует путеводитель в Одессе, в начале XX в. действовали 17 линий конки, на которых проезд стоил 5 к., три линии со стоимостью проезда в 10 к. Кроме того, в этом городе был и такой вид транспорта, как паровой трамвай. Стоимость проезда на этом виде транспорта зависела от продолжительности линии и колебалась от 5 до 20 к. В Севастополе к услугам горожан и гостей города был электрический трамвай, проезд стоил 5 к. Купивший билет на трамвай мог бесплатно проехать на катере на Северную сторону. Про электрический трамвай указывается и в путеводителе по Смоленску, но тайной остается стоимость проезда [8, с. 3]. Довольно подробно расписана трамвайная киевская сеть в соответствующем путеводителе: указаны конечные станции всех линий, стоимость поездки, которая зависела от ее продолжительности – одна ценовая зона стоила 3 копейки.

Крымские путеводители дают информацию еще об одном виде общественного транспорта – яликах. Это небольшие лодки, которые перевозили пассажиров между небольшими поселками, расположенными на берегу моря и стоящими недалеко друг от друга, а также по бухтам Севастополя. Например, из центра

города можно было доехать до Инкермана за 75 к., в Херсонес туда и обратно с часовым простоем – 1 рубль, двухчасовое катание стоило 60 к. [1, с. 63].

Для путешественника по Крыму актуальным был вопрос о передвижении по самому полуострову, так как ко многим известным курортным городам и поселкам – Ялте, Алуште, Гурзуфу – железнодорожного сообщения не существовало, надо было добираться из Севастополя или Симферополя. Одним из способов передвижения были мальпосты, то есть почтовые кареты. Рекламное объявление в путеводителе Г. Москвича по Крыму позволяет узнать детали этого способа перевозки. Рейсы совершали ежедневно с остановками на почтовых станциях. В объявлении указывалось, что повозки крытые, то есть скрывали пассажира от палящего солнца. Правда, как заметил современник, это почти не облегчало дорогу: «Под экипажным балдахином душно, а открыть нельзя, так как солнце жарит немилосердно» [16, с. 29]. Проезд первым классом до Алушты стоил 3 р., вторым – 2 р. 50 к., до Ялты первым классом – 6 р., вторым – 5 р. Каждый пассажир имел право бесплатно провезти полпуда багажа. Путеводитель Безчинского содержит интересную деталь, позволяющую понять отличие в мальпостах первого и второго класса. Пассажиры первого класса сидели лицом к лошади, то есть по движению транспортного средства, а пассажиры второго класса сидели спиной к лошади, то есть против движения [2, с. 93]. Для людей со слабым вестибулярным аппаратом разница могла иметь существенное значение. Это же издание описывало и еще один возможный способ передвижения по полуострову – морской. Из Севастополя в Ялту можно было отправиться пароходом Русского общества, который отходил из Севастополя в час дня и шел до Ялты 5–6 часов. Авторы указывали, что каюты первого и второго класса хорошо обставлены и в хорошую погоду эта поездка должна доставить удовольствие, так как путь проходил вдоль живописного берега [2, с. 203].

Понятно, что путешественника привлекали не только гостиницы и рестораны. Они приезжали ради знакомства с городом, интересного времяпрепровождения. Самый простой и очевидный способ провести время в чужом городе – это прогулки по его улицам, знакомство с достопримечательностями. Поэтому все путеводители описывали улицы, достопримечательности, па-

мятные места, некоторые даже предлагали возможные маршруты прогулок по городу и указывали достопримечательности, на которые следовало обратить внимание. Эти рекомендации порой содержат очень примечательные подробности о повседневной жизни не только отдыхающих, но и местных жителей. Так путеводитель Сандомирского сообщал, что любимым местом отдыха горожан в Одессе являлся Николаевский бульвар (Приморский бульвар сейчас). Там ежедневно, кроме субботы, играл оркестр. Прогуляться под звуки музыки можно было и на Новом бульваре. Местом отдыха являлись и парки, в которых устраивали различные развлечения. Например, в Александровском парке (сейчас парк имени Шевченко). Там были приспособления для детских игр, хотя в Одессе имелось место, специально устроенное для детского отдыха – специальная детская площадка, которая называлась детским садом. В нем были устроены карусели, качели, миниатюрный кегельбан, павильоны для продажи молока, кефира. Вход в этот детский сад был бесплатным по обычным дням и 10 копеек – в воскресенье [7, с. 31]. Специальная детская площадка с приспособлениями для игр и занятиями гимнастикой имела в парке в Железноводске [5, с. 37].

Описывался парк как место отдыха и в путеводителе по Киеву, здесь было уделено внимание Царскому парку, который был взят в аренду купеческим клубом. Администрация клуба превратила парк в живописное место с аллеями и беседкой, из которой открывался живописный вид на Днепр. Днем в парк вход был бесплатный, вечером за вход надо было платить 40 к., но тогда можно было наслаждаться игрой симфонического оркестра [9, с. 82]. Одна площадка сада была отведена под детские игры.

Крымские путеводители в качестве времяпровождения усиленно рекомендовали прогулки не только по городу, но и по окрестностям. Например, путеводитель Безчинского осуждал привычку петербургского света мешать день и ночь, то есть спать до полудня и активно проводить время ночью. Он рекомендовал просыпаться рано утром и быть весь день на ногах, даже чтение книг лучше заменить кратким просмотром газет. Авторы указывали на существование благоустроенных троп для таких прогулок. Многие из них существуют и по сей день (Голицинская тропа и Боткинская тропа) и доставляют удовольствие многим отды-

хающим прошлого и современности [2, с. 49]. Пешие прогулки как лечебное средство активно упоминались и в путеводителях по Кавказу. Эти издания свидетельствуют о наличии в городах Кавказских Минеральных вод обустроенных дорожек с указателями о том, сколько пройдено и сколько осталось. Например, в Железноводске на гору Железная было проложено восемь маршрутов различной сложности [6, с. 148].

Очень многие современные путешественники не только знакомятся с улицами или окрестностями города, но и стремятся посетить местные музеи. О них также говорится в дореволюционных путеводителях. Путеводитель Безчинского свидетельствовал о существовании одного из старейших музеев Севастополя: аквариума с морскими животными. Аквариум был открыт три раза в неделю, но иногородние допускались каждый день [2, с. 140]. В путеводителе по Одессе присутствовало краткое упоминание о музее общества истории и древностей. Интересно, что сведения о нем были помещены даже не в раздел, который называется «Для туриста», а в раздел второй – «Учено-учебный». Читателям только кратко сообщалась история музея, говорилось, что в нем представлена большая нумизматическая коллекция и есть различные греческие и византийские древности. Как показывают воспоминания современников, даже при очном посещении музея не всегда получалось узнать намного больше, практика обучать и включать в его штат специально подготовленных людей – экскурсоводов – только начинала складываться: «В музее мы видели много древностей, но, – как кажется при беглом обозрении, – здесь нет большого порядка. Сторож, показывавший нам музей, не мог объяснить ничего» [15, с. 20].

Путеводитель Г. Москвича уделял внимание музеям больше. Например, у него довольно подробно описан Военно-морской музей в Севастополе – как само здание, так и коллекция экспонатов: «Широкая мраморная лестница из искусственного красного мрамора, оканчивающаяся такими же колоннами и ведет в коридор, а оттуда в главную залу, светлую, с художественными лепными работами и с балконами, откуда открывается чудесный вид на рейд» [1, с. 71]. Также путеводитель содержал важное упоминание, что музей работает ежедневно и его посещение бесплатно, а при музее есть служители, которые дают пояснения посетителям. Правда, на практике выяснялось, что этими служи-

телями часто бывали отставные матросы и качество экскурсий в начале XX века оставляли желать лучшего [17, с. 146]. Путеводитель Грачева по Смоленску также уделил внимание местному музею, указав его время работы. Оно было достаточно скромным: музей работал только два дня в неделю: – в воскресенье и среду с 12 до трех часов дня [8, с. 66]. Зато вход был бесплатный.

Еще одним способом проведения досуга является посещение театра. Путеводитель Ю. Сандомирского с гордостью сообщал, что «в Одессе несколько театров, но одесский городской театр по достоинству заслужил свою славу не только в России, но и за границей. Это роскошное и монументальное сооружение, посвященное сценическому искусству, является красой и гордостью Одессы, ее главной достопримечательностью» [7, с. 46]. Самое главное, что издание давало возможность узнать, насколько было доступным для публики посещение этой гордости: билеты в ложи бельэтажа стоили от 10 до 15 р., в ложи 3-х ярусов от 3 до 4 р. На галерею можно было попасть и за копейки, самые дешевые билеты стоили 15 к. На оперные представления стоимость билетов повышалась. Цены на билеты в другие театры не сообщались, зато есть упоминание о театре для дачников: на 16 станции Большого Фонтана действовал театр, чтобы приехавшие на лето дачники не скучали, но желающие могли уехать в город на последнем рейсе парового трамвая. Цены на билеты в театр подробно расписывал и путеводитель по Киеву. Самый дорогой билет в городской театр стоил 4 р. 50 к., а на задние ряды можно было попасть за 32 копейки. Предлагает провести время в театре и путеводитель по Кавказу, с восторгом описывая театр в Кисловодске: «Театральный зал, роскошно отделанный внутри бархатом, бронзой и лепными работами, рассчитан на 600 зрителей...» [6, с. 190]. При этом издание подчеркивало, что даются драматические, оперные и опереточные представления всегда с хорошим составом исполнителей и с участием гастролеров лучших русских сцен.

В начале XX в. многие жители и гости крупных городов могли себя развлечь посещением «электрического театра», то есть синематографа. Об этом ярко свидетельствует киевский путеводитель, указывая адреса пяти местных кинотеатров.

Конец XIX – начало XX в. отмечается бурным развитием физкультурного движения. Представители всех социальных

слоев проявляли интерес к конькам, лыжам и другим формам активного отдыха. Эта сторона повседневной жизни отражена и в путеводителях. Путеводитель по Одессе сообщал о целом ряде обществ, целью которых являлось развитие физкультуры и спорта. В частности, с 1892 года действовало «Общество содействия физическому воспитанию детей». Оно проводило детские утренники, давало уроки гребли для учащихся учебных заведений. Также мы можем прочесть и о других спортивных обществах. В начале XX в. в Одессе было два яхт-клуба, общество любителей конного спорта, общество велосипедистов, гимнастическое общество [7, с. 96]. Общество велосипедистов регулярно устраивало соревнования, для тренировок зимой был выстроен закрытый манеж. Регулярно проводили гонки и яхт-клубы. Гимнастический клуб объединял не только мужчин, но и женщин. Действовал в Одессе и Крымский горный клуб, благодаря ему ученики одесских гимназий, студенты университета, учителя народных училищ смогли совершить поездку на полуостров и познакомиться с его красотами. Интересно, что к спортивным обществам путеводитель отнес и фотографическое общество.

Вполне логично, что путеводители по местностям и городам, находящимся на море, обращают внимание на такой способ физической активности как купание в море. Об этом удовольствии писали все путеводители по Крыму. Правда, Безчинский представлял это не сколько удовольствием, сколько в качестве лечебной процедуры, дающей сильную нагрузку на организм, поэтому он рекомендовал начинающим купальщикам окунаться в морскую воду не более чем на одну минуту. Пребывание в воде больше 10-ти минут уже представлялось небезопасным для организма. Для погружения в море в курортных городах строили купальни. Именно их описание, указание места расположения, стоимость содержались в описании инфраструктуры практически всех крымских городов. Например, в Севастополе лучшими признавались купальни у Приморского бульвара, пользование ими стоило 10 к. Купальни у Графской пристани были попроще и стоили 5 к. [2, с. 102].

Однако частью повседневной жизни является и криминал. На отдыхе и в крупных городах путешественников всегда подстерегают желающие поживиться за чужой счет. Если сейчас совре-

менному гостю Петербурга нужно быть внимательным с дружелюбными людьми, изображающими исторических персонажей и животных, то в начале XX в. были свои способы обогатиться за счет приезжих. Некоторые путеводители позволяют узнать и об этой стороне жизни. Например, путеводитель Г. Москвича довольно обстоятельно описывал керченский музей, но потом следовало добавление, что в этом городе расцвело искусство подделывания исторических древностей. За 25–30 копеек можно купить якобы «античные» статуэтку, кувшинчик, выполненные с таким искусством, что даже опытный взгляд не всегда различит подделку [1, с. 150]. А вот в путеводителе по Кавказу предупреждалось о другом весьма распространенном мошенничестве: в Кисловодске не стоило соблазняться предложением приобрести за дешевую цену изделия из натуральных камней: «Редкий сезон обходится без обманутых, приобретших поддельные камни за настоящие» [6, с. 172]. Путеводители предупреждали и еще об одной опасности – о карточных шулерах, которые действовали артистично, целую группой, обманывая обеспеченных отдыхающих.

Обсуждение и выводы

Таким образом, путеводители являются достаточно многочисленной группой изданий. Они издавались как по отдельным городам, так и по целым направлениям. В любом случае они содержат много самой разнообразной информации о повседневной жизни общества.

Естественно, что их изучение позволяет получить много информации о развитии туристической инфраструктуры: наличии гостиниц, цен на них, общепите, различных досуговых социальных практиках, например о посещении театров, организации отдыха в парке и на берегу моря. Однако путеводители отражали не просто жизнь с точки зрения туриста, они представляли богатую информацию о повседневной жизни города, о развитии его инфраструктуры. Именно страницы этих изданий позволяют узнать такую информацию об освещении улиц, наличии асфальтированных дорог, развитии общественного транспорта. Эти сведения ярко отражают экономическое развитие страны. В изданиях 1910-х гг. уже часто фигурируют такие новинки городской жизни, как электрическое освещение и электрический трамвай.

Анализируя путеводители как исторический источник, надо учитывать, что составители по-разному подходили к подбору информации в различных изданиях. Путеводители по Крыму и Кавказу в большей степени ориентированы на путешественников. Соответственно, они в меньшей степени показывают общественную или деловую жизнь кавказских и крымских городов, зато детально представляют всю необходимую информацию для путешественников, даже дают рекомендации по выбору одежды и обуви для путешествий и экскурсий. А вот путеводители по отдельным городам, Одессе или Киеву прежде всего, показывают, что авторы видели в качестве целевой аудитории не только путешественников и курортников, они содержали много информации об экономической и социальной жизни города: наличии учебных заведений с указанием адресов, больниц, промышленных предприятий. Возможно, рисовался образ читателя, который не просто путешествует, но и выбирает город для места жительства, поиска деловых партнеров. Поэтому ему нужно подумать о возможных рынках сбыта своей продукции, учебных заведениях для детей, развлечениях для себя и членов семьи.

Анализ путеводителей как исторических источников может быть полезен исследователю при изучении целого ряда тем. Естественно, большой интерес эта информация будет представлять для историка, изучающего развитие курортного дела и досуговые практики: посещение парков, театров, спортивных мероприятий. Однако возможно их использование и по целому ряду других вопросов. Информация о развитии инфраструктуры городов, наличии освещения и развития транспорта очень актуальна при разработке проблем, связанных с изучением особенностей функционирования городского хозяйства, технической повседневностью российских городов в начале XX в. Для специалистов, изучающих развитие системы образования или общественного движения, путеводители также представляют достаточно интересную информацию. Особо ценным является указание цен за обучение в гимназиях, проезд на общественном транспорте, проживание в гостиницах. Это позволяет делать вывод о доступности тех или иных товаров и услуг, что является важным составляющим социальной истории. То есть путеводители, с одной стороны, представляют доволь-

но яркую картину повседневной жизни, с другой стороны, их изучение лишней раз подчеркивает и особенность изучения самой повседневности: «...повседневность не замкнутая система, а содержит подвижные и проницаемые границы на основе взаимосвязи экономикой, политикой, культурой» [18, с. 51].

Список литературы

1. Москвич Г. Г. Практический путеводитель по Крыму. Одесса: Г. Г. Москвич, 1896. 500 с.
2. Безчинский А. Путеводитель по Крыму. М.: Т-во И. Н. Кушнерев и К, 1904. 466 с.
3. Новейший путеводитель по Крыму на 1912. Евпатория, 1912. 160 с.
4. Практический путеводитель по Крыму. Ялта: Изд. Анны Москвич, 1889. 287 с.
5. Путеводитель-справочник по Кавказским минеральным водам. М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1908. 120 с.
6. Москвич Г. Г. Иллюстрированный практический путеводитель по Кавказу. М.: б. и., 1913. 498 с.
7. Сандомирский Ю. Путеводитель по Одессе. Одесса: Изд. Ю. Сандомирского, 1901. 284 с.
8. Грачев В. И. Иллюстрированный путеводитель по г. Смоленску. Смоленск: Кн. магазин «Север», 1908. 101 с.
9. Богуславский М. Спутник по г. Киеву: иллюстрированный путеводитель по Киеву и его окрестностям: с адресным отделом, фототипическими видами и планом г. Киева. Киев: Тип. «Прогресс», 1908. 241 с.
10. Карагодин А. В. «Сделать не хуже, чем за границей»: курорты Южного берега Крыма в годы Первой мировой войны // Исторический журнал: научные исследования. – 2021. – № 4. – С. 83–105. EDN: GIQSNN
11. Илива М. Н. Реклама как исторический источник // Причерноморье. История, политика, культура. – Серия Б: Новая и новейшая история. – 2020. – № XXX (XIV). – С. 72–76. EDN: UIHOWE
12. Петрова Д. А. Книги поступлений Государственной Третьяковской галереи как исторический источник // Культурологический журнал. – 2019. – № 2. – С. 7. EDN: YHWGOK
13. Федорец А. И. Исповедные ведомости XVIII века как исторический источник (на материалах Москвы) // Историческое обозрение. – 2010. – № 11. – С. 51–58. EDN: UIPNGR
14. Анарбаев К. С. Материалы народного фольклора как исторический источник // QAZAQTANY. – 2020. – № 3. – С. 30–32. EDN: NXMMQO
15. Жуков К. Заметки в пути на южный берег Крыма. СПб.: Печатня В. Головина, 1865. 83 с.
16. Боборыкин М. М. Воспоминания о Крыме. 1897–1920 гг. Симферопль: Нижняя Орианда, 2015. 144 с.
17. Малыгин А. В. Русская ривьера. Симферополь: СОНАТ, 2004. 352 с.

18. Кукоба В. Д. Художественное кино как исторический источник // Проблемы социальных и гуманитарных наук. – Вып. № 1 (30). – 2022. – С. 50–56. EDN: SUFSPV

Guidebooks of the Turn of the 19th – 20th Centuries as a Source of Historical Data on Everyday Life

Anna D. Popova

The article analyzes guidebooks of the turn of the 19th – 20th centuries as sources of historical data on everyday life. The author shows that trips abroad were very common at that time, hence numerous guidebooks were published. The author analyzes a number of guidebooks, such as guides to the Crimea and the Caucasus, guides to Odessa, Kiev, Smolensk. The author underlines that guides to the Crimea and the Caucasus were primarily meant to help holiday-makers who visited resorts and, therefore, contained information that could help tourists. Guidebooks to big cities contained information on the economic and social activities of the cities, since they were meant for those who visited cities with business purposes. The article maintains that guidebooks contain information on hotels, bathhouses, theatres and other leisure activities. The author underlines that guidebooks do not only contain information regarding touristy activities, but also characterize everyday life, speak about public transport, education system, illumination, supply information regarding costs and prices. The article maintains that guidebooks contain a lot of useful and varied information and show the interconnection between everyday activities and economic and social processes.

Key words: historical source, guidebook, holiday-makers, Crimea, Caucasus, Odessa, everyday life.

For citation: Popova, A. D. (2023) Putevoditeli rubezha XIX–XX vekov kak istoricheski istochnik o posvednevnoj zhizni [Guidebooks of the Turn of the 19th – 20th Centuries as a Source of Historical Data on Everyday Life]. *Istoriya posvednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 126–144. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_4_126. EDN: XLGQRQ

References

1. Moskvich, G. G. (1896) *Prakticheskij putevoditel po Krymu* [Practical guide to Crimea]. Odesa: G. G. Moskvich. (In Russ.)
2. Bezchinskij, A. (1904) *Putevoditel po Krymu* [Guide to Crimea]. Moscow: I. N. Kushnerev and K. (In Russ.)
3. *Novejshij putevoditel po Krymu na 1912* (1912) [The latest guide to the Crimea for 1912]. Evpatoriya. (In Russ.)
4. *Prakticheskij putevoditel po Krymu* (1889) [Practical guide to Crimea]. Yalta: ed. Anna Moskvich (In Russ.)
5. *Putevoditel-spravochnik po Kavkazskim mineralnym vodam* (1908) [Guide-reference book on the Caucasian mineral waters]. Moscow: t-vo A. A. Levenson. (In Russ.)
6. Moskvich, G. G. (1913) *Ilyustrirovannyj prakticheskij putevoditel po Kavkazu* [An Illustrated Practical Guide to the Caucasus]. Moscow. (In Russ.)

7. Sandomirskij, Yu. (1901) *Putevoditel po Odesse* [Odessa guide]. Odessa: ed. Yu. Sandomirsky. (In Russ.)
8. Grachev, V. I. (1908) *Illyustrirovannyj putevoditel po g. Smolensku* [Illustrated guide to Smolensk]. Smolensk: "Sever" book store. (In Russ.)
9. Boguslavskij, M. (1908) *Sputnik po g. Kievu: illyustrirovannyj putevoditel po Kievu i ego okrestnostyam: s adresnym otdelom, fototipicheskimi vidami i planom g. Kieva* [Companion to Kiev: an illustrated guide to Kyiv and its environs: with an address section, phototype views and a plan of Kiev]. Kiev: tip. "Progress". (In Russ.)
10. Karagodin, A. V. (2021) «Sdelat ne huzhe, chem za granicej»: kurorty Yuzhnogo berega Kryma v gody Pervoj mirovoj vojny [“To do no worse than abroad”: resorts of the southern coast of Crimea during the First World War]. *Istoricheskij zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical Journal: Scientific Research]. No. 4. Pp. 83–105. (In Russ.)
11. Iliva, M. N. (2020) Reklama kak istoricheskij istochnik [Advertising as a historical source]. *Prichernomore. Istorija, politika, kultura. – Seriya B: Novaya i novejšaya istoriya*. [Black Sea region. History, politics, culture. – Series B: New and recent history]. No. XXX (XIV). Pp. 72–76. (In Russ.)
12. Petrova, D. A. (2019) Knigi postuplenij Gosudarstvennoj Tretyakovskoj galerei kak istoricheskij istochnik [Books of receipts of the State Tretyakov Gallery as a historical source]. *Kulturologicheskij zhurnal* [Culturological journal]. No. 2. P. 7. (In Russ.)
13. Fedorec, A. I. (2010) *Ispovednye vedomosti XVIII veka kak istoricheskij istochnik (na materialah Moskvy)* [Confessional statements of the 18th century as a historical source (on the materials of Moscow)]. *Istoricheskoe obozrenie* [Historical review]. No. 11. Pp. 51–58. (In Russ.)
14. Anarbaev, K. S. (2020) *Materialy narodnogo folklora kak istoricheskij istochnik* [Folklore materials as a historical source]. QAZAQSTAN. No. 3. Pp. 30–32. (In Russ.)
15. Zhukov, K. (1865) *Zametki v puti na yuzhnyj bereg Kryma*. [Notes on the way to the southern coast of Crimea]. Saint Petersburg. (In Russ.)
16. Boborykin, M. M. (2015) *Vospominaniya o Kryme. 1897–1920 gg.* [Memories of Crimea. 1897–1920]. Simferopol: Nizhnyaya Orianda. (In Russ.)
17. Malygin, A. V. (2004) *Russkaya rivera* [Russian Riviera] Simferopol: SONAT. (In Russ.)
18. Kukoba, V. D. (2022) Xudozhestvennoe kino kak istoricheskij istochnik [Feature cinema as a historical source]. *Problemy socialnyx i gumanitarnyx nauk* [Problems of social and human sciences]. Vol. 1 (30). Pp. 50–56. (In Russ.)

Об авторе

Попова Анна Дмитриевна, доктор исторических наук, доцент, профессор, Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация; e-mail: a.d.popova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9524-3886

About the author

Popova Anna D., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor, Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russian Federation; e-mail: a.d.popova@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-9524-3886

*Статья поступила в редакцию 06.05.2023
Одобрена после рецензирования 31.05.2023
Принята к публикации 16.06.2023*

«Кажется, что хоть немножко, а поговорил с тобою, моя дорогая, и с ребятами». Письма Ш. З. Голубкина к жене и детям как исторический источник

Л. А. Болокина

Статья посвящена анализу писем Шмеры Залмановича Голубкина, участника партизанского движения на территории Калининской области в годы Великой Отечественной войны. Подлинники писем хранятся в фондах Тверского центра документации новейшей истории и относятся к периоду 1941–1944 гг. Письма адресованы жене и детям Голубкина, которые были эвакуированы в Алма-Ату. Главной темой переписки была повседневная жизнь семьи. Автор прежде всего интересовался здоровьем, бытовыми условиями существования семьи. Много внимания автор уделял финансовым вопросам ее обеспечения. Разлука с близкими людьми стала очень трудным испытанием для Голубкина, письма же давали ему ощущение участия в жизни жены и детей. Автор постоянно выражал надежду на скорую встречу с семьей. Тексты писем отражают эволюцию настроений Голубкина и оценку сроков окончания войны. В письмах есть сведения о жизни людей в условиях прифронтового региона, формах поведения, способах коммуникаций. Также имеется некоторая информация о партизанском движении и ситуации в оккупированных районах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, военная повседневность, Калининская область, Ржев, партизанское движение, переписка, эвакуация.

Для цитирования: Болокина Л. А. «Кажется, что хоть немножко, а поговорил с тобою, моя дорогая, и с ребятами». Письма Ш. З. Голубкина к жене и детям как исторический источник // История повседневности. – 2023. – № 4. – С. 145–162. DOI: 10.35231/25422375_2023_4_145. EDN: XXXVOO

Введение

Современные отечественные историки проявляют живой интерес к частной переписке советских граждан в годы Великой Отечественной войны. В определенной мере это обусловлено тем, что в советский период потенциал данного вида исторических источников был мало задействован. Прежде всего учеными рассматриваются информационные возможности писем как исторического источника [1; 2]. Г. Н. Белоглазова, А. С. Кузнецов, А. Ю. Иванов выделяют различные типы писем, выявляют их структуру и особенности, анализируют степень достоверности [1; 3; 4]. И. Г. Тажидинова показывает значение переписки фронтовиков с родителями в контексте развития внутрисемейных отношений [5]. Большинство авторов признают ценность писем военных лет как источников личного происхождения. В центре внимания находятся письма с фронта, которые по естественным причинам сохранились в значительно большем количестве. Диссертационное исследование А. Ю. Иванова полностью посвящено изучению писем участников Великой Отечественной войны как исторического источника¹. Именно тексты фронтовых писем в последние десятилетия публиковались в ряде российских регионов, в том числе в Тверской области [6; 7]. Однако сведения о военной повседневности содержат не только письма с фронта. Обращение к переписке других участников и свидетелей событий 1941–1945 гг. позволяет расширить представление о прошедшей войне, в частности, о различных аспектах повседневной действительности, динамике настроений, изменении межличностных взаимоотношений.

Некоторое время назад в Тверском центре документации новейшей истории появился фонд участника партизанского движения в годы Великой Отечественной войны Шмеры Залмановича Голубкина. Он родился в 1905 г. в г. Белом Смоленской губернии, там же окончил девятилетнюю школу и вступил в комсомол, а в 1930 г. стал членом ВКП(б), проживая уже на территории Ржевского района Калининской (ныне Тверской) области. Поработав на самых разных должностях, от волостного ликвидатора безграмотности до секретаря райисполкома,

¹ Иванов А. Ю. Фронтовые письма участников Великой Отечественной войны как исторический источник: (по материалам Татарстана): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2009. 24 с.

к началу Великой Отечественной войны Шмера Залманович занимал пост директора Ржевского горпромпромкомбината. Супругой его стала учительница из Оленинского района Екатерина Семеновна Волкова. В семье подрастали двое детей. Дочери Марксине в 1941 г. исполнилось 12 лет, сыну Эдуарду 5 лет.

В июле 1941 г. Екатерина Семеновна с детьми уехала в Алма-Ату, где они прожили более трех лет, вернувшись в ноябре 1944 г. Несколько недель после их отъезда Голубкин оставался в Ржеве. В октябре, перед появлением немецких войск в городе, вступил в партизанский отряд. В декабре отряд вышел в советский тыл на перегруппирование, и как раз в те дни Шмера Залманович получил ожог спины, из-за которого провел в госпитале около трех недель. В начале 1942 г. он был направлен в освобожденный от оккупации Калинин и работал в статистическом управлении, но уже в апреле вернулся в ряды партизан. В отряде под названием «За родную землю» Голубкин почти сразу стал помощником командира по хозяйственной части, затем политруком взвода и командиром взвода. В сентябре 1942 г. его назначили командиром отряда «За родного М. И. Калинина», в январе 1943 г. комиссаром отряда им. Фрунзе, с марта комиссаром 2-й Калининской партизанской бригады. С мая по август 1944 г. он являлся комиссаром 16-й Калининской партизанской бригады. После освобождения территории Калининской области от оккупантов бригада была расформирована, Голубкин уволен в запас.

Среди прочих материалов, фонд включает подлинники писем Ш. З. Голубкина родным, тексты которых стали объектом анализа в данной публикации. Цель статьи заключается в рассмотрении писем как исторических источников путем изучения и анализа их текстов. Всего фонд содержит 53 письма, написанных в период с августа 1941 г. по август 1944 г. Первые 13 писем относятся к 1941 г., следующие 23 письма к 1942 г., шесть писем к 1943 г. и 11 писем к 1944 г. По информации на штемпеле или в самом тексте можно узнать, что в августе, сентябре и октябре 1941 г. Голубкин писал, находясь в Ржеве или на строительных работах в д. Борисово Ржевского района. Письмо от 25 ноября 1941 г. – первое после выхода из немецкого тыла, где автор не имел возможности посылать письма – было отправлено из Каменского района, в декабре два письма были

написаны в г. Торжке и два в полевом передвижном госпитале, располагавшемся недалеко от Торжка в Митино. Семь писем, датированных январем – апрелем 1942 г., отправлены из Калининна. Направляясь в партизанский отряд весной 1942 г., Голубкин отправлял короткие письма из Бологого, Торопца и Осташкова. Затем последовали письма из д. Кукуй Великолукского района, д. Наварково Куньинского района. В период с октября 1942 г. по август 1944 г. точное местонахождение автора посланий не указывается.

Некоторые письма написаны на тетрадных листах в клетку или линейку, другие на нелинованной бумаге, одно на обороте бланка переписного листа. Часть текстов составлена на почтовых карточках с оплаченным ответом. В большинстве случаев автор использовал чернила, реже карандаш.

Результаты

Все письма, за исключением одного, адресованы жене и детям. Судя по текстам, семья была дружной, оставалась таковой и после долгой разлуки. Любовь к близким Шмера Залманович выражал в ласковых обращениях: жену он чаще называл «Кысеночка», а также «милая Катюша», детей «Марочка» и «Эдинька», «дорогие детки», «ребятушки». Себя же называл «Шмеренок» и «папулька». Некоторое изменение видно в письмах 1944 г.: автор подписывал их «ваш Шмера и папа». Более сухие, чем ранее, выражения, вероятно, отражали безмерную усталость от войны и разлуки с родными людьми.

В большинстве писем автор сначала обращался к супруге, а затем к детям, но 4 апреля 1942 г. сначала написал Маре, Эдику, лишь затем обратился к Екатерине Семеновне. Вероятно, причиной стало сильное беспокойство о здоровье детей, так как Голубкин упомянул письмо дочери, в котором сообщалось о перенесенной ею и братом болезни. Письмо от 25 августа 1943 г. адресовано только жене, детям же отец передал приветы и поцелуи. И вновь, по всей видимости, дело в болезни, но на этот раз в болезни самого Шмеры Залмановича, описанной в тексте. Возможно, он не хотел рассказывать детям подробно о перенесенном заболевании. Полностью обращено к Екатерине Семеновне и письмо от 17 февраля 1944 г. В нем Голубкин сообщил о полученной

награде и присвоении нового звания, разделив с супругой свою радость. В текстах этих посланий особенно отчетливо проявилась любовь к жене и тоска от затянувшейся разлуки.

Как внешние обстоятельства, так и внутреннее состояние Шмеры Залмановича влияли на содержание посланий. К примеру, из-за плохого настроения письмо могло получиться нескладным по его же признанию, а вот в день годовщины с момента эвакуации семьи ему постоянно «хотелось сесть и написать письмо, в котором поделиться своими переживаниями» [8; л. 44, 71]. Нередко автор описывал обстановку, в которой составлял текст – находясь в своей ржевской квартире, где вечером «тихо и одиноко», а когда переставало шипеть радио, тишина становилась совершенно невыносимой; в три часа ночи в Торжке, когда боевые товарищи спали, а он был дневальным и писал письмо; сидя за коптилкой в калининской квартире; поздно вечером в рабочем кабинете в Калининском районе, торопясь уйти домой до полуночи, когда разрешено было хождение по городу; пользуясь остановкой в деревне по пути в партизанский отряд при последней возможности отправить письмо почтой и т. д. [8; л. 10, 13, 21 об., 30, 36 об., 41].

Значение переписки с родными людьми было исключительно велико для Шмеры Залмановича. Во время пребывания в тылу врага ценность писем еще более возрастала: «Ваши письма ободряют меня и возникает снова надежда на то, что рано или поздно мы с вами увидимся, что этот счастливый момент настанет скоро» [8, л. 56]. Весточки из советского тыла ослабляли ежедневное напряжение, в котором находился Голубкин, показывали, что близкие всегда помнят о нем: «Когда получаешь от вас письма, то эта уверенность возрастает многократно и на душе становится легче» [8, л. 58 об.]. Переживая задержку писем, он признавался семье, что «неизвестность очень мучает», что «скучно и тревожно, когда долго от вас нет писем» [8, л. 21, 56 об.].

Шмера Залманович нередко упрекал жену и детей в том, что они задерживали свои ответы, при этом не раз приводил в пример общих знакомых, которые гораздо более регулярно получали весточки от эвакуированных родственников, выражая подобными сравнениями некоторую обиду. Он просил своих семейных писать чаще и подробнее, особенно беспокоился

об их здоровье. Указывая, сколько писем он отправил за определенный срок, не получив в это время ни одного от близких, он призывал их отдать «долги по счетам» и прислать столько же [8, л. 28]. Конечно, Голубкин понимал, что причины отсутствия писем бывали различными, и однажды написал, что ругает «на чем свет стоит начальство, которое проявляет бездушность по вопросу налаживания личной связи своих подчиненных с "большой землей"», предположив, что множество писем просто не могут добраться до него [8, л. 58]. Осознавая, что потеря некоторого количества писем в пути неизбежна, он видел такой выход: «Пишите мне почаще, не обращайтесь на плохую связь, пусть хоть часть писем дойдет до меня, это все же лучше, чем ничего» [8, л. 51]. Сам Голубкин нередко повторял в письмах отрывки из своих предыдущих посланий, полагая, что и его письма не всегда доходили до адресатов. Он не забывал благодарить родных за ответы, признавался, что читает их с радостью и большим удовольствием, несмотря на все трудности, обещал «использовать всякую возможность» для того, чтобы написать семье [8, л. 39 об.].

Шмера Залманович предпринимал немало усилий для налаживания и поддержки регулярной переписки. С этой целью он сначала решил нумеровать письма, в последующем тщательно уточнял адреса, на которые следовало посылать письма. Например, по пути в партизанский отряд весной 1942 г. он попросил к адресу, который сообщил жене ранее – это был адрес Калининского обкома – добавлять следующий условный знак: приписывать «с Калинин». Голубкин предлагал различные способы связи, более надежные или просто возможные в определенный момент. Например, просил отправлять открытки, которые доходят скорее, а 17 декабря 1941 г. он посоветовал жене адресовать письма его родственникам в Москву для последующей пересылки ему, сославшись на то, что газеты из Москвы уже на третий день получают в госпитале. При этом он вовсе не был уверен, что родственники оставались в столице, но надеялся на это. В конце декабря Шмера Залманович назвал жене имя и фамилию женщины, которая покинула его отряд и собиралась получить разрешение на отъезд в Алма-Ату, предложил узнать у родственников этой женщины в Алма-Ате, видимо, общих знакомых Голубкиных, о ее

приезде. При личной встрече она могла рассказать Екатерине Семеновне о жизни ее мужа дополнительные подробности, которые были недопустимы в письмах. В мае 1942 г. он рекомендовал отправлять письма сразу в два адреса, «авось какое-нибудь из них дойдет» а уже в июне рассудил, что надежнее посылать письма через политотдел армии, и лишь иногда отправлять на адрес обкома [8; л. 6, 23, 26, 41, 43]. Стремясь не допустить потери писем из-за военной цензуры, Голубкин предостерегал близких о том, что «писать нужно осторожнее и ничего лишнего. Побольше пишите о себе и поменьше спрашивайте обо мне», одновременно извиняясь, что пишет не столь много о себе, потому что нельзя [8; л. 38, 69].

Из текстов можно понять, какие способы связи использовал сам Голубкин, а значит, и окружавшие его люди. Так, в августе 1941 г. он по совету знакомого поспешил послать письмо в Алма-Ату со школьницей, уезжавшей из Ржева то ли в Уфу то ли в Челябинск, предположив, что таким путем оно дойдет до адресата скорее, чем по почте [8, л. 5 об.]. 10 октября 1941 г. письмо было переправлено «попутчиком через Калинин», так как в Ржеве почта уже не работала [8, л. 17 об.]. Попытка отправить телеграмму из Торжка 10 декабря 1941 г. и получить быстрый телеграфный ответ также не удалась из-за отсутствия телеграфной связи в райцентре Кувшиново и Торжке [8, л. 21].

Именно переписка позволяла Шмере Залмановичу мысленно оставаться вместе со своей семьей на протяжении многих месяцев. Насколько это было важно для него, показывает следующий отрывок из письма: «Ах, как хочется знать и знать регулярно, постоянно, как вы живете, все до мелочей, до деталей. Если нельзя бывать с вами, если нельзя видеть вас, так почему же нельзя иметь регулярную письменную связь и любоваться вами хотя бы по фотографии?» [8, л. 72]. Во многих посланиях автор сравнивал обстоятельства жизни в Алма-Ате и в Калининской области, опираясь на описания родных и собственные знания и наблюдения. Первое подобное сопоставление присутствовало уже в письме от 23 августа 1941 г., когда Голубкин убедился, что семья находится в Алма-Ате. Чаще всего он подчеркивал разницу между климатическими условиями, представляя, что близкие люди греются под южным солнышком, в то время как на калининской земле идут дожди или снег, похолодало,

стоят морозы или метет пурга [8, л. 5, 8 об., 15, 20, 21 об., 32, 62 об.]. Эти сравнительные линии как будто в образной форме отражали различия между течением жизни в тыловом регионе и на прифронтовой территории.

Отличия можно было увидеть и при сравнении работы школ, так как с ними напрямую были связаны жена и дети, а также существовавших цен на продукты и вообще наличия продовольствия, возможностей его приобретения. Узнав от дочери, что цена мяса в Алма-Ате весной 1942 г. составляла 30 р. за кг, Голубкин отметил, что в Калининне она доходила до 180–200 р. за кг. И если на базарах Алма-Аты продавался так называемый коммерческий хлеб, то «в Калининне только паек и все, а на базаре можно достать хлеб только в обмен на махорку или другие товары» [8; л. 31, 33]. Не раз отец мечтательно упоминал о яблоках и помидорах, которые в гораздо большем количестве могли употреблять в пищу эвакуированные члены семьи, радовался, что небольшой огород помогал им улучшить питание.

Несмотря на это, Шмера Залманович тревожился о нехватке продуктов в рационе жены и детей. Однажды, после жалобы супруги на материальные трудности, он посоветовал ей продать все, в том числе его костюм, и воспользоваться средствами со сберкнижки, посчитав, что «хотя деньги эти и мамашины, но при таких условиях считаться нельзя. Живы будем – вернем» [8, л. 30]. Забота Голубкина о своей семье выражалась в постоянном внимании к тем возможностям оказания материальной помощи близким, которые у него появлялись. При отправке денег он постоянно указывал конкретные суммы, спрашивал об их доставке, подробно уточнял способы получения конкретных государственных выплат. Называя размер собственных зарплат в различные периоды, считал нужным пояснить, почему отправил семье ту или иную сумму, сколько и на какие нужды расходовал он сам. Стремясь улучшить материальное положение семьи, Голубкин несколько раз просил жену попытаться получить выплаты по облигациям и приводил размеры выигрыша, о которых прочитал в газетах. Реагируя на рассказы Екатерины Семеновны о трудоустройстве и особенностях работы на новом месте, он старался поддержать ее, при этом напоминал, что жизнь детей во многом зависит именно от нее, а работа поможет обеспечить семью независимо от его дальней-

шей участи. Часто Голубкин напоминал и о том, что в будущем станет вдоволь хлеба, а воссоединившись с семьей, основную часть забот он возьмет на себя, таким образом подбадривая супругу. Прямые и косвенные рассуждения и упоминания о материальном положении семьи содержатся в 28-ми письмах из 53-х.

Как своеобразный способ моральной поддержки близких можно рассматривать и содержащиеся в письмах размышления Голубкина о правильности решения эвакуировать близких, а также сравнения судеб других знакомых семей с положением своего семейства. Уже 14 августа 1941 г. он поделился с женой, что после некоторых сожалений об отъезде семьи в далекие края, в тот день он был доволен, что близкие не в Ржеве, «после одного случая», какого именно, не пояснил [8, л. 2]. В сентябре выбор места эвакуации показался ему совершенно верным: «Вам тепло, безопасно, и, судя по письму (...) сытно, в то время как народ, уехавший поближе вас, не особенно доволен своей жизнью» [8, л. 12]. Позднее он только укреплялся в этом мнении, что можно понять из фрагментов писем, где автор рассказывает, что некоторые партизаны в отряде не имели точных сведений о своих семьях, у части бойцов родственники погибли из-за обвинений в связях с партизанами [8; л. 17, 59].

Чувство ответственности за свою семью, стремление позаботиться о близких заставило Шмеру Залмановича в одном из писем обратиться к родственникам, проживавшим в Москве. Это письмо было составлено 17 апреля, перед отправкой в партизанский отряд. В нем Голубкин просил не оставлять без внимания Екатерину Семеновну, Мару и Эдика, если с ним что-то случится, хотя тут же уверял, что останется цел и невредим, выделил подчеркиванием слова «до скорого свидания» [8; л. 34–34 об.]. Тогда же он написал длинное письмо жене и детям, начинавшееся со множества добрых эпитетов, что, по его собственному признанию, показывало сложное душевное состояние, в котором находился автор. Особенно подробно он перечислил выплаты, которые семья должна получать, объяснил способы связи в будущем, указал, куда обращаться, если потребуется помощь [8; л. 36–36 об.].

Желание непрерывного участия в жизни семьи выражалось в прямых обращениях к детям. Мару он прежде всего призывал отлично учиться и уделять внимание здоровью.

О наличии таких приоритетов свидетельствует следующее рассуждение: «Жизнь – это очень сложная вещь и трудно предугадать, что каждого из нас ожидает в будущем. Вот я не думал, что жизнь заставит меня заниматься тем, чем занимаюсь я сейчас, и находиться в таких условиях, в каких мне приходится быть. Но кроме знаний нужно еще здоровье, а вот этого у тебя нет, а ты имей ввиду, что здоровье во многом зависит от самого человека» [8, л. 20 об.]. Лишенный возможности поговорить с подраставшей дочерью о важных жизненных вещах, Шмера Залманович иногда затрагивал их в письмах. Предположив, что в Алма-Ате дочь завела много новых знакомств, он предостерегал ее от тесной дружбы со всеми, так как, по его мнению, «все люди имеют и хорошие и плохие стороны, но дружить нужно с такими людьми, у которых плохие стороны не выпячиваются резко, а хороших сторон больше чем плохих» [8, л. 33].

На воспитание сына он тоже хотел оказывать влияние. Например, поздравление Эдика с пятилетием сопроводил следующими пожеланиями: «Расти, дорогой, хорошим здоровым мальчиком, готовься стать хорошим человеком, который должен приносить пользу не только себе, но и другим людям. Слушайся, дорогой мой, маму и твою сестренку Марочку, они тебя научат хорошему. Давай сделаем так, чтобы наша встреча с тобой была радостной и чтобы я видел, что у меня растет замечательный сын, здоровый, смелый, умный, некапризный, трудолюбивый и послушный по отношению к своим родителям и воспитателям» [8, л. 19]. Слова о том, что хороший человек должен приносить пользу другим, не раз встречаются в письмах, видимо, это было важным элементом мировоззрения Голубкина.

С самых первых писем Шмера Залманович настойчиво просил Эдика самого написать письмо отцу и пояснял, что ему будет очень приятно смотреть на каракули, выведенные сыном. Впоследствии, получив и рассмотрев надписи печатными буквами и рисунки сына, Голубкин тепло благодарил его. Наверное, рисунки Эдика в годы войны были самым дорогим в жизни Шмеры Залмановича. Такой вывод можно сделать из признания в том, что при отъезде из Калинина в партизанский отряд весной 1942 г. Голубкину пришлось уничтожить все письма,

но рисунки Эдика он взял с собой. Через два года, проведенных в постоянной опасности, Шмера Залманович по-прежнему хранил письма сына [8, л. 43 об., 68].

Расставание с семьей Голубкин переживал тяжело, о чем свидетельствуют постоянные подсчеты и напоминания, сколько времени прошло с момента эвакуации. Через полтора месяца после отъезда семьи разлука уже казалась долгой, через 8 месяцев после расставания срок представлялся «ужасно долгим», как в первую и во вторую годовщину эвакуации. Грусть от ощущения разделенности с семьей усиливалась накануне 1 мая или 7 ноября, когда он писал о желании отмечать праздники вместе с близкими. В декабре же автор интересовался, чем в Алма-Ате заменяют елку. В феврале 1944 г. чувства обострились до предела, о чем Шмера Залманович откровенно написал близким: «Тяжело до невозможности. Кто думал, что наша разлука затянется на столько времени, а ведь прошло уже 2 года и почти 7 месяцев. Ведь это же целая вечность. Ведь подумать только, Марочке уже 15-й год, Эдюсеньке 8-й год, а тебе, Кысенокка, 40-й год. Ведь так может незаметно пролететь и вся жизнь». Тут же взяв себя в руки, он продолжил: «Но ничего, мои дорогие, унывать нечего, дела идут хорошо, и недалеко то время, когда этих проклятых извергов выгоним с советской земли и заживем счастливо и свободно» [8, л. 65 об.]. Мечта о встрече с близкими сохранялась на протяжении всей разлуки, но если сначала автор писем думал о «недалеком будущем», затем о мае 1942 г., о совместной встрече 1943 г., то потом не конкретизировал дату [8, л. 17 об., 19, 27].

По текстам писем можно в определенной мере проследить динамику настроений Шмеры Залмановича. Отметим несколько моментов, среди которых есть постоянное ощущение неопределенности, которое он испытывал. Речь идет не только о встрече с семьей, которая постоянно планировалась и отдалась. В сентябре 1941 г. он характеризовал свою жизнь и внутреннее состояние так: «Два месяца как я живу на положении человека, который не знает, куда приклонить свою голову. А впереди многое еще не ясно, а может быть и черно» [8, л. 12]. Спустя пару месяцев, вернувшись с партизанами в советский тыл, он написал, что перспективы совсем неясны: то ли ему придется вернуться в тыл врага, то ли перейти на службу

в армию [8, л. 19 об.]. Приехав из госпиталя в Калинин в начале 1942 г., Голубкин считал, что скоро отправится в Ржев, на деле же остался в областном центре. Работая в статистическом управлении, он каждый день ожидал мобилизации в армию или вызова о возвращении в ряды партизан [8; л. 28, 31, 33].

Анализ текстов писем показывает, что настроение автора, как и большинства советских людей в годы войны, в значительной мере определялось известиями о развитии событий на фронтах. И если до середины декабря 1941 г. мысли о будущем Голубкин формулировал в общих выражениях, то, едва услышав сообщение об освобождении Калинина от оккупации, он тут же написал, что скоро рассчитывает быть в Ржеве, восстанавливать советскую власть и городское хозяйство, а мечты о скорой встрече с семьей вспыхнули с новой силой [8, л. 23 об., 25 об.]. После известия о начале контрнаступления советских войск под Сталинградом «надежды на скорый конец проклятых гитлеровцев снова возросли и на душе стало значительно легче» [8, л. 54]. 13 июля 1943 г. автор письма охарактеризовал свое настроение как прекрасное и уточнил, что оно особенно улучшилось в связи с успехами на фронтах [8, л. 61 об.].

В 1944 г. приближение Красной армии к местам, где находился отряд Голубкина, усиливало надежды на скорую встречу с близкими буквально «с каждым днем и с каждым часом» [8, л. 67 об.]. Однако в последние месяцы жизни в тылу противника долгое ожидание встречи становилось нестерпимым. Вот как описывал свое состояние Шмера Залманович: «Временами, когда артканонада на фронте становится громче, эта надежда возрастает, а затем в дни затишья она снова уменьшается и становится до того грустно, что плакать хочется» [8, л. 69]. Мысленно ускоряя события, Голубкин обещал «на крыльях» лететь к семье сразу после освобождения территории, где располагался отряд. В реальности произошло не так, но после прихода Красной армии настроение его изменилось самым решительным образом, о чем он написал Маре: «Как бы то ни было, а я теперь свободный гражданин Советского Союза, нахожусь на территории своей матери Родины и всё прошлое осталось далеко и отчасти уже начинает забываться» [8, л. 74].

В тексте письма, в котором Шмера Залманович впервые сообщил родным о своем участии в партизанском движении

осенью 1941 г., он назвал фамилии двоих людей, помогавших немцам после прихода в Ржев осуществлять власть в городе и напомнил, что один из них ранее являлся помощником Голубкина по горпромкомбинату [8, л. 17]. После автор писал о желании вместе с немцами громить предателей. В письмах, относящихся ко второму периоду участия Голубкина в партизанском движении, автор не раз упоминал о желании отомстить гитлеровцам и их пособникам, «которых, кстати, оказалось немало», за страдания советских людей [8, л. 42 об.]. Однажды он написал жене так: «Ты ведь знаешь, что во мне национального, еврейского, осталось немного, но когда, будучи около Пустошки, Невеля Калининской области, Освеи и Юховичей Витебской области БССР, ужас и злоба охватывали меня от рассказов населения об издевательствах немцев над населением вообще и над евреями в особенности» [8, л. 46]. В ряде случаев, когда Голубкин писал о немцах и своем отношении к ним, он начинал выражаться языком пропаганды, повторял шаблонные выражения, присутствовавшие в средствах массовой информации того времени, что заметно отличает эти места в переписке от обычного стиля автора.

В письмах, написанных после пребывания в тылу врага осенью 1941 г. и в период пребывания в партизанских рядах в 1942–1944 гг., можно найти информацию о повседневной жизни бойцов, почерпнуть некоторые сведения об организации партизанского движения в Калининской области, например, об обеспечении участников отрядов одеждой и обувью. 11 октября 1941 г. Шмера Залманович ушел из Ржева и начал партизанскую деятельность в собственной одежде, причем зимнее пальто было порядком истрепано, брюки разорвались, а починить их, видимо, не было возможности, и он предполагал, что скоро всем выдадут обмундирование и станет лучше. 1 декабря 1941 г. он получил валенки, а накануне сам сшил себе теплые рукавицы из «шубнины» и «ходил себе кум-королю» [8, л. 16 об., 20]. Однако и 5 мая 1942 г. он отмечал: «Мое зимнее пальто по-прежнему является и постелью и одеялом» [8, л. 40].

Иногда Голубкин уточнял, что во время написания письма находился на советской территории, например, 30 июня 1942 г. В сентябре 1942 г. его назначили на должность начальника базы партизанской бригады, располагавшейся в Куньинском районе.

В ожидании возвращения бригады, действовавшей на оккупированной территории, Шмера Залманович занимался в основном хозяйственными делами, хотя, по его словам, обязан был обеспечить бригаду не только продовольственным, но и боевым питанием. Работу эту он назвал хлопотливой [8; л. 48–49]. Уже в письме от 4 октября автор сообщил, что снова вернулся, но куда, остается неизвестным, так как все географические названия в данном тексте густо зачеркнуты, но далее Голубкин написал о назначении его командиром партизанского отряда [8, л. 50]. 30 ноября 1942 г. он упомянул, что собирается снова отправиться в дальние края, и можно догадаться, что в тот момент он находился в советском тылу, а дальними краями назвал оккупированную противником территорию [8, л. 54].

Разумеется, в текстах нет подробных рассказов о выполнении конкретных заданий. Голубкин ограничивается словами про то, что партизаны насолили немцам, дали им трепку, отправили в могилу и т. д. Зато есть описания условий партизанской жизни, порой очень тяжелых. Вот одно из них: «С 7/XI установилась зима, было уже несколько сильных морозов, наступает холодное время. Как раз в самые морозные дни нам пришлось ночевать в лесу у костров. Можете себе представить, какое это удовольствие, после того как километров 15–20 пройдено по лесу вцелик по снегу. Ноги мокрые, остановились – начинают мерзнуть, развели костры – начинаем разуваться и сушить портянки. Зато до сих пор пятки как будто чужие» [8, л. 20].

Жизнь в партизанском отряде заставила Голубкина изменить привычный режим и перетерпеть множество бытовых неудобств: «...последние годы я дольше 6-ти часов утра никогда не спал. Сейчас всё переменялось. Частые ночные путешествия, которые приходится совершать в партизанской практике, привели к тому, что спать в большинстве случаев приходится днем и поэтому для того, чтобы написать это письмо, я даже в 9 часов утра должен был заставить себя встать «с постели» и сесть за письмо. Постель я ставлю в кавычки, потому что она представляет собой доску, на которой постелена телогрейка, а под головы положена вещевая сумка. Встаешь – болит шея, бока и т. д. Большинство же ребят спят прямо на полу» [8, л. 44].

Внимательный читатель текстов писем Голубкина обнаружит в них немало упоминаний о конкретных изменениях

в повседневной жизни населения прифронтового региона, о внешних приметах войны. Проживая в Ржеве, он отмечал, что город «посерел», подразумевая, что дома перекрашивались в серый цвет, цены на базаре резко выросли, а на почте начали принимать посылки для эвакуированных [8; л. 4, 13–13 об.]. По просьбе дочери он сообщал ей о работе ржевских школ: 15 сентября начали заниматься начальные классы в городе и районе, а с 1 октября или раньше планировалось начать занятия и в остальных классах [8, л. 8 об.]. Написал он о тревогах и «страшных ночах» в городе.

Имеются в письмах некоторые сведения о настроениях и поведении окружавших автора людей. Так, часть жильцов дома в Ржеве, где проживали Голубкины, в середине августа 1941 г. «немножко напугались» и уехали в деревню, в сентябре некоторые вернулись в город, но ночевать куда-то уходили [8, л. 1, 8 об.]. Автор писем постоянно информировал жену, если сам получал известия от родственников или хороших знакомых, например, от мамы Екатерины Семеновны, проживавшей в Оленинском районе. Примерно в конце июля или начале августа 1941 г. она написала Голубкину «очень паническое» письмо, в котором просилась в Ржев, видимо, опасаясь прихода немцев, но следующие два письма были спокойные, она уже не собиралась покидать родной район. Встречаются и другие упоминания о паническом настрое людей в прифронтовых районах. В одном из писем Шмера Залманович даже раскрывает механизм возникновения и распространения слухов на прифронтовой территории [8; л. 7, 8–8 об.].

Обсуждение и выводы

Коллекция писем Шмеры Залмановича Голубкина, которая совсем недавно стала доступна исследователям, является весьма ценным и интересным источником в первую очередь для тех, кто изучает историю Верхневолжья в период Великой Отечественной войны. Переписка Голубкина с женой и детьми позволяет проследить за изменением настроений автора, выявить факторы, влиявшие на групповые и индивидуальные настроения. Также можно составить некоторое представление о повседневной жизни калининцев, эвакуированных в Алма-Ату. Из текстов писем можно понять, как менялись

взаимодействия между людьми в условиях прифронтового региона, какие формы поведения присутствовали, как часть жителей принимала решение об эвакуации. Для исследователей истории партизанского движения на территории Калининской области данный источник тоже может быть полезным. Имеются в письмах и сведения о жизни населения в условиях оккупации, правда, их немного.

Знакомство с текстами писем Голубкина показывает, что главным устремлением автора в годы войны стала забота о своей семье, стремление защитить своих близких, помочь им выжить, обеспечить более или менее сносные условия существования, даже находясь вдали от них. Желание как можно быстрее воссоединиться или хотя бы увидеться с семьей постоянно сопровождало Шмеру Залмановича, но надежды на отпуск так и не сбылись, разлука оказалась очень длительной, чего в начале войны совершенно не ожидалось. Сам Голубкин остался верен своему долгу и выполнял те обязанности, которые требовались в тяжелых условиях военного времени.

Можно предположить, что дальнейшее изучение событий 1941–1945 гг. будет в значительной мере базироваться на анализе источников, подобных рассмотренным письмам, потому что именно материалы, заключенные в них, помогают осветить аспекты военной действительности, не столь подробно проанализированные ранее. Публикация полных текстов писем не только обеспечит новые возможности для региональных исследований, но и обогатит фундаментальные труды.

Список литературы

1. Белоглазова Г. Н. Письма с фронта как исторический источник времен Великой Отечественной войны // Мир науки, культуры, образования. – 2013. – № 2 (39). – С. 188–191.
2. Сомов В. А. Письма участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Вопросы истории. – 2007. – № 8. – С. 131–136. EDN: IAHZSB
3. Кузнецов А. С. Фронтовые письма как источник для изучения антропологического содержания Великой Отечественной войны // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2016. – № 4. – С. 63–68.
4. Иванов А. Ю. Анализ фронтовых писем периода Великой Отечественной войны в свете инновационных источниковедческих подходов // Вестник Чувашского университета. Сер. Гуманитарные науки. – 2008. – № 4. – С. 37–41.

5. Тажиудинова И. Г. Переписка фронтовиков с родителями как источник по истории военной повседневности (1941–1945) // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: материалы научной конференции: в 2 т. / отв. ред. В. А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ имени А. С. Пушкина, 2018. – Т. 1. – С. 116–121. EDN: TINCPР

6. Нам выпало на долю. Война в письмах, дневниках, воспоминаниях. Сборник документов и материалов / гл. ред. Д. А. Ефремов. Тверь: Лилия Принт, 2005. 304 с.

7. Фронтовые письма: Тверская область: Книга памяти. Тверь: Фактор, 2005. 303 с.

8. Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 4115. Оп. 1. Д. 4.

"It Seems That at Least a Little Bit, but I Talked With You, my Dear, and With the Guys". Letters of Sh. Z. Golubkin to his Wife and Children as a Historical Source

Lyubov A. Bolokina

The article is devoted to the analysis of the letters of Shmera Zalmanovich Golubkin, a participant of the partisan movement in the territory of the Kalinin region during the Great Patriotic War. The originals of the letters are kept in the funds of the Tver Center for Documentation of Modern History and belong to the period of 1941–1944. The letters are addressed to Golubkin's wife and children, who were evacuated to Alma-Ata. The main topic of the correspondence was the daily life of the family. The author paid a lot of attention to the issues of financial support for the family. Separation from loved ones became a very difficult test for Golubkin, and letters gave him a sense of participation in his wife and children's life. The author constantly expressed hope for meeting his family soon. The texts of the letters reflect the evolution of Golubkin's moods and assessment of the timing of the end of the war. The letters contain information about people's lives in the conditions of the frontline region, forms of behavior, methods of communication. There is also information about the partisan movement and the situation in the occupied areas.

Key words: Great Patriotic war, military everyday life, Kalinin region, Rzhev, partisan movement, correspondence, evacuation.

For citation: Bolokina, L. A. (2023) «Kazhetsja, chto hot' nemnozhko, a pogovoril s toboju, moja dorogaja, i s rebjatkami». Pis'ma Sh. Z. Golubkina k zhene i detjam kak istoricheskij istochnik ["It Seems That at Least a Little Bit, but I Talked With You, my Dear, and With the Guys". Letters of Sh. Z. Golubkin to his Wife and Children as a Historical Source]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 145–162. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_4_145. EDN: XXXVOO

References

1. Beloglazova, G. N. (2013) *Pis'ma s fronta kak istoricheskij istochnik vremen Velikoj Otechestvennoj vojny* [Letters from the Front as a Historical source of the Great Patriotic War]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* [World of science, culture, education]. No. 2. Pp. 188–191. (In Russ.)
2. Somov, V. A. (2007) *Pis'ma uchastnikov Velikoj Otechestvennoj vojny 1941–1945* [Letters of participants of the Great Patriotic War of 1941–1945]. *Voprosy istorii* [Questions of History]. No. 8. Pp. 131–136. (In Russ.)
3. Ivanov, A. Yu. (2008) *Analiz frontovyh pisem perioda Velikoj Otechestvennoj vojny v svete innovacionnyh istochnikovedcheskih podhodov* [Analysis of front-line letters of the period of the Great Patriotic War in the light of innovative source approaches]. *Vestnik Chuvashskogo universiteta. Ser. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Chuvash University. Ser. Humanities]. No. 4. Pp. 37–41. (In Russ.)
4. Kuznetsov, A. S. (2016) *Frontovye pis'ma kak istochnik dlja izuchenija antropologicheskogo soderzhaniya Velikoj Otechestvennoj vojny* [Frontline Letters as a source for studying the Anthropological content of the Great Patriotic War]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University]. No. 4. Pp. 63–68. (In Russ.)
5. Tazhidinova, I. G. (2018) *Perepiska frontovikov s roditeljami kak istochnik po istorii voennoj povsednevnosti (1941–1945)* [Correspondence of veterans with their parents as a source on the history of military everyday life (1941–1945)]. *Chastnoye i obshchestvennoye v povsednevnoj Zhizni naseleniya Rossii: Istoriya i sovremennost'* [Private and Public in the daily Life of the Russian Population: History and Modernity]. Materials of the scientific conference: in 2 vol. Ed. V. A. Veremenko. St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. Vol. 1. Pp. 34–37. (In Russ.)
6. Efmov, D. A. (2005) *Nam vypalo na dolju. Vojna v pis'mah, dnevnikah, vospominaniyah* [It fell to our lot. The War in letters, diaries, memoirs]. *Sbornik dokumentov i vospominanij* [Collection of documents and memoirs]. Tver: Liliya Print. (In Russ.)
7. *Frontovye pis'ma: Tverskaja oblast': Kniga pamjati* (2005) [Frontline letters: Tver region: The Book of Memory]. Tver: Faktor. (In Russ.)
8. *Tverskoj centr dokumentacii novejshej istorii* [Tver Documentation Center of Modern History]. F. 4115. Op. 1. D. 4.

Об авторе

Болокина Любовь Александровна, кандидат исторических наук, доцент, доцент, Тверской государственный технический университет, г. Тверь, Российская Федерация; e-mail: bolokinal@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4311-1064

About the author

Bolokina Lyubov A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver, Russian Federation; e-mail: bolokinal@mail.ru; ORCID ID: 0000-0002-4311-1064

*Статья поступила в редакцию 22.10.2023
Одобрена после рецензирования 29.10.2023
Принята к публикации 06.10.2023*

Выбор Петра Великого и начало государственной деятельности В. де Геннина

М. О. Акишин

Статья посвящена исследованию начала административной деятельности В. де Геннина в связи с изучением механизма отбора и взращивания Петром I государственных деятелей. На российскую службу Геннин попал молодым человеком с домашним образованием по протекции амстердамского бургомистра Н.-К. Витсена, в следствие чего первоначально занял скромную должность фейерверкера Оружейной палаты. Боевая служба офицером артиллерии в Шлиссельбурге в первое десятилетие Северной войны позволила ему сначала заслужить доверие генерал-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса и генерал-адмирала Ф. М. Апраксина, а затем обратить на себя внимание Петра I. Познакомившись с молодым офицером артиллерии, российский самодержец прибег к выработанному им механизму отбора лиц, на которых он мог полагаться в процессе преобразования России. Петр I поручил Геннину руководство строительством Литейного двора и порохового завода в Санкт-Петербурге, с которым Геннин успешно справился в 1710–1713 гг., чем заслужил доверие самодержца. Именно строительство Литейного двора стало поворотным моментом в судьбе Геннина, после чего Петр I сначала назначил его комендантом Олонецкого уезда и поручил руководство базой снабжения флота в условиях войны на Балтийском море – Петровскими заводами, а, затем, после окончания войны – строительством заводов Урала и Сибири.

Ключевые слова: Петр I, В. де Геннин, Северная война, Санкт-Петербург, Литейный двор, государственная администрация, металлургическая промышленность.

Для цитирования: Акишин М. О. Выбор Петра Великого и начало государственной деятельности В. де Геннина // История повседневности. – 2023. – № 4. – С. 163–175. DOI: 10.35231/25422375_2023_4_163. EDN: YEZEMT

Введение

Государственная деятельность Виллима Ивановича де Геннина (Georg Wilhelm de Hennin) имела решающее значение в успехах металлургии России в первой половине XVIII в. и заложила основы ее развития в последующие столетия. В условиях боевых действий российского флота на Балтике он провел техническую модернизацию Петровских заводов Олонецкого уезда, а затем сыграл выдающуюся роль в строительстве Уральских заводов. В конце жизни в звании генерал-лейтенанта артиллерии занимал должности вице-президента Военной коллегии, управлял Артиллерийской и Оружейной канцелярией. Жизненный путь и государственная деятельность Геннина уже на протяжении двух столетий является предметом научных исследований, среди которых особо хотелось бы выделить труды В. Н. Берха [1], М. Ф. Злотникова [2], Д. О. Серова [3] и др.

Однако проблема роли Петра I в становлении В. де Геннина в качестве государственного деятеля и администратора казенной промышленности в историографии специально не ставилась. Между тем карьере, позволившую Геннину реализовать способности государственного деятеля, руководителя металлургической промышленности, он не смог бы сделать без поддержки великого преобразователя. Отсюда, применительно к судьбе Геннина вновь встает проблема изучения механизма отбора и взращивания Петром I государственных деятелей, чему и посвящена настоящая статья.

Юность и начало службы в России

На российскую службу В. де Геннин был принят в 1698 г. генералом Ф. Я. Лефортом по рекомендации амстердамского бургомистра Н.-К. Витсена [2, с. 15]. Поручителем по нему выступил житель Амстердама Андрей Гульст (Hendrik van der Hulst), впоследствии ставший голландским резидентом в Москве [4, л. 181]. При поступлении на российскую службу Геннину было чуть больше 20 лет. Как установил немецкий историк А. Люк, он происходил из обедневшего голландского дворянского рода и родился в городе Зигене, являвшемся столицей германского графства Нассау-Зиген, где был крещен по протестантскому обряду «в утренний молитвенный час» 11 октября 1676 г. [5; pp. 9–11].

Сведений о образовании, которое получил В. де Геннин, не выявлено. Установлено только, что в г. Зигене он работал формовщиком (рабочим, изготавливающим формы для заливки в них расплавленного металла) [5, р. 11]. В недатированном прошении о приеме на русскую службу Геннин писал, что «с юности своей научен и ныне основательно разумею архитектуру гражданскую, домов строение, делание всяких потешных огнестрельных вещей, японской олифой крашенные соломой изображения преизрядно на бумаге вырезать и прочие хитрости» [4, л. 181].

Однако об образовании В. де Геннина, безусловно, заботилась его семья. Конрад Геннин, его дед, получив университетское образование, был священником в Дилленбурге, затем в Зигене, а впоследствии придворным проповедником и инспектором реформатской церкви в Ганау. Иоганн Геннин (Johannes Henning), его отец, обучался философии в Академии Ганау, некоторое время работал писарем в местном казначействе, а с 1674 г. служил офицером в артиллерии. Генрих Геннин (Heinrich Christian Henning), дядя В. де Геннина, окончил университет в Утрехте со степенью доктора медицины, впоследствии состоял ректором гимназии в голландском городе Тиле и профессором философии в университете Дуйсбурга [5; pp. 10–11].

Итак, на службу в Россию В. де Геннин поступил молодым человеком без специального образования. Неизвестно, познакомился ли с ним лично Петр I перед тем, когда утверждал контракт («капитуляцию») о приеме его на службу. Отметим, что в 1699 г. в результате переговоров Петра I и польского короля и саксонского курфюрста Августа II Сильного контракты о службе в России были заключены с горными мастерами И. Ф. Блиером, Х. Бартом, Я. Ганном, Е. Блешмитом, Г. Лангером, М. и Я. Лоренцами, Г. Эндерлином [6, с. 110]. Они были сразу же востребованы в горной промышленности России.

Напротив, Геннин по прибытии в Россию был принят в службу 11 мая 1698 г. фейерверкером (сержантом артиллерии) в Оружейную палату с жалованием «на месяц по шести рублей» [7, с. 468], где он служил «от 1698 ... до 1700 года» [1; кн. 1, с. 53–54; кн. 5; с. 104–107]. В 1699 г. в Оружейной палате Геннину поручили раскраску «шкатулы липовой для обрасца на глянс» [3, с. 807]. По семейным преданиям, по прибытии в Москву, царь

приказал Геннину обучать молодых дворян артиллерии. Это предание подтверждается запиской 1743 г., в которой сказано: получено «от российских дворян, которых я обучал артиллерии» 500 рублей [1; кн. 1, с. 53–54; кн. 5; с. 104–107].

Участие в боевых действиях Северной войны

После начала Северной войны В. де Геннин был переведен офицером в регулярную армию, о чем свидетельствует «Список иноземцом, которые ныне ведомы службою и дачею жалованья в Приказе артиллерии» 1702 г. Согласно этому документу, он был «принят в артиллерию в 1701 году» с жалованьем в 156 руб. в год. В том же "Списке" помечено, что Геннин служил в Новгороде [8, с. 467]. В 1701–1704 гг. должность Новгородского «наместника» занимал генерал-майор Я. В. Брюс, ставший затем «главным управителем над всею артиллериею» [9, л. 10].

О службе В. Геннина в ведомстве Приказа артиллерии в 1700-е гг. сохранились фрагментарные сведения. В 1707 г. он руководил работами по ремонту материальной части артиллерии в Шлиссельбургской крепости [10, т. 3, с. 117, 193]. Заведование артиллерией в Шлиссельбурге, видимо, позволило ему установить деловые контакты с командованием военно-морского флота России. 17 февраля 1721 г. в письме к Ф. М. Апраксину Геннин, вспоминая о его покровительстве, писал: «Я тебе век должен, ты меня, государь, из Шлюссельбурга выручил, потом сделал человеком» [1; кн. 3, с. 107–108].

Возможно, личное знакомство В. де Геннина с Петром I состоялось в апреле 1708 г., когда царь с семьей посещал Шлиссельбург. Петр и его окружение задержались в Шлиссельбурге «за противную погоду и за льдом, с озера идущим, и, между тем, по городу гуляли и смотрели крепости, артиллерии и протчаго». Царь, его семья и окружение были размещены в городе так: Петр и Наталия Алексеевна – в доме У. А. Сенявина, царица Прасковья Федоровна с дочерьми – в губернаторском доме, князь Б. А. Голицын – в доме майора Геника (В. де Геннина) [11; с. 138, 278].

4 марта 1709 г. Петр I из Воронежа писал И. А. Мусину-Пушкину о выдаче жалования артиллеристам (включая В. де Геннина) и мастерам из Монастырского приказа [12, т. 9, вып. 1, с. 115]. Из письма Я. В. Брюса «государю братцу» Роману Брюсу

от 22 февраля 1710 г. выясняется, что на тот момент Геннин числился на гарнизонной службе. Брюс упомянул, что Геннин высказывал готовность «потрудитца» в деле предстоящего строительства его дома в Санкт-Петербурге [3, с. 809].

В 1710 г. В. де Геннин участвовал во взятии Выборга в команде у Р. В. Брюса [1, кн. 1, с. 54]. Выборг имел стратегическое значение для северо-западного театра военных действий, являясь наиболее мощной крепостью в шведской Финляндии. Первоначально осада крепости была безрезультатной из-за недостаточности артиллерии у русской армии. Но в начале мая 1710 г. Петр I осуществил морскую военно-транспортную операцию по доставке к Выборгу из Санкт-Петербурга гвардейских полков, 80 пушек и 19 мортир, запасов боеприпасов и продовольствия. В. де Геннин прибыл под Выборг 9 мая 1710 г. на одном из судов транспортной эскадры. Под его началом было 68 артиллеристов из гарнизона Шлиссельбурга [13; с. 484, 489].

На гравированном плане осады Выборга, помещенном в первом издании «Книги Марсовой» (1713 г.), в восточном сегменте осадного периметра под литерой «Х» отмечены «кетели (от нем. «Kessel» – котел, мортирные батареи – М. А.) и батареи маеора Геннина» [14, с. 28, схема 12], оборудование которых началось 20 мая 1710 г. Под командованием В. де Геннина находились три батареи, состоявшие из 11 мортир и 20 пушек, которые были размещены напротив бастионов Эуряпяя и Панцерлакс. По данным шведов, кварталы Выборга, которые обстреливались батареями Геннина, были превращены в развалины, среди которых «невозможно было различить городские улицы» [13, с. 488]. Не выдержав артиллерийского обстрела, продолжавшегося восемь дней, 13 июня 1710 г., шведский гарнизон Выборга капитулировал.

В июне 1710 г. В. де Геннин под командованием генерал-майора Р. В. Брюса совершил переход из-под Выборга под шведскую крепость Кексгольм (Приозерск). 10–15 июля были возведены осадные сооружения на южном берегу Вуоксы. Майор Геннин командовал всей артиллерией русской группировки, состоявшей из пяти мортир, двух гаубиц и 25 пушек [15, с. 127]. В июле – августе 1710 г. он снял план города Кексгольма, о чем писал 20 августа генерал-адмиралу Ф. М. Апраксину: «... посылаю до вашего высочородия чертеж Кексгольму при той и табель,

по которому можно выразуметь, где которых крепости, шведския батарей и протоки; тако ж де нашего государя которые построены апроши и кетели, и что при них мортир и где стоят полки царскаго величества». Отмечу, что доношение было подписано: «... от артиллерии майор G.W. de Hennin» [1; с. 69–70].

Согласно реляции «О взятии города Кексголма (или Корелы)», комендант Кексгольма Й. Шерншанц 4 сентября 1710 г. направил в российский лагерь парламентарера с предложением начать переговоры о капитуляции. Ознакомившись с условиями капитуляции, Р. В. Брюс согласился на все условия шведского коменданта, за исключением выноса из крепости знамен и выхода гарнизона с «полковой музыкой» [12, т. 10, с. 318].

Для выработки окончательного варианта соглашения о капитуляции («аккордных пунктов») вечером 7 сентября 1710 г. в крепость были направлены «артиллерной майор Генник (В. де Геннин – М. А.) да с ним капитан Киселев». Переговоры велись на немецком языке. «Аккордные пункты» были согласованы и утром 8 сентября 1710 г. Й. Штершанц и Р. В. Брюс поставили свои подписи на списках соглашения на немецком и русском языках, после чего в крепость вступил первый российский батальон [15; с. 126–127].

С известием о падении крепости Р. В. Брюс направил к Петру I майора В. де Геннина. Доклад царю состоялся 10 сентября 1710 г. Петр I написал первое письмо о взятии Кексгольма, адресовав его князю А. Д. Меншикову и начав словами: «Сего момента получили мы ведомость чрез маеора Генинга, что корелской камендант вышереченную крепость на окорд здал...» [12, т. 10, с. 328]. Думается, ошибка в написании фамилии В. де Геннина, которая уже устоялась в русских документах к тому времени, свидетельствует о том, что царь все еще его плохо знал лично. Возможно, Геннин присутствовал также на праздничном застолье, которое было организовано с участием царя по случаю взятия Кексгольма во второй половине дня 10 сентября в Кроншлоте [16, с. 245]. Петр I, согласно записке Геннина 1743 г., вознаградил его «за взятие Кексголма» «золотую медаль с алмазами» стоимостью в 150 руб. и «дереvню Азила» (Асила) [1; кн. 1, с. 55–56].

После взятия Кексгольма В. де Геннин по приказу генерал-адмирала Ф. М. Апраксина участвовал в проектировании укреплений при Гангуте. 19 июля 1710 г. Ф. М. Апраксин писал Пе-

тру I: «Какову крепость здесь делать начали, посылаю вашему величеству с артиллерным подполковником Геннином чертеж, которой оное устье и где заложена крепость, осматривал и обо всем вашему величеству устно донесет» [1, кн. 1, с. 55].

В июне – августе 1710 г. В. И. Геннин находился, видимо, уже под командой Ф. М. Апраксина, т. к. именно его он просил: «... которые нам, государь, пожаловал не в зачет деньги за три месяца за Выборгской поход, и оныя деньги прикажи ... выдать» [1; кн. 1, с. 69–70]. Участие в осаде Выборга и взятии Кексгольма стали важными этапами в боевой биографии В. де Геннин. В записке о своей службе 1743 г., В. И. Геннин указал, что в 1710 г. он был пожалован чином подполковника [1, кн. 5, с. 148]. 27 ноября 1710 г. Петр I из Санкт-Петербурга послал И. А. Мусину-Пушкину письмо с указанием об отправке к нему с В. де Генниным теменов (чертежей. – М. А.) всех взятых городов с тем, чтобы их напечатать [12, т. 10, с. 417].

Начало государственной деятельности В. де Геннина

Именно в ходе боев за Кексгольм и Выборг Петр I близко познакомился с В. де Генниным, оценил его административные качества и познания в инженерном деле, что и стало началом превращения боевого офицера артиллерии в государственного деятеля, руководителя горнозаводской администрации. После выборгского похода 1710 г. Геннин продолжил службу в Санкт-Петербурге. Петр I поручил ему «по имянному ... указу ... при Санк-Петербурге начатой Литейной Пушечной двор и зелейные заводы достроить» [1, кн. 1, № 5, с. 76].

При этом В. де Геннин остался служить в артиллерии в подчинении у генерал-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса. Отметим, что дом Я. В. Брюса находился неподалеку от Литейного двора [18, с. 32]. Продукция Литейного двора предназначалась для боевых действий флота на Балтике, почему Геннин оказался в подчинении и у генерал-адмирала Ф. М. Апраксина. 6 марта 1713 г. Геннин писал Петру I: «Изволил ты писать к г[осподину] адмиралу [Ф. М. Апраксину] собственною своею рукою о медных пушках, которые мне приказано переливать» [19; ч. 3, с. 513–514]. Наконец, Геннин оказался в подчинении и у вице-губернатора Я. Н. Римского-Корсакова, который надзирал за строительством Литейного двора [17, с. 4]. Таким образом, доверив

Геннину строительство Литейного двора, Петр I не только контролировал эту деятельность лично, но и поручил контроль за ней трем лицам из своего ближайшего окружения.

В. де Геннин успешно справился с поручением самодержца. Под его командованием Литейный двор и пороховые заводы были достроены [1, кн. 1, с. 57]. То, что Литейный двор был построен именно под руководством Геннина, подтверждают письма Петра I к адмиралу Ф. М. Апраксину. В письме от 24 октября 1712 г. царь предписывал адмиралу: «...извольте надсматривать перелитье пушек, которое вручено Генингу» [12; т. 12, вып. 2, с. 188–189]. 14 декабря 1712 г. Петр I вновь писал Ф. М. Апраксину: «Что принадлежит с Москвы в Питербурк по росписям г[осподина] подполковника Генника к пушечному литью припасов ... и о том ныне з господами сенаторы немедленно определите и посылайте в Петербурх без задержания, дабы заранее могли там исправитца пушечным литьем» [12, т. 12, вып. 2, с. 251].

Заслуги В. де Геннина в строительстве Литейного двора были очевидны для современников. Пленный шведский офицер Л. Эренмалм писал, что в 1712 г. в Санкт-Петербурге «подполковник Хенниг надзирал за артиллерией и фортификационными работами» [20, с. 92]. В июне 1716 г. ганноверский резидент Ф.-Х. Вебера в своих записках отмечал успехи Геннина в реконструкции Олонецких заводов и вспоминал о его прошлых заслугах: «В Петербурге была построена большая кузница, где делаются якоря и все потребное строящимся кораблям и домам» [21, с. 134].

Помимо руководства строительством Литейного двора В. де Геннин выполнял и иные распоряжения Петра I. 1712 г. открылся в Петербурге фейерверком в празднование Обрезания Господня, который был «учинен» 1 января «пред полаты Его княжеской светлости [А. Д. Меншикова] чрез подполковника Генника (В. де Геннина – М.А.)» на льду р. Невы [22; с. 55, 64, 110]. Согласно «Изъявлению феирверка», в ходе его представления возникали фигуры Петра I на коне, богини Цереры с копьем и рогом изобилия, появлялась Швеция в виде змеи, извивавшейся между коронами России, Турции и Польши. Затем орел, символизировавший Россию, поражал стрелами льва (Швецию), после чего из морских

волн поднималась крепость (Санкт-Петербург) с кораблями, заплывавшими в ее гавань [23; с. 126–127].

Осенью 1712 г. В. де Геннин провел ревизию гарнизонной артиллерии в Санкт-Петербурге, Шлиссельбурге, Выборге, Нарве, Риге и Питершанцах, Дюнамюнде, Пернове, Ревеле, Кексгольме, Пскове, Великих Луках и Торопце. Ее результаты были обобщены в «Табели» декабря 1712 г. [1, с. 72] После вторичного взятия Гельсингфорса 15 июля 1713 г. В. де Геннин по указу Петра I обследовал рейд, составил чертеж и план работ по строительству оборонительных сооружений [25; с. 224–226].

В июле 1713 г. у Петра I сложился план по захвату Або [24; с. 231–241]. В этой военной операции, видимо, участвовал Геннин. В «Походном журнале» Петра I под 1 августа 1713 г. сообщалось, что царь находился на корабле «Мункере», на котором ходил к Гельсингфорсу и «2-го часа пополудни ... дошли до 4 скамповей под командой В. И. Геннина, стоящих на якоре». В месте встречи «... стояли два часа, поджидая транспортные суда, которые пропустили вперед и пошли за ними следом. В 7-м часу пополудни дошли до острова Аспо, встали на якорь и тут ночевали» [25; с. 35–36].

Обсуждение и выводы

В. де Геннин, сыгравший определяющую роль в становлении российской металлургии, на службу в Россию попал молодым человеком. Прежде чем заняться вопросами горнозаводской администрации, ему пришлось проявить свои дарования инженера и администратора в ходе боевых действий Северной войны. В первое десятилетие Северной войны он завоевал доверие генерал-фельдцейхмейстера Я. В. Брюса и генерал-адмирала Ф. М. Апраксина. Только после этого он привлек внимание Петра I. Самодержец решил лично убедиться в административных способностях и инженерных познаниях Геннина, поручив ему строительство Литейного двора. Именно такой механизм поручения особо ответственных заданий и личный контроль за их исполнением был основой формирования Петром I своего ближайшего окружения. Руководство строительством Литейного двора в Санкт-Петербурге стало поворотным пунктом в судьбе Геннина. Именно после этого он стал доверенным лицом Петра I, который сначала назначил его комендантом

Олонецкого уезда и поручил руководство базой снабжения флота в условиях войны на Балтийском море – Петровскими заводами, а затем после окончания войны – строительством заводов Урала и Сибири.

Список литературы

1. Берх В. Жизнеописание генерал-лейтенанта Виллима Ивановича Геннина, основателя Российских горных заводов // Горный журнал. – 1826. – Кн. 1. – С. 51–129; Кн. 2. – С. 113–172; Кн. 3. – С. 89–144; Кн. 4. – С. 85–134; Кн. 5. – С. 87–152.
2. Геннин В. И. Описание Уральских и Сибирских заводов, 1735 / подгот. М. Ф. Злотников; предисл. М. А. Павлова. М.: История заводов, 1937. 656 с.
3. Серов Д. О. «Вечером из русского лагеря прибыл ... майор»: первые 34 года жизни Виллима Геннина // Quaestio Rossica. – 2019. – Vol. 7. – № 3. – С. 801–817.
4. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 4. Д. 161.
5. Lück A. Georg Wilhelm Hennin. Ein Siegener als Organisator der sibirischen Eisenindustrie zur Zeit Peters des Großen // Siegerland. Siegen. – 1972. – Bd. 49. – Pp. 9–11.
6. Курлаев Е. А. Роль иностранных специалистов и технологий в формировании геологоразведочной и горнодобывающей отраслей на Урале в XVII – первой четверти XVIII века // Известия вузов. Горный журнал. – 2012. – № 8. – С. 108–116.
7. Лефорт Ф. Сборник материалов и документов / сост. Т. А. Лаптева, Т. Б. Соловьева. М.: Дрвлекранилище, 2006. 567 с.
8. Бранденбург Н. Е. Материалы для истории артиллерийского управления в России: Приказ артиллерии (1701–1720 гг.). СПб.: Тип. Арт. журн., 1876. 555 с. 9. РГАДА. Ф. 154. Оп. 2. № 162.
10. Архив генерал-фельдцейхмейстера Якова Вилимовича Брюса: в 3 т. / сост. С. В. Ефимов, Л. К. Маковская; под ред. В. М. Крылова. СПб.: Щелково: [Б. и.], 2006. Т. 3. 256 с.
11. История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) / сост. Т. С. Майкова; под ред. А. А. Преображенского. М.: Крузь, 2004. Вып. 1. 632 с.
12. Письма и бумаги императора Петра Великого. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1950. Т. 9. Вып. 1. 526 с.; М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. Т. 10. 869 с.; М.: Наука, 1977. Т. 12. Вып. 2. 629 с.
13. Мельнов А. В. Роль русской артиллерии в осаде Выборга 1710 года // История военного дела: исследования и источники. – 2017. – Вып. 6. – С. 477–502.
14. Книга Марсова или воинских дел от войск царского величества российских. СПб.: С.-Петербург. тип., 1713. 44 с.
15. Северная война на Ингерманландском и Финляндском театрах в 1708–1714 гг. (документы Государственного архива) / сост. А. З. Мышлаевский. СПб.: Воен. тип., 1893. XXXIV + 467 + XII с.
16. Юль Ю. Записки датского посланника при Петре Великом (1709–1711) / сост. Ю. Н. Щербачев. М.: Университет. тип., 1899. 598 с.
17. Материалы для истории казенного горного дела в Олонецком крае (из писем Виллима Ивановича Геннина). Петрозаводск: Олонец. Губ. Типогр., 1902. 121 с.

18. Луппов С. П. История строительства Петербурга в первой четверти XVIII века. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1957. 190 с.

19. Материалы для истории русского флота. Ч. 3: Балтийский флот, 1702–1725. СПб.: в Тип. Морского м-ва, 1866. 726 с.

20. Беспятых Ю. Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л.: Наука, 1991. 279 с.

21. Вебер Ф.-Х. Преображенная Россия. Новые записки о нынешнем состоянии Московии. СПб.: Искусство-СПб, 2011. 302 с.

22. Зелов Д. Д. Официальные светские праздники как явление русской культуры конца XVII – первой половины XVIII века: История триумфов и фейерверков от Петра Великого до его дочери Елизаветы. М.: УРСС, 2002. 303 с.

23. Описание изданий гражданской печати. 1708 – январь 1725 г.: сводный каталог / сост. Т. А. Быкова, М. М. Гуревич; под ред. П. Н. Беркова. М.; Л.: Акад. наук СССР, 1955. 625 с.

24. Мышлаевский А. З. Петр Великий: Война в Финляндии в 1712–1714 года: Совмест. операция сухопут. армии, галер. и корабел. флотов. СПб.: Воен. тип., 1896. 668 с.

25. Походный журнал [Петра Великого] 1713 г. 2-е изд. СПб.: б. и., 1913. 64 с.

The Choice of Peter the Great and the Beginning of V. de Gennin's State Activity

Mikhail O. Akishin

The article considers the beginning of V. de Gennin's administrative activity in connection with the study of the mechanism of selection and nurturing of statesmen by Peter I. The author proves that Gennin got into the Russian service as a young man with home education under the patronage of the Amsterdam burgomaster N.-K. Witzten, which is why he initially took a modest position as a fireworksman of the Armory. Combat service as an artillery officer in Shlisselburg in the first decade of the Northern War allowed him to first earn the trust of Field Chief General Y. V. Bruce and Admiral General F. M. Apraksin, and then attract the attention of Peter I. Having met a young artillery officer, the Russian autocrat resorted to the mechanism, developed for selecting persons on whom he could rely in the process of Russia reforming. Peter I entrusted Gennin with the management of the Foundry yard and powder factory construction in St. Petersburg, which Gennin successfully coped with in 1710–1713, thereby earning the trust of the autocrat. It was the Foundry Yard construction, that became a turning point in the fate of Gennin. After that Peter I first appointed him commandant of the Olonets district and entrusted him with the management of the fleet supply base in the conditions of the war on the Baltic Sea – Petrovsky factories, and then, after the end of the war – the construction of factories in the Urals and Siberia.

Key words: Peter I, V. de Gennin, the Northern War, St. Petersburg, Foundry Yard, state administration, metallurgical industry.

For citation: Akishin, M. O. Vybor Petra Velikogo i nachalo gosudarstvennoj deyatel'nosti V. de Gennina [The Choice of Peter the Great and the Beginning of V. de Gennin's State Activity]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 163–175. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_4_163. EDN: YEZEMT

References

1. Berh, V. (1826) *Zhizneopisanie general-lejtenanta Villima Ivanovicha Gennina, osnovatelja Rossijskikh gornyh zavodov. Gornyj zhurnal* [Biography of Lieutenant General Willim Ivanovich Gennin, founder of Russian mining plants. Mining Journal]. Book 1. Pp. 51–129; Book 2. Pp. 113–172; Book 3. Pp. 89–144; Book 4. Pp. 85–134; Book 5. Pp. 87–152. (In Russ.)
2. Gennin, V. I. (1937) *Opisanie Ural'skikh i Sibirskikh zavodov, 1735* [Description of the Ural and Siberian factories, 1735]. Moscow: Istorija zavodov. (In Russ.)
3. Serov, D. O. (2019) «*Večerom iz russkogo lagerja pribyl ... major*»: *pervye 34 goda zhizni Villima Gennina* ["In the evening... a major arrived from the Russian camp": the first 34 years of Vilim Gennin's life]. *Quaestio Rossica*. Vol. 7. No. 3. Pp. 801 – 817. (In Russ.)
4. *Rossijskij gosudarstvennyj arhiv drevnih aktov* [Russian State Archive of Ancient Acts] (hereinafter – RGADA). F. 248. Op. 4. D. 161.
5. Lück, A. (1972) Georg Wilhelm Hennin. Ein Siegener als Organisator der sibirischen Eisenindustrie zur Zeit Peters des Großen. *Siegerland. Siegen*. Bd. 49. Pp. 9–11. (In Germ.)
6. Kurlaev, E. A. (2012) *Rol' inostrannykh specialistov i tehnologij v formirovanii geologorazvedochnoj i gornodobyvajushhej otraslej na Urale v XVII – pervoj chetverti XVIII veka* [The role of foreign specialists and technologies in the formation of geological exploration and mining industries in the Urals in the 17th – first quarter of the 18th century]. *Izvestija vuzov. Gornyj zhurnal* [News of universities. Mining magazine]. No. 8. Pp. 108–116. (In Russ.)
7. Lefort, F. (2006) *Sbornik materialov i dokumentov* [Collection of materials and documents]. Moscow: Drevlehranilishhe. 567 p. (In Russ.)
8. Brandenburg, N. E. (1876) *Materialy dlja istorii artillerijskogo upravlenija v Rossii: Prikaz artillerii (1701–1720 gg.)* [Materials for the history of artillery control in Russia: Prikaz of Artillery (1701–1720)]. St. Petersburg: Tip. Art. zhurn. (In Russ.)
9. RGADA. F. 154. Op. 2. D. 162.
10. Krylov, V. M. (2006) (ed.) *Arhiv general-fel'dcejhmejstera Jakova Vilimovicha Brjusa: v 3 t.* [Archive of Feldmaster General Yakov Vilimovich Bruce: in 3 volumes]. St. Petersburg: Shhkelkovo. Vol. 3. (In Russ.)
11. *Gistorija Svejskoj vojny (Podennaja zapiska Petra Velikogo)* (2004) [History of the Suan War (Peter the Great's Daily Note)]. Moscow: Krug. Iss. 1. (In Russ.)
12. *Pis'ma i bumagi imperatora Petra Velikogo* (1950, 1956, 1977) [Letters and papers of Emperor Peter the Great]. Moscow: Izd-vo Akad. nauk SSSR. Vol. 9. Iss. 1; Vol. 10; Moscow: Nauka. Vol. 12. Iss. 2. (In Russ.)
13. Mel'nov, A. V. (2017) *Rol' russkoj artillerii v osade Vyborga 1710 goda* [The role of Russian artillery in the siege of Vyborg in 1710]. *Istorija voennogo dela: issledovanija i istochniki* [History of military affairs: research and sources]. Iss. 6. Pp. 477–502. (In Russ.)
14. *Kniga Marsova ili vojskikh del ot vojsk carskogo velichestva rossijskikh* (1713) [Marsov Book or military affairs from the troops of the Tsar's Majesty of Russia]. St. Petersburg. (In Russ.)
15. Myshlaevskij, A. Z. (1893) (ed.) *Severnaja vojna na Ingermanlandskom i Finljandskom teatrah v 1708–1714 gg. (dokumenty Gosudarstvennogo arhiva)* [Northern War in the Ingria and Finnish theaters in 1708–1714. (documents of the State Archive)]. St. Petersburg: Voen. tip. (In Russ.)
16. Jul', Ju. (1899) *Zapiski datskogo poslannika pri Petre Velikom (1709–1711)* [Notes of the Danish envoy to Peter the Great (1709–1711)]. Moscow: Universitet. tip. (In Russ.)
17. *Materialy dlja istorii kazennogo gornogo dela v Oloneckom krae (iz pisem Villima Ivanovicha Gennina)* (1902) [Materials for the history of state-owned mining in the Olonets region (from letters of Willim Ivanovich Gennin)]. Petrozavodsk: Olonec. Gub. Tipogr. (In Russ.)
18. Luppov, S. P. (1957) *Istorija stroitel'stva Peterburga v pervoj chetverti XVIII veka* [History of the construction of St. Petersburg in the first quarter of the 18th century]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akad. nauk SSSR. (In Russ.)
19. *Materialy dlja istorii russkogo flota. Ch. 3: Baltijskij flot, 1702–1725* (1866) [Materials for the history of the Russian fleet. Part 3: Baltic Fleet, 1702–1725]. St. Petersburg: v Tip. Morskago m-va. (In Russ.)
20. Bespjatyh, Ju. N. (1991) *Peterburg Petra I v inostrannykh opisanijah* [Petersburg of Peter I in foreign descriptions]. Leningrad: Nauka. (In Russ.)

21. Veber, F.-H. (2011) *Preobrazhennaja Rossija. Novye zapiski o nynjashnem sostojanii Moskovii* [Transformed Russia. New notes on the current state of Muscovy]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPB. (In Russ.)

22. Zelov, D. D. (2002) *Oficial'nye svetskie prazdniki kak javlenie russkoj kul'tury konca XVII – pervoj poloviny XVIII veka: Istorija triumfov i fejerverkov ot Petra Velikogo do ego docheri Elizavety* [Official secular holidays as a phenomenon of Russian culture at the end of the 17th – first half of the 18th century: The history of triumphs and fireworks from Peter the Great to his daughter Elizabeth]. Moscow: URSS. (In Russ.)

23. Berkov, P. N. (1955) (ed.) *Opisanie izdanij grazhdanskoj pečati. 1708 – janvar' 1725 g.: svodnyj katalog* [Description of publications of the civil press. 1708 – January 1725: union catalog]. Moscow; Leningrad: Akad. nauk SSSR. (In Russ.)

24. Myshlaevskij, A. Z. (1896) *Petr Velikij: Vojna v Finlandii v 1712–1714 goda: Sovmest. operacija suhoput. armii, galer. i korabel. flotov* [Peter the Great: The War in Finland in 1712–1714: Joint operation of ground armies, galleys and shipwright fleets]. St. Petersburg: Voen. tip. (In Russ.)

25. *Pohodnyj zhurnal 1713 g. [Petra Velikogo]* (1913) [Marching journal [of Peter the Great]]. 2nd edition. St. Petersburg. (In Russ.)

Об авторе

Акишин Михаил Олегович, доктор исторических наук, кандидат юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права, Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: Akishin-MO@yandex.ru; ORCID ID: 0000-02-7363-4069

About the author

Akishin Mikhail O., Doctor of Historical Sciences, Candidate of Legal Sciences, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: Akishin-MO@yandex.ru; ORCID ID: 0000-02-7363-4069

*Статья поступила в редакцию 13.09.2023
Одобрена после рецензирования 17.10.2023
Принята к публикации 24.10.2023*

Возрождение «Артиллерийского журнала» в разные периоды отечественной истории и в настоящее время как необходимая государственная мера для популяризации военной науки и образования

И. А. Шадрина

Развитие научного и технического потенциала страны, повышение эффективности образования, просветительская работа всегда были и остаются перспективными направлениями государственной политики. Интеграция военной науки и образования реализуется в том числе в рамках национальных проектов для содействия обмена профессиональным опытом, признания выводов исследования научным сообществом. Так, одной из государственных мер для укрепления и популяризации военной науки и образования является поддержка научных периодических изданий. В связи с этим в 2022 г. в Михайловской военной артиллерийской академии был возрожден научный рецензируемый «Артиллерийский журнал». Его история начинается с 1808 г. под руководством генерал-инспектора всей артиллерии А. А. Аракчеева, создававшего журнал для взаимного обмена знаниями, чтобы приносить государству пользу. Журнал издавался несколько лет, потом закрылся и был возрожден в 1834 г. Издавался с перерывами до 1960 г., был самостоятельным изданием, частью военных сборников, а в 2022 г. начал выходить снова. В статье автор анализирует предпосылки возникновения и возрождения «Артиллерийского журнала», а также его содержание, в котором отражены отечественные и мировые события и факты за 150 лет издания.

Ключевые слова: «Артиллерийский журнал», отечественная история, военные науки, военная история, периодические издания, старейшее издание, периодическая печать.

Для цитирования: Шадрина И. А. Возрождение «Артиллерийского журнала» в разные периоды отечественной истории и в настоящее время как необходимая государственная мера для популяризации военной науки и образования // История повседневности. – 2023. – № 4. – С. 176–184. DOI: 10.35231/25422375_2023_4_176. EDN: ZYVCLW

Введение

«Артиллерийский журнал» – старейшее издание русской армии, возникновению которого в начале XIX в. способствовала необходимость в распространении военно-научных знаний, обмене мнениями и профессиональным опытом для укрепления авторитета и поддержания статуса отечественных вооруженных сил [1]. Данные Энциклопедического словаря и Военной энциклопедии свидетельствуют о том, что другие военные периодические издания стали выходить позже. Так, годом основания «Военно-медицинского журнала» считается 1823 г. [13], «Инженерного журнала» – 1826 г., «Морского сборника» – 1848 г., «Оружейного сборника» – 1861 г. [2; 3].

По мнению некоторых исследователей, «Артиллерийский журнал» являлся образцовым в системе научной периодической печати в России XIX–XX вв. В его содержании отражались вопросы военного образования, науки, техники, промышленности, просвещения, а с 60-х гг. XIX в. каждый номер включал информационную рубрику (смесь) [4, с. 110; 5–7]. Содержание «Артиллерийского журнала» охватывает во времени и пространстве многие исторические события, воспроизводит их во временной последовательности на протяжении 150 лет благодаря периодичности издания (несмотря на перерывы).

Результаты

История показывает, что зарождение «Артиллерийского журнала» напрямую связано с развитием военной науки и оборонной промышленности в России¹. Содержание первого номера предваряется Введением, в котором читаем следующие слова: «Для взаимного сообщения наших познаний, чтоб сделаться Отечеству еще полезнее будет издаваться артиллерийский журнал» [8]. Тираж номеров распределялся по тремстам подписчикам до 1812 г. После журнал не издавался вплоть до 1834 г. К этому времени мощными темпами развивается промышленность, наука, техника, совершенствуется вооружение. Складываются предпосылки к возрождению «Артиллерийского журнала».

¹ Симонова Н. Б. Система периодической печати России: вторая половина XIX – начало XX веков: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Новосибирск, 2002. 25 с.; Половенко О. П. Журнал «Морской сборник» как источник по истории Военно-морского флота: 1905–2005 гг.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2007. 25 с.

Интерес к изданию рос, с 1860 г. его выпуск становится ежемесячным, а тираж насчитывает 3000 экземпляров. Не прекращается выпуск в годы войн и революций. Так, авторы освещали события Крымской, Русско-японской, Первой, Второй мировых войн.

Во время смены политического строя в России и установления советской власти «Артиллерийский журнал» издавался различными революционными комитетами, в 30-е годы XX в. русская эмиграция в Париже также выпускала журнал. Однако в середине XX в. он становится лишь разделом общевойскового сборника «Военный вестник». С 2022 г. по инициативе руководства Михайловской военной артиллерийской академии «Артиллерийский журнал» – вновь самостоятельное издание, отвечающее требованиям концепции Высшей аттестационной комиссии Минобрнауки Российской Федерации. Автор статьи принимал непосредственное участие в организации нового издания и продолжает работать над его номерами в качестве ведущего редактора.

Библиотечный фонд Михайловской военной артиллерийской академии насчитывает 867 раритетных экземпляров «Артиллерийского журнала» с 1810 по 1960 гг., на электронных носителях собраны почти все номера (книги) издания. В связи с оцифровкой архивных номеров появился свободный доступ к новым историческим материалам, статьям и документам, а значит, малоизученные аспекты исторических проблем можно рассмотреть и проанализировать, подлинно установить или подтвердить факты исторических событий более чем 150-летней истории российского государства, отраженных в статьях и документах «Артиллерийского журнала» [14].

Исторические очерки о допетровской Руси, времени Петра I, описание гвардейской артиллерии в царствовании Императора Павла I, заметки о кавказской полевой артиллерии во времена А. П. Ермолова (1816–1827), события Крымской кампании, артиллерийские опыты в Киргизских степях и под Петергофом, новые технологии плавления стали на Златоустовских заводах, сведения о состоянии вооружения Франции, Дании, Германии, Австрии, две мировые войны, Русско-японская война 1904–1905 гг., революционные события и установление советской власти – вот краткий обзор тем, событий и фактов, отраженных

в содержании «Артиллерийского журнала» в переломные исторические моменты не только нашего государства, но и мира.

На страницах «Артиллерийского журнала» публиковались иностранные переводные статьи, а также аналитические очерки российских авторов о состоянии науки и промышленности других стран. С середины XIX в. произошли изменения в содержании «Артиллерийского журнала», издание перестало носить строго научный характер, в него включались рубрики, которые информировали читателей о создании библиотек, артиллерийских школ, сборе благотворительных пожертвований для открытия больниц, полевых госпиталей, а также библиография. Журнал стал доступен для массового читателя.

Всестороннее и комплексное изучение структуры и тематики «Артиллерийского журнала», в котором более чем за 150-летнюю историю отразились особенности развития российской государственности, реформ, контрреформ, военной науки, промышленности и культуры, необходимо для популяризации военной науки, образования и патриотического воспитания в современных условиях.

В значительной степени исследование ранее неизученных номеров «Артиллерийского журнала» и позволяет изучить практику принятия законов, касавшихся артиллерийского рода войск, и государственных мер по повышению эффективности научных исследований и деятельности офицеров артиллеристов в разные исторические периоды. Отметим, что на страницах журнала публиковались известные ученые и выдающиеся государственные деятели своего времени. Среди них И. Г. Гогель, Г. Шарнгорст, Г. Пиобер, О. П. Резвой, В. К. Плотто, Ф. К. Гебгард, Ф. Х. Минут, П. Л. Лавров, С. А. Усов, П. А. Крыжановский, А. П. Свистунов, И. С. Кузнецов, В. Ф. Ратч, Е. А. Ферсман, П. Л. Лавров, Н. В. Маиевский, П. М. Альбицкий, А. В. Гадолин, Н. Л. Чебышев, Н. Ф. Эгерштрот, А. П. Энгельгардт, А. Т. Баумгартен, Н. Е. Бранденбург, А. М. Беляев, Г. И. Ермолаев, Н. Н. Воронов и многие другие.

«Артиллерийский журнал» прославился и стал популярным благодаря их актуальным трудам, своевременно опубликованным на страницах издания. Статьи не теряют своего значения и сегодня. Добавим, что с середины XIX в. издание освещало как теоретические, практические проблемы и вопросы артилле-

рийской науки, так и информацию о фактах, событиях и людях в России и за рубежом, новости с полей сражений, книжных новинках и др. В «Артиллерийском журнале» публиковались статьи о важнейших научных открытиях и достижениях, исторические заметки, архивные материалы, изучение которых имеет большое значение на фоне происходивших событий отечественной и мировой истории XIX–XX вв. [16; 17].

Обсуждение и выводы

Материалы журнала являются значительным вкладом в русскую и мировую военно-историческую науку. Заслуга ведомственных научных периодических изданий XIX в. состоит в том, что, наверное, все важнейшие вопросы истории в той или иной степени освещались и исследовались на их страницах [18]. Авторский коллектив «Артиллерийского журнала» того времени представляли люди высокообразованные, занимающиеся наукой в разных или смежных областях, печатались переводные иностранные статьи, поэтому «Артиллерийский журнал» можно считать источником не только отечественной истории, но и мировой. А вот его официальная рубрика, представленная нормативными документами (приказами, циркулярами, наградными листами и даже некрологами) имеет большое значение для исследования, развития и совершенствования артиллерийского рода войск и вооруженных сил в целом [6].

Академия переняла опыт своих предшественников в издании военного журнала, его тематику и концепцию, при этом утвердив новую редакционную политику во взаимоотношениях редакции с авторами, рецензентами и читателями. Сегодня ученые, выполняющие исследования по актуальным проблемам военных наук, заинтересованы публиковать результаты своих работ не только в зарубежных, но и российских журналах [19, с. 91]. Редакция «Артиллерийского журнала» работает над повышением качества публикаций и поддержанием статуса научного журнала, продолжая исследовательскую работу в рамках изучения и анализа архивных номеров «Артиллерийского журнала».

Список литературы

1. Кузьминский К. С. Очерк развития военной журналистики в России // Война и мир. – 1906. – № 7. – С. 114–130.
2. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона: в 82-х т. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907. Т. 1. 140 с.
3. Военная энциклопедия / под ред. Ген. штаба полк. В. Ф. Новицкого, воен. инж. подполк. А. В. фон Шварца (и др.). СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1911–1915.
4. Артиллерийский журнал / Военная энциклопедия. СПб.: Т-во И. Д. Сытина, 1911–1915. 110 с.
5. Лисовский Н. М. Русская периодическая печать. 1703–1900 гг. (библиография и графические таблицы). СПб.: кн. маг. А. Ф. Цинзерлига, 1895–1915. 4 т. Т. 1. 267 с.
6. Бранденбург Н. Е. 500-летие Русской артиллерии // Артиллерийский журнал. – 1889. – № 2. – 118 с.
7. Военно-исторический музей артиллерии, инженерных войск и войск связи: Путеводитель / под ред. А. А. Бумагина. Л.: [б. и.]. 1964. 271 с.
8. Введение // Артиллерийский журнал. – 1808. – № 1. – С. 3–4.
9. Андрияйнен С. В. Проблемы реформ в артиллерии по материалам российских военных журналов первой четверти XIX в. // Новое слово в науке: стратегии развития: сборник материалов IV Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 12 марта 2018 года. – Чебоксары: Центр научного сотрудничества "Интерактив плюс", 2018. – С. 14–18. EDN: YUYDCR
10. Баканеев С. А., Вапилин Е. Г. Артиллерийский журнал» как феномен артиллерийской науки и культуры // Михайловец. – 2022. – № 44. – С. 4–9.
11. Балашова Ю. Б. Научные коммуникации 20-х годов XX века: факторы развития // Ученые записки Казанского университета. – 2018. – Т. 160. – С. 838–849. EDN: ZUNJFJ
12. Фролкин А. Э., Шадрин И. А. История создания и факторы развития «Артиллерийского журнала» // Артиллерийский журнал. – 2022. – № 1. – С. 112–117. EDN: RGJKIE
13. Поддубный М. В. «Военно-медицинский журнал» в начале XX века // Военно-медицинский журнал. – 2022. – Т. 343. № 8. – С. 62–70. DOI: 10.52424/00269050_2022_343_8_62. EDN: ENLRPO
14. Казаков Р. Б. О библиотеке Михайловской артиллерийской академии и училища / Армия и книга: тезисы докладов межрегиональной научной конференции. – Новосибирск: Государственная публичная научно-техническая библиотека СО РАН, 1995. – С. 141–144.
15. Гугелев А. В., Сеченко А. А. Цитируемость как инструмент управления качеством научных исследований // Информационная безопасность регионов. – 2019. – № 1. – С. 74–83. EDN: UXQTND
16. Новиков Р. Ю. Развитие периодической печати в России: экономический аспект // Медиальманах. – 2020. – № 4. – С. 98–110. DOI 10.30547/mediaalmanah.4.2020.98110. EDN: GDYUUX
17. Дьяков С. И., Воронежский А. М. О некоторых вопросах редакционно-издательской деятельности офицерской артиллерийской школы // Педагогическое образование. – 2020. – № 1. – С. 17–25. EDN: ULZDSQ

18. Аборонов А. Русские военные журналы // Техника и вооружение. – 1991. – № 9. – С. 30–31.

19. Шадрина И. А. Показатель цитирования статьи как средство оценки востребованности научного исследования // Артиллерийский журнал. – 2022. – № 2. – С. 90–93. EDN: IBKYKK

20. Левашева З. П. Синицына К. В. Русская военная периодическая печать (1702–1916). Библиографический указатель. М.: [б. и.]. 1959. 241 с.

The Revival of "The Artillery Journal" in Different Periods of Russian History and at Present as a Necessary State Action for the Popularization of Military Science and Education

Irina A. Shadrina

The development of the scientific and technical ability of the country, improving the efficiency of education, educational activity have always been and remain prospective areas of state policy. The integration of military science and education is being implemented also within the framework of national projects to promote the exchange of professional experience and the recognition of received information by the scientific community. Thus, one of the state measures to strengthen and popularize military science and education is the support of scientific periodicals. In this regard, in 2022 "The Artillery Journal" was revived at the Mikhailovskaya Military Artillery Academy. Journal's history begins in 1808 under the leadership of Inspector General of all artillery A. Arakcheev, who created a periodical for the mutual exchange of knowledge in order to be more useful to the Fatherland. The journal was published for several years, then closed and was revived in 1834. It was published intermittently until 1960, was an independent publication, part of military collections, and in 2022 began to be published again. In the article, the author analyzes the prerequisites for the emergence and revival of the "The Artillery Journal", as well as its filling, that reflects domestic and world events and facts over the 150 years of the journal's publication. The study of this archival material has scientific and practical significance in the educational and pedagogical processes of military and civilian higher educational institutions.

Key words: The Artillery Journal, national history, military sciences, military history, periodicals, the oldest edition, periodical press.

For citation: Shadrina, I. A. (2023) Vozrozhdenie «Artillerijskogo zhurnala» v raznye periody otechestvennoj istorii i v nastoyashchee vremya kak neobhodimaya gosudarstvennaya mera dlya populyarizacii voennoj nauki i obrazovaniya [The Revival of "The Artillery Journal" in Different Periods of Russian History and at Present as a Necessary State Action for the Popularization of Military Science and Education]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life]. No. 4. Pp. 176–184. (In Russ.). DOI: 10.35231/25422375_2023_4_176. EDN: ZYVCLW

References

1. Kuz'minskij, K. S. (1906). *Oчерк razvitiya voennoj zhurnalistiki v Rossii* [An essay on the development of military journalism in Russia]. *Vojna i mir* [War and Peace]. No. 7. Pp. 114–130. (In Russ.)
2. *Enciklopedicheskij slovar' F. A. Brokgauza i I, A. Efrona v 82-h t.* [Encyclopedia of Brockhaus and Efron in 82 volumes]. (1890–1907). Saint Petersburg: Brokgauz-Efron. Vol. 1. (In Russ.)
3. Novitsky, V. F. (1911–1915) (ed.) *Voennaya enciklopediya* [Military Encyclopedia]. Saint Petersburg: T-vo I. D. Sytina. (In Russ.)
4. *Artillerijskij zhurnal* [Artillery Magazine]. *Voennaya enciklopediya* [Military Encyclopedia]. Saint Petersburg: T-vo I. D. Sytina, 1911–1915. (In Russ.)
5. Lisovskij, N. M. (1915) *Russkaya periodicheskaya pechat'. 1703–1900 gg. (bibliografiya i graficheskie tablitsy)* [Russian periodical press. 1703–1900 (bibliography and graphic tables)]. Saint Petersburg: 4 vols. Vol. 1. (In Russ.)
6. Brandenburg, N. E. (1889) *500-letie Russkoj artillerii* [500th anniversary of Russian artillery]. *Artillerijskij zhurnal* [Artillery Magazine]. No. 2. (In Russ.)
7. Bumagin, A. A. (1964) (ed.) *Voенно-istoricheskij muzej artillerii, inzhenernyh vojsk i vojsk svyazi: Putevoditel'* [Military History Museum of Artillery, Engineering Troops and Communications Troops: A guide]. Leningrad. (In Russ.)
8. *Vvedenie* [Introduction] (1808). *Artillerijskij zhurnal* [Artillery Magazine]. No. 1. Pp. 3–4. (In Russ.)
9. Andriajnen, S. V. (2018) *Problemy reform v artillerii po materialam rossijskih voennyh zhurnalov pervoj chetverti 19 veka* [Problems of reforms in artillery based on the materials of Russian military journals of the first quarter of the 19th century]. *Novoe slovo v nauke: strategii razvitiya* [New word in science: development strategies]. Collection of materials of the 4th All-Russian Scientific and Practical Conference with international participation. СHеboksary: Interaktiv plus. Pp. 14–18. (In Russ.)
10. Bakaneev, S. A., Vapilin, E. G. (2022). *Artillerijskij zhurnal» kak fenomen artillerijskoj nauki i kul'tury* [Artillery magazine" as a phenomenon of artillery science and culture]. *Mihajlovec* [Mikhailovets]. No. 44. Pp. 4–9. (In Russ.)
11. Balashova, YU. B. (2018) *Nauchnye kommunikacii 20-h godov XX veka: faktory razvitiya* [Scientific communications of the 20s of the 20th century: factors of development]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta* [Scientific notes of Kazan University]. Vol. 160. Pp. 838–849. (In Russ.)
12. Frolkin, A. E., SHadrina, I. A. (2022). *Istoriya sozdaniya i faktory razvitiya «Artillerijskogo zhurnal»* [History of creation and factors of development of the "Artillery magazine"]. *Artillerijskij zhurnal* [Artillery Magazine]. No. 1. Pp. 112–117. (In Russ.)
13. Poddubnyj, M. V. (2022). *«Voенно-medicinskij zhurnal» v nachale XX v.* ["Military Medical Journal" at the beginning of the 20th century]. *Voенно-medicinskij zhurnal* [Military Medical Journal]. No. 8. Pp. 62–70. (In Russ.)
14. Kazakov, R. B. (1995). *O biblioteke Mihajlovskoj artillerijskoj akademii i uchilishcha* [About the library of the Mikhailovsky Artillery Academy and School]. *Armiya i kniga: tezisy dokladov mezhtsejional'noj nauchnoj konferencii* [Army and Book: abstracts of reports of the interregional scientific conference]. Novosibirsk. Pp. 141–144. (In Russ.)
15. Gugelev, A. V., Sechenko, A. A. (2019). *Citiruemost' kak instrument upravleniya kachestvom nauchnyh issledovanij* [Citation as a tool for quality management of scientific research]. *Informacionnaya bezopasnost' regionov* [Information security of regions]. No. 1. Pp. 74–83. (In Russ.)
16. Novikov, R. YU. (2020). *Razvitie periodicheskoy pechati v Rossii: ekonomicheskij aspekt* [Development of periodicals in Russia: economic aspect]. *Medial'manah* [Media Almanac]. No. 4. Pp. 98–110. (In Russ.)
17. D'yakov, S. I., Voronezhskij, A. M. (2020). *O nekotoryh voprosah redakcionno-izdatel'skoj deyatel'nosti oficerskoj artillerijskoj shkoly* [About some issues of editorial and publishing activities of the officer artillery school]. *Pedagogicheskoe obrazovanie* [Pedagogical education]. No. 1. Pp. 17–25. (In Russ.)
18. Aboronov, A. (1991). *Russkie voennye zhurnaly* [Russian military magazines]. *Tekhnika i vooruzhenie* [Equipment and weapons]. No. 9. Pp. 30–31. (In Russ.)

19. Shadrina, I. A. (2022). *Pokazatel' citirovaniya stat'i kak sredstvo ocenki vostrebovannosti nauchnogo issledovaniya* [Article citation index as a means of assessing the relevance of scientific research]. *Artillerijskij zhurnal* [Artillery Journal]. No. 2. Pp. 90–93. (In Russ.)

20. Levasheva, Z. P., Sinicya, K. V. (1959). *Russkaya voennaya periodicheskaya pechat' (1702–1916). Bibliograficheskij ukazatel'*. [Russian Military Periodical press (1702–1916)]. Bibliographic index]. Moscow. (In Russ.)

Об авторе

Шадрина Ирина Андреевна, младший научный сотрудник, Михайловская военная артиллерийская академия, Санкт-Петербург, Российская Федерация; e-mail: mvaa@mil.ru; ORCID ID: 0000-0003-3697-9954

About the author

Shadrina Irina A., Junior Researcher, Mikhailovskaya Military Artillery Academy, St. Petersburg, Russian Federation; e-mail: mvaa@mil.ru; ORCID ID: 0000-0003-3697-9954

Статья поступила в редакцию 13.03.2023

Одобрена после рецензирования 01.06.2023

Принята к публикации 14.06.2023

Севастополь. Графская пристань
Открытка. Автор неизвестен

Приморский бульвар. Севастополь. Крым
Открытка. Автор неизвестен.

К статье А. Д. Поповой

ЯЛТА.

ПЕРВОКЛАССНАЯ ГОСТИНИЦА

„ФРАНЦІЯ“

на *Набережной ул.*

имѣеть 45 комфортабельно обставленныхъ и капитально заново отремонтированныхъ номеровъ, цѣною отъ

1 Р. до 5 Р. въ сутки.

Мѣсячнымъ квартирантамъ уступка.

При гостиницѣ роскошный ресторанъ, садъ, навильонъ-терраса, устроенный на скалахъ надъ моремъ.

Завтраки отъ 11 ч. до 1 часа дня изъ 2-хъ блюдъ — 70 коп.

Обѣды отъ 1 часа дня до 6 часовъ вечера:

Изъ 3-хъ блюдъ 80 коп.

Изъ 4-хъ блюдъ 1 руб.

Ужины по картамъ.

Кухня подъ личнымъ наблюдениемъ содержателя гостиницы **И. С. Апостолюва.**

ПРАКТИЧЕСКИЙ ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО КРЫМУ

I.

ОБЩИЙ ОЧЕРКЪ КРЫМА

Географическій очеркъ. Полуостровъ Крымъ, этотъ благодатнѣйшій уголокъ нашего отечества, лежитъ между 40° 23' и 46° 21' сѣверной широты и между 29 10' и 6° 20' восточной долготы отъ Пулкова. Полуостровъ омывается съ сѣвера — Кирентскимъ заливомъ и частью Сиваша съ Генуэзскимъ проливомъ; съ запада и юга — Чернымъ моремъ и съ востока — Керченскимъ проливомъ и Азовскимъ моремъ. Съ материкомъ Крымскій полуостровъ соединяется на сѣверъ при посредствѣ узкаго Перекопскаго перешейка.

Такимъ образомъ, полуостровъ является природно крѣпостью и оправдываетъ названіе свое, означаящее по-татарски «укрѣпленное мѣсто» (*серай-стѣна*). Существуетъ проектъ о проорытіи Черноморско-азовскаго канала (между Геническомъ и Перекопомъ). Если онъ будетъ приведенъ въ исполненіе, то этимъ установится крат-

Разворотъ путеводаителя по Крыму
Москвичъ Г. Г. Практическій путеводаитель по Крыму. Одесса, 1896.

Основатель Екатеринбурга Г. В. де Геннин. *Неизвестный художник.*
Источник: Энциклопедия Екатеринбурга. Том 1.

К статье М. О. Акишина

Родительская семья Ш. З. Голубкина. Примерно 1907 г.
Ш. З. Голубкину около двух лет (он внизу слева).
ТЦДНИ. Ф. 4115. Оп. 1. Д. 9. Л. 1.

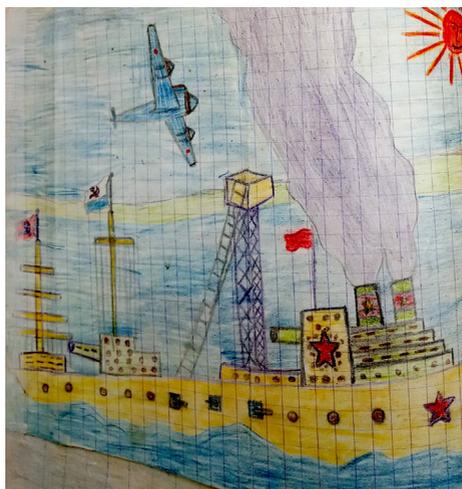

Семья Голубкиных: Шмера Залманович, Мара, Эдик,
Екатерина Семеновна. 1937 г.
ТЦДНИ. Ф. 4115. Оп. 1. Д. 9. Л. 2.

К статье Л. А. Болокиной

Семья Голубкиных. 1948–1949 гг.
ТЦДНИ. Ф. 4115. Оп. 1. Д. 9. Л. 3.

Рисунок Эдика Голубкина
ТЦДНИ. Ф. 479. Оп. 3. Д. 189. Л. 25 об.

К статье Л. А. Болокиной

ДЛЯ ЗАМЕТОК

научный журнал

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 4 (28)

2023

Редакторы **С. К. Довбышенко, А. А. Титова**

Технический редактор **Н. П. Никитина**

Верстальщик **Е. И. Ягин**

Оригинал-макет и обложка **Е. И. Ягин**

Подписано в печать 29.12.2023. Формат 60x84 1/16.

Гарнитуры Cormorant Garamond, Source Serif.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 12.

Тираж 500 экз. (первый завод – 50 экз.)

Заказ № 1910

На обложке размещена репродукция картины

С. П. Богданова-Бельского «У дверей школы», 1897 г.,

Государственный Русский музей, Россия

Адрес редакции

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 451-98-83 <http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Адрес учредителя, издателя

196605, Россия, Санкт-Петербург,
г. Пушкин, Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58 <http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru